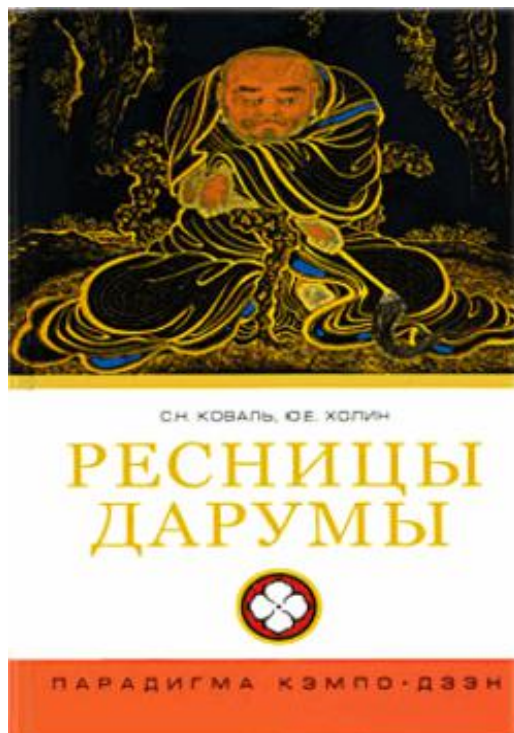

Сергей Николаевич Коваль, Юрий Евгеньевич Холин

Ресницы Дарумы: парадигма Кэмпо-Дзэн

К читателю

Возьмите всю Вселенную сразу и положите её себе на ресницы.
Юнь-Мэнь

Материал данной книги

составлен из лекций по философии, мировоззрению, истории, культуре буддизма, но, главным образом, они посвящены тому уникальному явлению, возникшему на «питательной» основе буддизма Махаяны, которое можно проиллюстрировать словами Д.Т. Судзуки: «Среди многочисленных буддийских сект – особенно тех, которые выросли в Китае и Японии, – мы находим один уникальный орден, претендующий на то, что он передает сущность духа буддизма непосредственно от его автора, причем без помощи какого-либо тайного документа или таинственного обряда. Этот орден один из самых значительных в буддизме не только с точки зрения его исторической важности и духовной жизненности, но и с точки зрения непревзойденной оригинальности и притягательной силы. Научное название этого пути – «Сердце Будды» (Буддха – Хридайя), а более популярное – «Дзэн».

Именно дзэн выражает дух буддизма, но спустившийся со своих метафизических высот, чтобы стать практической наукой жизни, присутствующей во всех ее областях, в том числе и в боевых искусствах.

Вот почему сознание дзэн – это не нечто отдельно существующее и время от времени востребованное, но постоянно присутствующее в сердце и уме человека, для которого любое место его пребывания становится храмом, святилищем. Оттого человек сей и относится к своему окружению с милосердием и состраданием, однако, адекватно реагирует на негативные раздражители, умело уходя от них или гася их, если возникает необходимость.

Курс этих лекций был прочитан и предлагается сейчас ученикам школы кэмпо-дзэн как теоретическая часть в процессе психофизического и духовного совершенствования личности.

Со временем материал этого курса стал интересен не только ученикам школы, но и

просто людям, равнодушным к проблемам физического и духовного здоровья.

Так возникла естественная необходимость того, чтобы лекции эти по нарастающей сложности излагаемого в них материала, а именно так, как они даются мастерами – основателями школы кэмпо-дзэн, были опубликованы для широкой читательской аудитории.

Авторами их являются Магистры дзэнских боевых искусств, доктора йогавиджняны Холин Ю.Е. и Коваль С.Н., обучавшиеся этим наукам долгие годы в Индии, которые на протяжении вот уже более двадцати лет занимаются практикой дзэн, боевых искусств, йоги.

ЛЕКЦИЯ 1

Всемирная организация Шоринджи-кэмпо. Дошин Со – основатель. Этикет додзё. Складывание до ги. Традиционное завязывание пояса

ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ШОРИНДЖИ-КЭМПО

Шоринджи-кэмпо – вид восточного единоборства и философия, основаны мастером Дошин Со в Японии в 1947 году. В августе 1945 года, после поражения Японии во Второй мировой войне, Дошин Со был свидетелем тех крайне неблагоприятных условий, вызванных войной в северо-восточной части Китая (а именно в Маньчжурии), где все возможные формы моральных ценностей были утрачены людьми.

«Люди, люди, люди – все в этом мире зависит от качества человеческой природы». Дошин Со пришел к глубокому убеждению, что если все создается людьми, то единственный путь для достижения мира, так необходимого этим же людям, лежит через обучение и наставление как можно большего числа молодежи с тем, чтобы выработать у них крепкое чувство справедливости, мужества и сострадания.

Говорить, что люди обладают природой Будды, – значит клеветать на Будду, на Дхарму и на Сангху. Говорить, что люди не обладают природой Будды, – тоже значит клеветать на Будду, на Дхарму и на Сангху.

Бай-чжан

По возвращении в Японию он решил заняться воспитанием молодого поколения. С этой целью он собрал воедино технику различных боевых искусств, которую он постиг в

Китае, и свою собственную оригинальную технику, основанную на философии дзэн. Все это получило название Шоринджи-кэм-по. Таким образом, им был выработан путь образования молодых людей. Шоринджи-кэмпо включает в себя более 600 технических приемов, которые можно разложить на три основные категории – гохо (жесткая техника ударов руками и ногами, блоков), дзюхо (мягкая техника уходов, бросков, заломов) и сейхо (техника наращивания физического потенциала).

В настоящее время существует более более 1500 филиалов школы в Японии, в которых занимаются около 2 миллионов человек, филиалы в 25 странах мира. Первый из этих филиалов был открыт в Индонезии в 1967 году, затем во Франции, Англии, Австралии, Германии, Испании, Италии, Канаде, Сингапуре, США, Чили, Украине, России и других странах. В 1974 году была образована Всемирная организация Шоринджи-кэмпо (ВОШК) во главе с президентом, которым стал Дошин Со. Организация ставит задачей курирование всех филиалов в Японии и за рубежом.

Мандзи-символ ВОШК

В основную программу всех зарубежных филиалов входят показательные выступления, семинары и выездные занятия. Существует также «Центральный офис» в Европе, который является местным представителем штаб-квартиры в Японии, которая проводит семинары и занятия, а также направляет инструкторов в страны Европы.

Мастер Дошин Со умер в 1980 году, оставив приемницу – Ююки Со (Дошин Со II), которая и возглавляет теперь Всемирную организацию Шоринджи-кэмпо.

ДОШИМ СО – ОСНОВАТЕЛЬ

История японского Шоринджи-кэмпо неразрывно связана с именем Дошин Со, родившегося в 1911 году на Окинаве и умершего в Японии 12 мая 1980 года. Он более 20 лет провел в Китае по заданию японского тайного общества «Кокурю-кай» (Общество Черного дракона). Там он изучал различные стили китайского ушу. В частности, детально постиг технику и особенности «внутренней работы» школы «Кулак Белого лотоса» (Байляньшэ-цюань, по-японски Бякурэнкэн). Затем ему посчастливилось сблизиться с главой школы «Кулак Врат справедливости» (по-китайски Ихэ-мэнь-цюань) мастером Вэнь Лаоцзуном и стать его учеником. Эта школа относилась к направлению «Северный Шаолинь». После длительного обучения почтенный мастер в 1936 году объявил своего

ученика (об истинном облике которого он, видимо, не догадывался) своим преемником, 32-м патриархом школы «Ихэ-мэнь-цюань».

Дошин Со

В 1945 году Дошин Со вернулся в Японию, оккупированную после капитуляции американскими войсками. В то время морально-психологическое состояние нации, поставленной победителями на колени, усомнившейся в своих святынях, переживавшей огромные материальные и бытовые трудности, было крайне тяжелым. Особенно плохо обстояли дела с молодежью. Преступления, пьянство, проституция, погоня за сиюминутными удовольствиями, пренебрежение вековыми традициями – вот что увидел Со. Желая способствовать изменению сложившегося положения, он попытался воздействовать на души и умы молодых людей проповедью религиозно-философских принципов раннего буддизма. Но успеха не добился. И тогда он решил поступать так, как поступил в свое время Бодхидхарма: объединить философию с боевыми искусствами и нравственным образом жизни. Новшество пришлось по вкусу. Юноши и девушки до отказа заполнили небольшое додзё, названное Со храмом вероучения Конгодзэн и гимнастики Эккингё.

Вера представляет собой неуверенность.

Люди верят в Бога, так как не имеют реальных сведений о нем. Где есть естественное знание Бога, нет нужды в вере. Высшая форма уверенности -это когда ты знаешь что-то настолько естественно, определённо, что не можешь описать словами.

Л. Рейнхард

«Конгодзэн» в переводе означает «разум, твердый как алмаз», а «эккингё» – это гимнастика, соединяющая медитацию с физическими упражнениями. В основу системы, которую Со Дошин в 1947 году официально назвал «Шоринджи-кэмпо», легло учение Бодхидхармы о том, что для достижения просветления в равной мере необходимы железное здоровье, негибачаемый дух и миролюбивый характер. В свою очередь, обретение этих «трех сокровищ» возможно через практику боевых искусств, дыхательно-медитативные упражнения, познание истинной сути дзэна и следование его заветам в своей повседневной жизни.

ЭТИКЕТ ДОДЗЁ

Занятию всегда предшествует то, что «кэнси» (кулачный боец) у входа в додзё снимает обувь и ставит ее в специально отведенное для этого место. Так осуществляется дзэнский принцип «кёкка-спуко», требующий начинать совершенствование со своих ног. Затем, войдя непосредственно в додзё, кэн-си делает ритуальное приветствие ладонями, после чего приступает к переодеванию в белое до ги (одежда для осуществления пути), которое неправильно называют кимоно, путая его с традиционной японской одеждой. Затем все вместе приступают к выполнению следующего ритуала дзэн – «сому», суть которого заключается в очищении своей души через очищение места постижения пути. Это не только устранение пыли и грязи в данном помещении, но и своеобразное выражение благодарности за возможность совершенствоваться в нем свой дух и своё тело. После окончания уборки начинается само занятие.

Истину надо ухватывать через внезапное Просветление, но полное постижение развивается шаг за шагом.

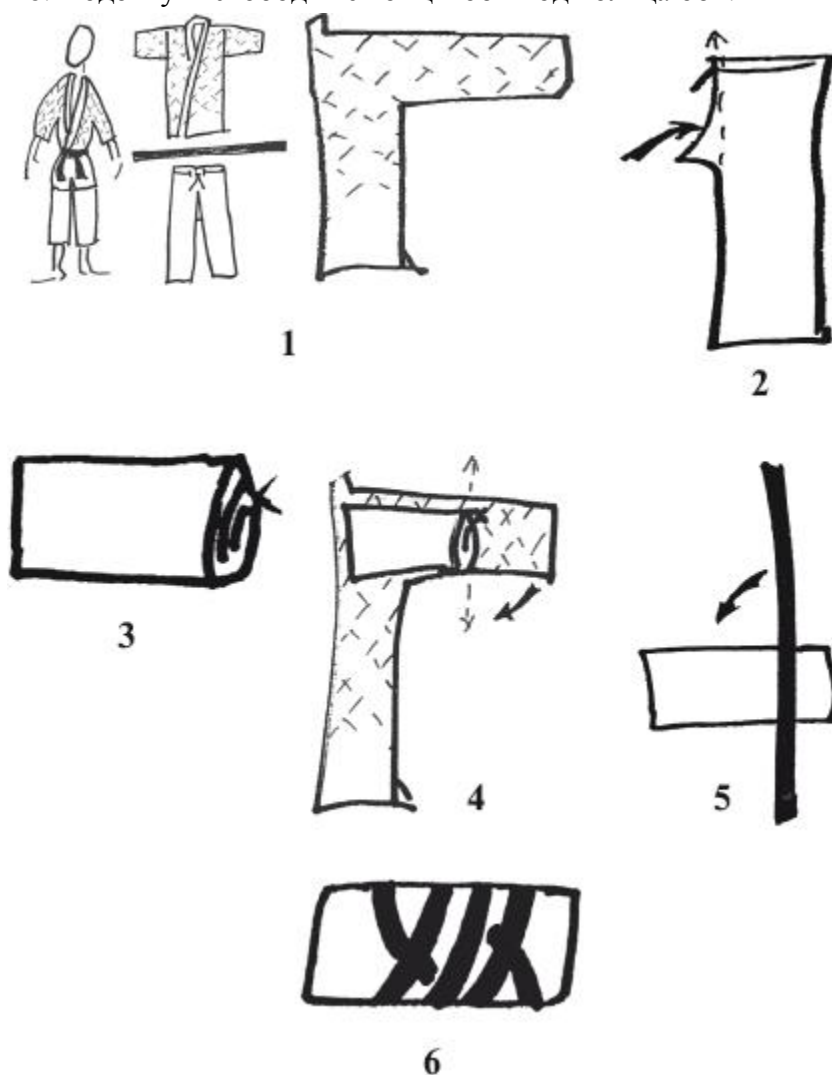
Чжан Чжэнь-Цзы

ТРАДИЦИОННОЕ СКЛАДЫВАНИЕ ДО ГИ

Складывание до ги, как и любой другой униформы боевых искусств, необходимо для хранения и транспортировки. При этом после хранения сложенного до ги, при его повторном одевании, оно должно выглядеть выглаженным и иметь опрятный вид. Для этого необходимо:

1. Сложить верхнюю часть до ги пополам.

2. Сложить нижнюю часть до ги пополам и загнуть выступающую область вовнутрь.
3. Скатать нижнюю часть в валик.
4. Положить валик на сложенную верхнюю часть, обернуть рукавом и скатать.
5. Обернуть скатку оби (поясом).
6. Подогнуть свободные концы оби под кольца оби.

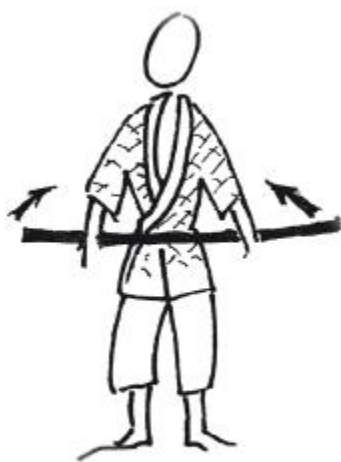

ТРАДИЦИОННОЕ ЗАВЯЗЫВАНИЕ ОБИ (ПОЯСА)

Для того чтобы правильно завязать оби, необходимо:

1. Взять пояс двумя руками перед собой, строго по центру.
2. Обернуть пояс вокруг себя, таким образом, чтобы концы пояса держались в руках перед собой.
3. Левая часть пояса пропускается сверху правой и под основной виток снизу.
4. Пропускается сверху вниз под правую свободную часть и завязывается в узел серединой (входом) с правой стороны.

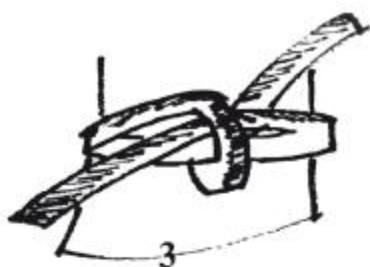
(Это мужской вариант завязывания пояса. Женский вариант начинается с правой части пояса, и узел входом с левой стороны).

1

2

3

4

5

ЛЕКЦИЯ 2

История развития Шоринджи-кэмпо. Бодхидхарма

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ШОРИНДЖИ-КЭМПО. БОДХИДХАРМА

Древнее искусство Шоринджи-кэмпо получило широкую известность лишь в сравнительно недавнее время, хотя истоки его теряются в истории Индии почти пять тысяч лет назад. История развития этого искусства полна динамизма. Множество основных приемов сохранилось до наших дней, но современная их форма отличается от древнеиндийских прототипов. Посредством связи с буддизмом, усвоения элементов других видов борьбы без оружия и всевозможных культурных взаимовлияний Шоринджи-кэмпо постепенно приобрело свой нынешний вид.

На определенном этапе своего развития человек неизбежно приходил к изобретению приемов боя без оружия. Эти приемы существовали во всех древних цивилизациях, в одних – более разработанные и эффективные, в других – менее. По различным причинам некоторые из них забылись и исчезли, в то время как другие пережили множество государств и сохранились в виде связных систем. В Индии около пяти тысяч лет назад существовала одна из древнейших систем кэмпо. Об этом свидетельствуют сохранившиеся настенные росписи и другие реликвии этой эпохи. Ко времени основания буддизма индийское кэмпо существовало уже в виде упорядоченного искусства. Говорят, что сам Будда был настолько поражен его эффективностью в достижении единства ума и тела, что включил его в свое учение. Однако в дальнейшем кэмпо развивалось вполне независимо.

Единственным значимым компонентом дзэн-буддизма является собственная конкретная жизнь, экзистенция во всей её базисной противоречивости и неполноте, а также, в отличие от простого лишь желания, истинный поиск примирения и осуществления.

Р. де Мартино

Несмотря на то, что буддизм был занесен в Китай скорее всего во времена позднего правления династии Хань (25—220 гг. н.э.), кэмпо попало в Китай много позднее. О том, когда именно буддизм появился в Китае, существует множество предположений. Согласно буддийской традиции это произошло в 64 году н.э., когда император Минди отправил в Индию послов для приобретения буддийских сутр и изображений. Но известно также, что усвоенный тогда вариант буддизма уже сильно отличался от индийского прототипа, который к тому времени достаточно сильно изменился вследствие ассимиляции многих чужеродных культурных элементов. Буддизм, укоренившийся в то время в Китае, проповедовал спасение посредством веры и придавал большое значение метафизическим спекуляциям. Возможности попасть в рай после смерти уделялось гораздо большее внимание, чем достижению совершенства в этом мире.

Двадцать восьмой патриарх буддизма Дарума (Бодхидхарма), наблюдая упадок истинной веры в Китае, попытался проповедовать истинное учение Будды. Это было в конце VI века н.э. Он отправился пешком из Индии в Китай ко двору У-ди, царствовавшего в государстве Лян и имевшего репутацию великого покровителя буддизма. Но поскольку течение буддизма, к которому принадлежал У-ди, било достаточно формализованным, владыка не понял Бодхидхарму, проповедовавшего медитацию и интуитивное понимание. Но многие сомневавшиеся и разочарованные в тогдашнем буддизме объединились вокруг патриарха. Будучи изгнанным из государства Лян, Бодхидхарма ушел в государство Вэй и в конце концов осел в монастыре Шоринджи (Шаолинь-сы) неподалеку от Лояна, в нынешней провинции Хэнань. Буддизм,

преподававшийся в этом монастыре, стал известен под именем Чань (в японском чтении Дзэн).

С самого начала кэмпо не считалось исключительно военным искусством, но ставилось на один уровень с дзадзэн (медитацией сидя) и воспринималось как аскетическая практика и метод очистительных предписаний в создании гармоничного единства духа и тела. Кэмпо также считалось необходимым для преодоления ослабления тела при длительном дзадзэне. Буддизм, привнесенный в Китай Бодхидхармой, одинаково ценил кэмпо и дзадзэн.

Бодхидхарма

Рожденный неизбежно умрет, умерший неизбежно родится...

Бхавагат-гита

Кэмпо не было придумано монахами как средство для защиты имущества храма, как многие неверно полагают. Однако позднее кэмпо оказалось гораздо более эффективным, чем практика дзадзэн, ставшая основой духовного развития. В результате Шаолиньский монастырь прославился не как центр Дзэн, но как школа военного искусства. В дальнейшем кэмпо, появившееся в Шаолине, было известно под различными именами.

Несмотря на то, что многие сомневаются в достоверности легенды о Бодхидхарме, существуют доказательства, подтверждающие многие ее аспекты. Например, стенные росписи, которые до сих пор можно увидеть в Шаолиньском храме, изображают темнокожих, возможно, индийских монахов, занимающихся кэмпо вместе с китайцами. Это может служить подтверждением мнения об индийском происхождении шаолиньского кэмпо.

Военное искусство, практиковавшееся в Шоринджи, держалось в секрете и преподавалось только монахам этого монастыря, поскольку кэмпо считалось неотделимым от Дзэн. Иными словами, оно первоначально не было исключительно военным искусством. Более того, поскольку кэмпо было чрезвычайно эффективным, оно становилось опасным в руках дурных людей или тех, кто не понимал его истинного смысла. Позднее власти неоднократно сжигали Шоринджи и подвергали преследованиям его монахов. В те времена ношение оружия было запрещено, и монахи, обученные в Шоринджи, считали своим долгом преподавать кэмпо людям для защиты от разбойников

и продажных чиновников. Именно поэтому кэмпо, утерявшее связь с Дзэн, распространилось среди населения многих областей Китая. Уже не называясь в это время Шаолинским, кэмпо прочно утвердилось во многих провинциях и стало известным под различными именами. И хотя техника передавалась от одного знатока к другому, связь храма с дальнейшим развитием кэмпо практически невозможно проследить. Шоринджи был разрушен при императоре У-ди в результате проводившейся тогда антибуддийской политики. Он был восстановлен во время династии Суй (589—618), но не существует доказательств того, что кэмпо и далее практиковалось в этом или в других монастырях. Количество монахов выросло во время династии Тан (618—907), и они, скорее всего, действительно участвовали в подавлении нескольких мятежей, но нет фактов, подтверждающих, что они владели кэмпо. Скорее всего, кэм-по полностью исчезло в месте своего появления в Китае и сохранилось только в народе.

Воины приходят

Начиная с позднего периода династии Сун (947–1279) и вплоть до эпохи Цин (1662—1912) кэмпо расцвело настолько сильно, что это время иногда называют золотым веком военных искусств. В китайских хрониках эпохи Сун упоминаются имена многих мастеров кэмпо. В эпоху Юань (1279—1368) в восстаниях участвовало такое множество владеющих кэмпо людей, что императоры проводили политику запрета военных искусств. Восстание 1620-х годов в провинции Сычуань, направленное против династии Мин, возглавлялось

мастерами кэмпо. Кэмпо было ядром народного сопротивления маньчжурской династии Цин. Последняя, как и многие предшествующие династии, издавала эдикты, запрещающие кэмпо, но, несмотря на гнет властей, военное искусство не потеряло своей жизненной силы.

После строгого указа 1730 года, когда казалось, что кэмпо вовсе исчезнет или останется в искаленном виде, дело продолжили многочисленные тайные общества.

Императорское правительство не признавало политических партий и каких-либо других узаконенных органов народного протеста, и тайные общества в течение долгого времени служили целям защиты и взаимопомощи, особенно во времена усиления гнета. Многие из них создавались на основе религиозных сект, но чаще всего объединение происходило на почве занятий кэмпо. Тайные общества, как правило, увеличивали свою активность на конечных этапах существования династий.

Восстание боксеров 1900 года стало результатом действий нескольких тайных обществ, объединившихся для осуществления общей цели – построения государства на основе справедливости и гармонии. Сначала восставшие выступали против династии Цин, но в конце XIX столетия, вследствие смены настроений в народе, они направили свои действия против иностранных колонизаторов и стали более или менее процинскими.

Вдовствующая императрица и ее советники на первых порах поддерживали боксеров, но позднее, когда разгром восстания стал неминуем, выступили против него. Без императорской поддержки восстание боксеров потерпело крах, и с его разгромом кэмпо в Китае пришло в упадок. В 1900 году китайское правительство приняло эффективные меры для запрещения занятий кэмпо. Оно закрыло все залы для занятий, казнило руководителей и безжалостно искоренило кэмпо. Не возродилось кэмпо и под властью коммунистов. На Всекитайском турнире по военным искусствам, проходившем в Пекине в 1956 г., лишь некоторые упражнения могли бы послужить доказательством того, что кэмпо имело место в китайской военной традиции.

Та форма китайского кэмпо, которая считается занесенной в Японию в эпоху Камакура (1192—1333), была скорее набором физических упражнений, чем военным искусством. Хотя позднее, после каждого военного восстания или смены династии в Китае, монахи, патриоты и повстанцы, искавшие убежища в Японии, приносили с собой многие разновидности кэмпо, которые укоренились и выросли в существующие ныне японские военные искусства, среди них не было кэмпо в его чистом виде. Поскольку первоначально кэмпо было тесно связано с Дзэн, кажется странным, что это военное искусство не было принесено в Японию вместе с религиозной философией. Этого не произошло потому, что после раскола китайского Дзэн на северную и южную школы доктрины дзэн подверглись изменениям. Этот раскол произошел при Хуэй-нэне, пятом преемнике Бодхидхар-мы. Следующая его традиции южная школа, перенесенная впоследствии в Японию, утверждает, что все люди рождаются с природой Будды и могут поэтому обрести просветление, не прибегая к непрерывному процессу аскетической тренировки. По этой причине южная школа не признает кэмпо необходимым для достижения высшего уровня понимания.

ЛЕКЦИЯ 3

Основы учения Шоринджи-кэмпо. Краткая история школы Кэмпо-дзэн

ОСНОВЫ УЧЕНИЯ ШОРИНДЖИ-КЭМПО

Этот раздел посвящен наиболее важным аспектам учения Шоринджи-кэмпо: Ответ находится в самом человеке; Единство кэн и дзэн; Единство силы и любви и Жизнь наполовину для себя, наполовину для других. Все они, как впоследствии выявится, выражают срединный путь гармонии, основанный на философии конго-дзэн.

ОТВЕТ НАХОДИТСЯ В САМОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Условия существования человечества определяются тремя такими общеизвестными величинами как индивидуальность, природа и общество. Но поскольку человек для своего выживания и развития эксплуатирует природу и создаёт общества, то он, согласно учению Шоринджи-кэмпо, вольно или невольно несёт ответственность за собственное благополучие и счастье. Старые максимы, гласящие, что если не удалось достичь цели сразу, надо пытаться снова и снова, или что Бог помогает тому, кто сам себе помогает, и им подобные отражают взгляды Шоринджи-кэмпо на индивидуальное усилие, как на катализатор в процессе изменения мира.

Он прав: люди ещё более ленивы, чем трусливы, и всего больше бояться именно трудностей, которые на них возложила бы безусловная честность и обнажённость.
Ф. Ницше

Согласно учению Шоринджи-кэмпо, человек является продуктом длительного процесса эволюции, наделившего его уникальные тело и ум огромными возможностями для того, чтобы каждый мог обращаться к ним и развивать их в соответствии с запросами жизни. Человек должен сам нести бремя собственной индивидуальности. Когда наступают трудные времена, и ситуация в семье, в школе или на работе поворачивается к худшему, очень удобно перенести вину за это на других – на родителей, учителей, общество или Бога вместо того, чтобы взглянуть на проблему как на исключительно свою собственную и преодолеть ее. С другой стороны, когда дела идут хорошо, человек инстинктивно ищет признания и похвалы. В соответствии с принципами Шоринджи-кэмпо, каждый человек отвечает сам за себя как в хорошие, так и в плохие времена. Прежде всего, он должен быть ответственен перед собой и только перед собой; и только после того, как он научился этому, человек сможет разрешить все стоящие перед ним проблемы. Только развитие в первую очередь собственной личности, а уж потом – групповой активности может принести хорошие плоды.

Being clear kills fear

(английская пословица)

ЕДИНСТВО КЭН И ДЗЭН

Шоринджи-кэмпо, основанное на единстве материи и сознания, учит единству кэн и дзэн. Кэн символизирует тело или действие, а дзэн – сознание или покой. Оба они слиты воедино в каждом человеке и влияют друг на друга. Люди, не знающие об этом единстве, всячески издеваются над своим телом. Одни в течение длительного времени занимаются дзадзэн, доводя ноги до онемения, другие подолгу постятся, ослабляя свой организм, с целью обретения определенной формы просветления. Многие школы военных искусств утверждают, что ставят своей целью развитие духа, но истинная их цель состоит только в развитии силы и техники для победы над противником. Последователи Шоринджи-кэмпо считают, что ни развитие духа без развития тела, ни культивирование бездушной силы не приведут к формированию гармоничной личности. Поэтому образ жизни, ведущий к прогрессу и счастью, обязательно должен включать в равной степени тренировку тела и ума, развитие действия и мысли.

Тренировка – это искусство совершенствования духа, развитие силы и выносливости тела.

Брюс Ли

ЕДИНСТВО СИЛЫ И ЛЮБВИ

Выживание сильнейшего – это закон природы, который приложим ко всем живым существам. Несмотря на то, что сила является решающим фактором в живом мире, среди людей сильнейшим считается тот, кто превосходит других не только физически, но и умственно. Интеллектуальные способности человека объясняются тем, что он прошел долгий путь эволюционного развития. В идеале человек не должен прибегать к физической силе для разрешения конфликтов подобно тому, как это делают животные, но, тем не менее, на всем протяжении исторического развития человечества мы наблюдаем противоречащее всем доводам рассудка стремление к физическому насилию как к последнему средству разрешения споров. Причиной, очевидно, является то, что человек, опирающийся на силу, в самом деле сильнее человека, полагающегося только на доводы разума, поскольку первый вполне может уничтожить второго, тогда как второй будет физически беспомощен, даже если также прибегнет к силе. Быть просто правым недостаточно. К сожалению, справедливость должна отстаиваться при помощи силы. Законы и обычаи любого общества уважаются только до той степени, до которой они подкреплены силой. В Шоринджи-кэмпо считается, что сила

Покоряя себя, мы постигаем такие высшие истины: каждый человек заслуживает уважения, а дисциплина делает возможным всё.

Чак Норрис

необходима человеку, но не для убийства или разрушения, а для защиты жизни. Если справедливость поддержана силой, то человек сможет остановить нападающего, защищая собственную жизнь. Это и есть любовь в действии, противоположная пассивной

покорности, от которой нет ни малейшей пользы.

ЖИЗНЬ НАПОЛОВИНУ ДЛЯ СЕБЯ, НАПОЛОВИНУ ДЛЯ ДРУГИХ

Поскольку зависимость людей друг от друга – явление необходимое и полезное, действие ее должно сопровождаться в первую очередь обузданием личных желаний и воспитанием сочувствия. Таким образом, человек расширяет рамки своей личности и принимает в нее других. Если каждый даст неограниченную волю собственным желаниям и неверно направит свои способности, то жизнь станет невыносимой, и человечество будет ввергнуто в пучину хаоса и разрушения. Истинная свобода – это не удовлетворение каждого желания. Она неотделима от дисциплины и моральной ответственности.

Еще одним фактором, способствующим образованию разумных отношений между людьми, является ослабление закона выживания сильнейшего. Конкуренция делает людей более одинокими, эгоцентричными и эгоистичными. Все начинают интересоваться только размерами собственной выгоды. В то же время люди испытывают все больший и больший недостаток понимания и взаимопомощи. Людям необходимо направить энергию и изобретательность на обеспечение всеобщих жизненных потребностей. Наука и техника должны работать для удовлетворения этих основных потребностей людей, поскольку именно это является предпосылкой гармонизации отношений между ними.

Так, прямо среди мирской суеты, ты выкарабкиваешься на берег пробуждения, а потом плывёшь на лодке сострадания по океану кармы.

Юн-минь

Последователи Шоринджи-кэмпо считают, что человек обязан считаться с благополучием других людей, преследуя собственные интересы. Утверждая свою индивидуальность, он не может лишать других свободы и счастья. Он обязан преследовать цели, не только сулящие личную выгоду, но и улучшающие жизнь других. Каждый должен обуздать чрезмерную жадность и потворство своим желаниям и направить свои усилия к всеобщему процветанию.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ШКОЛЫ КЭМПО-ДЗЭН

Школа Кэмпо-дзэн – боевой стиль и система духовного и физического совершенствования – возникла в России в городе Краснодаре в 1989 году. Но этот год стал как бы официальной точкой отсчета. Реально же школа начала функционировать двумя годами раньше, в виде курсов по психофизической подготовке го-хо и йоги, так как в то время существовал строгий запрет на все виды восточных единоборств. Основателями стиля школы и духовными наставниками являются мастера кэмпо и йоги Коваль С.Н. и Холин Ю.Е., обучавшиеся этим дисциплинам в Индии и ставшие одними из первых официальных представителей боевых искусств на Кубани при Краснодарском краевом физкультурно-спортивном клубе восточных единоборств, куда принимались, в том же 1989 году, на правах руководителей школ не многие, а лишь квалифицированные

не ниже II дана специалисты.

Я вернулся с пустыми руками. Я понял лишь то, что глаза расположены по горизонтали, а нос по вертикали.

Доген

В техническом плане стиль школы представляет собой довольно обширную систему аутентичного кэмпо и йоги, включающие в свой арсенал традиционные для всех видов кэмпо боевые приемы мягкой и жесткой техники, а также дзэн-философию и практику, оздоровительные техники и психологическую работу.

КЭМПО-ДЗЭН РЮ

Там, где вы скрываетесь, не должно быть следов; но не укрывайтесь в бесследном. Проведя в учениках у наставника тридцать лет, я понял только это.

Хун-чжи

В основе обучения школы лежит и методика современного японского стиля Шоринджи-кэмпо, являющаяся обязательной как в техническом и физическом, так и в оздоровительном и духовном смысле. Рабочая терминология школы основывается на японском языке и санскрите.

Весь ход занятий в школе кэмпо-дзэн направлен на то, чтобы через довольно сложную

систему приемов боевой и психофизической практики с обязательным включением дзадзэн (техники медитации) помочь человеку овладеть в той или иной мере искусством видеть природу собственного бытия; научить высвободить все скопленные в нем «виды энергии, которые, как правило, искалечены и искажены до такой степени, что не находят адекватного доступа к деятельности»; открыть в нем способности свободной игры «всех творческих и ведущих к благу побуждений, внутренне присущих нашему сердцу».

ЛЕКЦИЯ 4

Основы философии Шоринджи-кэмпо. Понятие дзэн как медитативной практики. Квалификационные экзамены на ученические степени (кью) по стилю школы Кэмпо-Дзэн

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ШОРИНДЖИ-КЭМПО

Внастоящее время Запад начинает понимать, что развитие науки и техники, самоутверждение, эксплуатация и конкуренция не обязательно приносят счастье, а Восток видит, что пассивное восприятие, подавление и отрицание индивидуального и направленность внутрь недостаточно способствуют достижению спокойствия ума. Именно в этот момент путь, предлагаемый Шоринджи-кэмпо, приобретает особое значение, поскольку он даёт новую надежду на истинный мир, прогресс и процветание, на счастье каждого человека на Земле.

Название «Конго-Дзэн» состоит из двух слов: «конго», обозначающего алмаз, и «Дзэн» – названия учения Бодхидхармы, основывающегося на вере в то, что царство небесное находится в сердце каждого человека. Из этих двух слов явствует, что Конго-дзэн – новая философия, направленная равно внутрь и вовне и сочетающая в себе мягкость с твердостью и сострадание с силой.

Штаб-квартира ВОШК

Знак, изображающий две волнистые линии, заключенные в круге, является графическим

символом философии Конго-дзэн. Он изображен на стенах каждого тренировочного зала и на белой униформе занимающихся как напоминание о том, что практика в Шоринджи-кэмпо основывается на философии. Поэтому вначале мы рассмотрим некоторые из основных ее положений, без знакомства с которыми невозможно правильное понимание Шоринджи-кэмпо.

Учение Конго-дзэн прежде всего, утверждает, что конечная реальность, символизируемая кругом без начала и конца, к которой относятся люди и другие создания, лежит за пределами человеческого познания и поэтому не может быть втиснута в категории человеческого мышления или содержаться в каком-либо представлении. Хотя люди и привыкли приписывать реальности человеческие цели и желания, однако необходимо помнить, что конечная истина не является тем, чем мы ее представляем, но остается тем, чем она является. Несмотря на то, что с ростом знаний человек смог раскрыть некоторые тайны Вселенной, но подобно тому, как основу ковра невозможно разглядеть из-под покрывающих ее нитей, так и конечная реальность всего сущего находится вне сферы человеческого познания. Независимо от того, чем она является на самом деле, ее все равно невозможно никоим образом обусловить или описать.

Умозаключения, которые могут быть сделаны на основе этой концепции реальности, являются необыкновенно важными. Конго-дзэн не признает ни реальности, созданной человеческим воображением, человеческими нуждами и страхами, ни высшей силы, требующей послушания и обещающей спасение на небесах или муки в аду. Не существует Бога, который обращался бы к людям посредством посланий, направляемых избранному меньшинству, или посредством скрижалей завета, облеченных сверхъестественным авторитетом, или каким-либо другим способом. Нет никого, кто мог бы предписывать людям, что именно является правильным или неправильным или ответил бы на вопросы о смысле и цели жизни. Единственной силой, к которой может обратиться человек для того, чтобы направлять свою жизнь, является знание, знание мира и человечества таковыми, каковы они есть. Такое познание реальности, отличной от любой индивидуальности или группы, жизненно необходимо. Только сомневаясь, спрашивая и терпеливо ища знания, человек сможет приблизиться к истине, которая поможет ему установить новые моральные критерии. Вера в абсолют, каковым является Бог, освобождает человека от постоянной моральной ответственности, сопровождающей каждое решение, от ответа на вопросы о том, что совместимо или несовместимо с правильной жизнью, согласно каким критериям выбирать жизненный путь.

Подобно оркестру, который стремительно исполняет симфонию, чтобы поскорее сыграть финал, мы живём завтрашним днём, не понимая, что природа есть музыкальное произведение, звучащее в вечном настоящем.

А. Уотс

Человек слишком долго доверял провидению решение своих проблем, воспринимая испытания как божью волю. Вместо того, чтобы взять дело улучшения своего положения в собственные руки, люди терпят страдания, веря, что они будут вознаграждены и оправданы после смерти. Бог также служит людям козлом отпущения, благодаря которому они оправдывают собственные ошибки и избегают ответственности за свои поступки.

Учение Конго-дзэн фокусирует внимание на человеке как участнике бесконечного круговращения реальности, наделенном частью ее бесконечных возможностей, и утверждает, что используя эти возможности для достижения мудрости, силы, храбрости и любви, человек сможет лучше прожить свою жизнь. Пользуясь своими внутренними силами, человек должен прийти к новой морали, лежащей в природе вещей, активно бороться за осмысленную жизнь и принять участие в установлении на Земле всеобщего счастья и гармонии.

Бог ускользает. Если мы пытаемся связать его со светом, или с распятыми парнями, или со смуглыми парнями, сидящими в лотосе, мы просто жопы.

Л. Рейнхард

Второй важный аспект философии Конго-дзэн символизируется заключенными в круге изогнутыми линиями. В них отображено взаимодействие неба и земли, взаимодействие позитивного, мужского начала – рассудка и силы и негативного, женского начала – сострадания и любви. Все это символизирует реальность нашего мироздания. Известная вам реальность динамически управляется посредством непрекращающегося движения обособленных, но, тем не менее, взаимосвязанных систем, сосуществующих и взаимодействующих в рамках единства. Таким образом, нет ни одной вещи или факта, ни одного события или случая, которые бы существовали сами по себе. То, что кажется нам отношением противоположностей, в действительности есть отношение взаимодействующих элементов. Двойственность возникает, когда человек хочет описать, классифицировать и анализировать что-либо, а не содержится в природе вещей. Эта истина начинает осознаваться всеми науками, которые приходят к пониманию неестественности разделения, к примеру, души и тела или человека и природы. Невозможно отрицать тот факт, что все вещи взаимосвязаны и взаимодействуют на всем протяжении пространства и времени.

Понимание этой истины и сопричастность к ней играют большую роль в выборе жизненного пути. Необходимо отметить, что золотая середина, срединный путь гармонии наиболее полно отражает внутреннюю природу вещей и явлений в их взаимодействии. Для того, чтобы рассмотреть некоторые аспекты взаимовлияния мира и человека, напрямую влияющие на жизнь последнего, рассмотрим три следующих конфликта: разума и материи, эгоизма и самоотверженности, жизни и смерти с точки зрения срединного пути гармонии.

Единство не более реально, чем дуализм. Относительное и абсолютное – два названия безымянного.

Р. Х. Блайс

Изучая противоречие разума и материи, мы можем наблюдать тех, кто подобно гедонистам отдают материи преимущество перед разумом, и таких, кто подобно аскетам отвергают материю и превозносят разум. Но современная наука утверждает, что одни явления в человеке могут быть охарактеризованы как физические, поскольку они происходят в пространстве и времени, тогда как другие происходят в сознании и поэтому квалифицируются как психические. Материя и сознание составляют неделимое единство и, несмотря на их различие, взаимно порождают друг друга. Особенно явно мы можем наблюдать это в таких общеизвестных вещах, как действие успокаивающих лекарств, которые изменяют состояние психики, или отрицательное воздействие тревоги и беспокойства на сон и аппетит.

При рассмотрении конфликта эгоизма и самоотверженности, самоутверждения и самоуничтожения, индивидуализма и конформизма нельзя не заметить, что суть дела в том, что одинаково важны как защита и развитие каждого индивидуума, так и развитие социальных связей между отдельными личностями. Люди не существуют сами по себе, но зависят друг от друга не только в борьбе за выживание, но и в деле улучшения жизни. Наличие такого рода функционального единства доказывается фактом существования семьи, которая является универсальной организацией, в которой люди должны подчиняться объединяющим отношениям для того, чтобы выжить и вести осмысленное существование. Это также подтверждается фактом объединения людей во все большие и большие совокупности. Подобная взаимозависимость требует, чтобы на индивидуальную свободу были наложены определенные ограничения, в то же время должны культивироваться такие качества, как честность, беспристрастность и самопожертвование для того, чтобы обеспечить хорошие отношения между людьми. Все вышесказанное является жизненно необходимым, поскольку полная вседозволенность ведет лишь к бесконечным конфликтам и хаосу. С другой стороны, это не значит, что поскольку различные люди сходны по своей природе, личность должна поплатиться из-за этого своей целостностью или бездумно приспособиться к окружающим. Человеческая индивидуальность должна оберегаться. Необходимо поощрять такие качества, как спокойствие, критичность, ответственность. Каждый должен осознать, что сам он является целой вселенной, состоящей из разнообразных взаимодействующих элементов.

Монах по имени Синсо спросил у меня, куда ушёл покойник, и я ответил, что смерть человека подобна превращению льда в воду, – сказал Сэппо.

Классический коан

Конфликт между жизнью и умиранием требует нового рассмотрения в свете растущих знаний человека о мире и о себе. Подобно тому, как во Вселенной нет ничего статичного и неизменного, а существуют только взаимодействующие взаимосвязанные системы, так и все сущее попадает в среднюю категорию становления, избегая антагонистического противоречия живого и умирающего. В жизни человека существуют не только эти два крайних состояния – жизнь и умирание, но множество их, даже на протяжении жизни. Подобно колесу, касающемуся земли только одной точкой обода, человек является олицетворением непрекращающихся изменений. Мы можем наблюдать это, сравнивая различные периоды жизни – младенчество, детство, юность, зрелость и старость. Нетрудно заметить, что эти периоды не похожи друг на друга. Хотя в соответствии с обычаем человек всю жизнь носит одно и то же имя, это не соответствует его внутренней реальности. Субстанция человеческого тела и ума каждое мгновение подвергается многочисленным изменениям. Мы можем воспринимать только настоящий момент. Но каждый момент – это жизнь, уникальная по отношению к другим моментам. Однако, поскольку все находится во взаимодействии, момент настоящего всегда связан с моментами прошлого и будущего. Подобно кругам, образующимся на поверхности воды от брошенной гальки, каждый настоящий момент является как отображением прошлого, так и зеркалом будущего.

Мы смотрим на существование, как на состояние, в котором придается большое значение ценности каждого момента, который должен быть прожит со всей полнотой. При этом нельзя забывать и об ответственности перед самим собой, так как каждый момент связан со всеми остальными моментами жизни, то есть с другими состояниями становления. Понимание срединного пути между жизнью и умиранием может играть важную роль в процессе созидания осмысленной жизни. Поскольку каждый должен сам строить свою жизнь, необходимым условием для этого является искреннее желание как можно более полно прожить каждый ее момент.

ПОНЯТИЕ ДЗЭН КАК МЕДИТАТИВНОЙ ПРАКТИКИ

В своём труде «Шобогензо» Доген писал: «Что есть дзадзэн? Это быть целиком и полностью в моменте, за пределами всех существований универсума, достигать состояния Будды и жить в нем.

Дзадзэн – это то, что за понятиями «буддисты» и «небуддисты»; то, что наполняет каждое сердце опытом Будды».

Простые слова, отражающие сущность дзэна, который и есть сама простота.

В чём же сущность дзэна?

Значимость дзадзэна есть в нём самом!

Чем больше мы говорим о нём, тем больше заблуждаемся по его поводу. Дзэн – это не болтовня, это дзэн.

1. Для некоторых дзадзэн – это медитация, вид думания, или ментального настроения. Фактически дзад-зэн не является каким-либо «измом» или видом думания, или медитации, в том представлении, в котором это принято понимать в христианстве или индуизме, к примеру. В европейском понятии человек есть существо думающее, отсюда концепция мысли есть базис человеческого поведения. Вся жизнь наполнена мыслью, и никто не в состоянии постигнуть немысль. Профессора, в особенности философы, посвящают всё своё время думанию, никто из них никогда даже и не помышляет о критике мысли как таковой.

Дзадзэн же представляет собой ни думание, ни недумание, он за пределами мысли, это чистая мысль без каких-либо личностных характеристик, находящаяся в гармонии со знанием универсума. Доген вспоминал, как однажды мастер Якусан ответил на вопрос ученика, о чём он думает во время дзадзэна: «Я думаю без думания» (то есть не включая механизм процесса думания).

Подход дзэн заключается в том, чтобы прямо войти в сам объект и увидеть его как бы изнутри. Познать цветок – значит стать цветком, быть им, цвести, как он, радуясь солнечному свету и дождю.

Д. Судзуки

Хиширьё – это объём мысли, в котором отсутствует индивидуальное сознание. Вот это (хиширьё) и есть сущность дзэна, дзадзэна.

Процесс сознательного думания, конечно, очень важен в повседневной жизни, и ни в коем случае не может быть каким-то образом изгоняем. Но иногда приходит момент, когда возможно действие без сознания, или эго – спонтанное действие, наступающее во время творческого порыва, действие, в котором тело и душа сливаются воедино. Действие, наступающее до сознательной мысли, – чистое действие, сущность дзадзэна.

2. Опыт дзадзэна – это не особый таинственный опыт или определенного рода состояние тела и души. Это возврат к нормальной человеческой кондиции.

Практика медитации, концентрации на позе ничего общего не имеет с достижением какого-то «просветления», особого духовного состояния.

Нельзя путать практику дзэна с религиозными церемониями, нагнетающими эмоции, чувства, экстаз. Дзадзэн – это не эмоции, чувства, экстаз.

Хиширьё

Дзадзэн означает вхождение в интимный контакт со своей самостью, точное определение внутреннего единства и гармонизацию с универсальной жизнью.

И это не есть достижение лишь великих мастеров и святых, так как нет ничего мистического в этом, и все это вполне доступно каждому.

3. Далее, дзадзэн – не умерщвление плоти, подобно крайним проявлениям аскетической практики. Некоторые считают, что сесшин (период интенсивной тренировки в течение нескольких дней) означает сидение в дзадзэне без сна и пищи и, на пределе изнурения, вход, наконец, в состояние экстаза. Это глубокое заблуждение. Сущность дзадзэна можно определить и так: верная поза, правильное дыхание и состояние сознания. Со временем каждая мелочь жизни должна стать дзэном, но исток просто в правильном сидении.

Поза дзэн – «правильное сидение». Ноги перекрещены в традиционной позе лотоса: – правая нога на левом бедре, а левая – на правом, стопами вверх.

Возможен также и полулотос, когда лишь одна нога заведена на бедро противоположной, а другая, также согнутая в колене, лежит на полу. Главное, чтобы оба колена опирались о пол.

Положение тела. Туловище держится прямо. Таз слегка подан вперед, чтобы внутренние органы размещались естественным образом, а мышцы живота не были напряжены. Как говорят мастера: «Подать тазом вперед так, чтобы копчик глянул на солнце». Голова также держится прямо, подбородок внутрь. Нос строго над пупком, а уши перпендикулярны плечам. «Когда сидите в дзадзэне, подпирайте небо головой и упирайтесь коленями в землю».

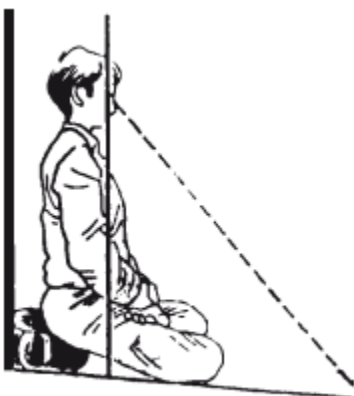
Руки и плечи. Запястья лежат на бедрах, ладони вверх. Левая кисть на правой. Большие

пальцы рук соединены кончиками, образуя прямую линию, а между ними и ладонями образуется место, как раз, чтобы можно было вложить два яйца. Мизинцы касаются живота. Локти не расставлены в стороны, но слегка округлены, в то время как плечи и руки держатся не напряженно.

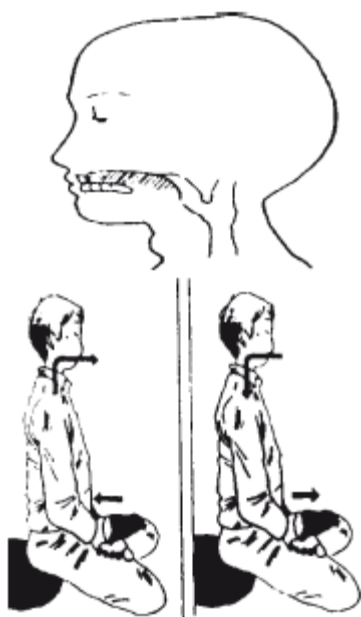
Рот и язык. Рот закрыт, не напряжен. Кончик языка касается нёба у верхнего ряда зубов.

Глаза. Глаза полузакрыты, глядят, но не видят поверхность пола в метре от вас и неподвижны.

Глаза

Дыхание. Когда поза правильная, правильно и дыхание. Выдох дольше вдоха, мощный и спокойный. В конце выдоха автоматически начинается вдох.

Дыхание

Во время выдоха происходит давление на кишечник, и нижняя часть живота под пупком расширяется. Дыхание следует выполнять бесшумно, без напряжения.

Дзадзэн – это нормальное состояние тела и духа (сознания), спокойствие, прочность, уравновешенность, гармония.

Перед тем как начать, качнитесь слегка вправо-влево несколько раз; затем, постепенно уменьшая амплитуду колебания, займите сбалансированное, неподвижное положение.

Опыт дзадзэна дает возможность найти истинную силу жизни внутри нас. В нем нет натянутости, но и нет расслабленности, только свобода и гармония. Но мастера дзэн всегда говорят, что дзадзэн нельзя выразить словами, ибо это будет походить на одурачивание человека, которому предлагают отведать вкус яблока, нарисованного на картинке.

В дзэне общение, передача идет на уровне душ, от моей души к твоей душе (и шин ден шин).

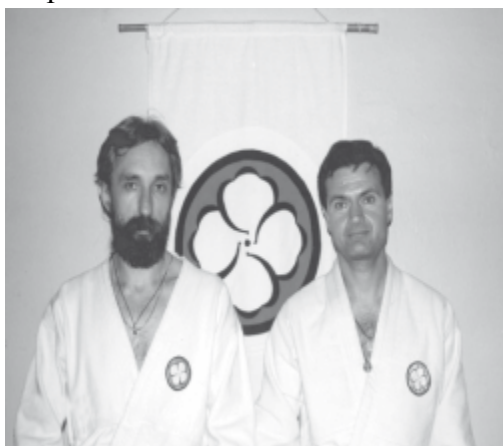
Физиологические выгоды дзадзэна фундаментальны и бесконечны. Поза создает исключительный тонизирующий эффект для мышц, уравнивает нервную систему, творя гармонию между нами и универсумом.

Что есть жизнь? Неверно делать различие между жизнью нашей индивидуальности, нашим телом и всей жизнью вокруг нас. Жизнь наша не только в нашем теле, она есть непрерывный обмен с жизнью универсума.

Понятие этой взаимозависимости приходит с сознанием ку, или ничто, вакуума, и с действительным бытием ку, представляющим собой высшую истину, а также универсальную любовь. Проявление ку – это вечная, беспредельная энергия, воспринимаемая нами тогда, когда мы находимся в гармонии с универсальной жизнью, мы наделяемся ею бессознательно без всякого сопротивления.

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ НА УЧЕНИЧЕСКИЕ СТЕПЕНИ (КБУ) ПО СТИЛЮ ШКОЛЫ КЭМПО-ДЗЭН

Учение Кэмпо-дзэн, в виде экзотерического стиля школы Кэмпо-дзэн, предлагает ученикам проверить свои технические и физические способности, выработанные в процессе обучения, а главное – определить степень своего психического и ментального совершенства на определенном уровне. А именно: на сколько сознание не привязано к возможным результатам и последствиям – как положительным, так и негативным в процессе участия в подобных проверках и экзаменах. Ученик показывает, насколько отключена его оценочная функция, как работает механизм ориентации в пространстве, как воспринимает он партнера, управляет движениями, работают они в автоматическом режиме или имеется фактор обдумывания, насколько наработаны стереотипы поведения в данном стиле в результате многочисленных занятий или присутствует лишь эгоистическое желание сдать заученные требования на определенный уровень и получить очередной цветной пояс.

Мастера основатели

Школа Кэмпо-дзэн утверждает, что каждый ученик, сдавший на очередной уровень (кью), всего лишь вновь приходит к началам и теперь готов к более серьезному обучению, ибо каждый раз, когда мы начинаем сначала, мы расширяем свои знания. Этот принцип относится к чистому Дзэн и проявляется в стиле школы Кэмпо-дзэн в форме системы цветных поясов, отличающих достигнутый психофизический, технический и ментальный уровни – от белого пояса новичка до черного пояса учителя. Такое изменение идет от традиции давних времен, запрещавшей ученикам стирать их пояса, и с годами они темнели от пота и грязи. Но и черный пояс не остается черным навсегда, если Мастер продолжает совершенствоваться, а не протухает, подобно стоячей воде. Черный пояс, в таком случае, начинает изнашиваться и протирается, возвращаясь к своей изначальной белизне. И его обладатель, непрерывно продолжающий учиться, становится готовым вновь начать все с самого начала.

Дзэн, однако, не имеет выпускников. Если монах дзэн думает, что он чего-то достиг, он теряет свой дзэн, и тогда его пребывание в монастыре необходимо.

Нёген

Экзамены – это и искусственное создание экстремальных условий для того, чтобы в той или иной степени определить, сработает ли выученная техника в необычной ситуации. Это и проверка глубины состояния невовлеченности в переживание, сохраняющее стабильность психики в экстремальных ситуациях, и проверка того, насколько сознание и бессознательная сфера интегрированы в единое целое, вследствие чего эмоции не могут влиять на выполнение заданной программы экзаменуемого.

В школе Кэмпо-дзэн имеется девятиступенчатая система ученического роста от 9 до 1 кью. Последующее развитие представлено в мастерских данах черных поясов.

Система ученических ступеней представлена в виде последовательно усложняющихся требований в овладении боевой и оздоровительной техниками стиля, психофизического и ментального уровней, а также состоянием сознания как результатом проникновения в техники дзэн-медитации.

Учащемуся предлагается продемонстрировать свои знания, навыки и умения в заданных уровнях техник: го-хо, дзю-хо, годзютай-но ваза, дзадзэне, теоретической программы, включающей культуру, философию Востока и, в частности, дзэн и другие этические, моральные и т.п. нормы, сейхо, эмбу и куми-тэ.

УСЛОВИЯ СДАЧИ КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ЭКЗАМЕНОВ НА УЧЕНИЧЕСКИЕ СТЕПЕНИ (КЬУ) ПО СТИЛЮ КЭМПО-ДЗЭН

а) ученик, не явившийся на квалификационный экзамен ввиду исключительно уважительных обстоятельств, имеет право на сдачу экзамена без предварительных условий по подготовке в срок, назначенный экзаменационной комиссией, или в следующую экзаменационную сессию;

б) ученик, не явившийся на квалификационный экзамен без уважительной причины, сдает экзамен в следующую сессию на общих основаниях и с предварительными условиями по подготовке к экзаменам. независимо от того, на какой разряд он сдает;

Однако в боевых искусствах существует ещё одна форма дисциплины, ибо ни один ученик не может добиться успехов, не покорив последовательного ряда четких уровней мастерства. Экзамены, которые необходимо пройти, проводятся строго и беспристрастно. Не существует никакой возможности просто «миновать» какой-либо уровень – вы либо успешно проходите испытание, либо проваливаетесь, и тогда вам вновь приходится упражняться, прежде чем проходить проверку опять.

Чак Норрис

с) ученик, отстраненный от сдачи экзамена непосредственно в день сдачи по какой-либо причине (неопрятный внешний вид, отсутствие правильно оформленного до ги в традициях Школы, неуважительное или грубое отношение и поведение к присутствующим в додзё и т.д.), имеет право сдавать экзамен только в то время, которое будет особо определено экзаменационной комиссией для нарушителя, но не раньше следующей сессии и на общих основаниях, с предварительными условиями по подготовке к экзаменам;

Ученик Шутоку Тайши

d) ученик, не сдавший экзамен на начальные степени (9, 8, 7 кю), имеет право на одну повторную сдачу в день, определенный экзаменационной комиссией, или в следующую сессию, без предварительных условий по подготовке к экзаменам;

e) ученик, не сдавший повторно экзамен на один из начальных разрядов (9, 8, 7 кю), впоследствии сдает его на общих основаниях с предварительными условиями по подготовке к экзаменам в следующую экзаменационную сессию;

f) ученик, не сдавший экзамен на один из основных разрядов (6, 5, 4, 3, 2, 1 кю) по причине невыполнения всех необходимых требований, не имеет права на повторную сдачу без предварительных условий по подготовке к экзаменам, а сдает вновь экзамен в следующую сессию на общих основаниях и с предварительными условиями по подготовке к экзаменам;

g) ученик, отказавшийся от сдачи экзамена непосредственно перед самим экзаменом или во время подготовки к нему ввиду неуверенности в своей психической, физической, технической готовности и прямо заявивший об этом, имеет право в следующую сессию сдавать экзамен без предварительных условий по подготовке к экзаменам;

h) экзамены в Краснодарской специализированной школе Кэмпо-дзэн принимаются лишь у лиц, являющихся членами Краснодарской специализированной школы Кэмпо-дзэн и Краснодарской краевой федерации кэмпо, выполняющих все требования по обучению вплоть до момента сдачи экзаменов.

Требования к кумитэ для сдающих экзамены по стилю Кэмпо-дзэн

Кумитэ подразделяется на три этапа:

- 1) куми-эмбу,
- 2) го-хо-кумитэ,
- 3) годзютай-но кумитэ.

1. Куми-эмбу представляет собой обусловленный поединок с основным партнером, где нападающий осуществляет реальную атаку (удар или захват), а защищающийся должен провести блок-контратаку в виде болевого приема, броска или удержания. Тем самым в куми-эмбу предполагается перенос внимания на мягкую технику (дзю-хо), а жесткая техника (го-хо) выполняется лишь для оценки технического исполнения дзю-хо и степени реальности его.

Куми-эмбу является как бы воплощением на практике одного из основных принципов дзэн и буши до – принципа «не два и не один», продолжением требований по основам философии дзэн, предъявляемых к экзаменуемому. Смысл такого подхода в том, что ни один человек не может жить, а тем более совершенствоваться в одиночку. В таком случае 1+1 не равно 2, а больше. Ученик демонстрирует таким образом степень своего проникновения в понятие взаимозависимого единения комплекса энергии, физики и техники, гармонично переплетающихся и взаимодействующих в пространстве. Основная формула ведения куми-эмбу – техника го-хо + дзю-хо аттестуемого уровня.

Чем выше степень, на которую сдает ученик, тем продолжительнее поединок в куми-эмбу, тем большая глубина проникновения в принцип «не два и не один» требуется от него.

Тигр. каллиграфия Т. Дешимару

2. Го-хо-кумитэ позволяет дать оценку бойцовских качеств ученика, его способности в физическом, техническом, моральном отношениях, оценить его умение наносить удары и принимать их, использовать защитные блоки, увороты и уходы, правильно и корректно

вести бой с использованием жесткой ударной техники го-хо.

3. Годзютай-но кумитэ является апофеозом боевого стиля кэмпо-дзэн, где должны включаться все вышеупомянутые техники и требования психофизического и морального планов, а также проявляться (в зависимости от степени, на которую сдает ученик) семь принципов БУШИ ДО:

ГИ (праведная решимость как результат уравновешенности, высокая нравственность);

Ю (храбрость);

ДЖИН (универсальная любовь, сострадательность);

РЕЙ (благородство);

МАКОТО (откровенность);

МЕЛЬЕ (честь);

ЧУГО (лояльность).

В зависимости от степени повышаются и требования в годзютай-но кумитэ как в количестве поединков, так и в качестве ведения их. На черный пояс «ик-кью» и выше принимаются поединки лишь в виде годзютай-но кумитэ.

ЛЕКЦИЯ 5

Нирвана. Восьмеричный путь. Понятие дзэн. Будда – основоположник дзэн-медитации

НИРВАНА

Нирвана – это образ жизни, который начинается там, где кончается всякое цепляние за жизнь. В буквальном смысле нирвана – это исчезновение существ из круговорота рождений и переход их в состояние иное, которое не есть уничтожение, но просто ускользает от определений и поэтому остается вне измерений и границ. Достичь нирваны, все равно, что достигнуть состояния Будды, пробуждения. Но это не есть достижение в обычном понимании, потому что никакие пробуждения и приобретения здесь не участвуют. Невозможно желать нирваны или намереваться достичь ее, ибо все, что является желаемым или постижимым объектом действия, по определению, не есть нирвана. Нирвана может возникнуть лишь произвольно, спонтанно, когда полностью осознана невоз

Достичь нирваны – значит отойти. Но отойти не очень подходит в данном случае. Возможно, лучше по смыслу будет продолжить, присоединиться. Попробуйте сами найти более подходящее слово вместо смерти.

Шунрю Судзуки

мжность цепляний за свое «Я». Поэтому, кто стал Буддой – вне рангов. Будда вышел за рамки каких бы то ни было оппозиций, и такие выражения, как «высшее существо» или «высшее духовное развитие» для него не имеют смысла. Нирвана, таким образом, трактуется как состояние «очищенного» сознания. Суть «спасения» заключается в

приведении индивидом своего сознания в качественно новое состояние, когда перед ним отступает иллюзорный (эмпирический) мир и предстает мир истинной реальности.

ВОСЬМЕРИЧНЫЙ ПУТЬ

Новый путь совершенствования личности, открытый Сакьямуни, получил название Срединного Пути (Маджджхима Патипада), который стал одним из основных составляющих его учения. Все ступени этого Срединного Пути (или «восьмеричного пути») ведут к прекращению страданий, но в своей сути они являются обычной формой жизни нормального человека, не погрязшего в пороках, умеющего разумно удовлетворять свои потребности, не изолируясь в них. Вот требования «восьмеричного пути»:

«Праведная вера, праведная решимость, праведные слова, праведные дела, праведный образ жизни, праведные стремления, праведные помыслы, праведная медитация».

Вполне доступные для любого человека условия для того, чтобы сделать свою жизнь чистой, свободной от предрассудков и безнравственности. Да, все пункты легко доступны, кроме последнего, который, в конечном итоге, и ведет к венцу стремлений мудрецов – нирване, дающей возможность вырваться из оков роковой сансары – мучительной цепи, неотвратимо влекущей все живое от перерождения к перерождению по стезе страданий. Условия Срединного Пути устремлены, как указывал Будда, не к достижению освобождения после смерти или где-либо вдали от жизни, но способствуют обретению качественно нового состояния сознания, не фиксированного на каком-либо узком интересе, не закрепощенного предрассудками религии, отживших традиций, дающего человеку возможность уже при жизни сотворить чудо обретения себя, создав в непосредственном и беспри-станном видении мира рай в своей душе и вокруг себя. Медитация, открывшаяся принцу Гаутаме и сделавшая его Буддой, не была тем убежищем, куда он прятался от житейских проблем, но являла собой то особое состояние, поглощавшее эти проблемы. Именно эта форма медитативного состояния сознания и стала основой для дзэн медитации и всего учения дзэн...

ПОНЯТИЕ ДЗЭН. БУДДА – ОСНОВОПОЛОЖНИК ДЗЭН-МЕДИТАЦИЙ

Сознание дзэн – одна из тех загадочных фраз, которые используют учителя дзэн для того, чтобы «вернуть» человека к его уникальной и неповторимой самости, реализовать ее за пределами избитых и порой потерявших смысл слов и понятий, и начать поражаться открытиям истины себя и окружающего мира, не отделяя уже одно от другого.

Дзэн – это буддийский путь достижения прямой реализации трансцендентной природы жизни, ведущий к непосредственному восприятию действительности.

Основанный на высших принципах учения Будды, он был внесен в VI веке н.э. на территорию Китая из Индии, где получил понятие «прямого пути к сердцу человека». Этот путь всегда указывал и вел к обретению живого опыта реальности, к тому, что есть жизнь в своей сути за посредственностью слов и понятий. Дзэн ведет к особому состоянию беспристрастности, в котором тайна и прелесть жизни воспринимаются в полной мере и непосредственнее каждым моментом существования.

Дзэн не является каким-то религиозным путем, он выражает действительность не

теологическими объяснениями, но обычными повседневными понятиями. Вот как, например, советует поступать в соответствии с действительностью один из учителей дзэна Уммон: «Когда идете – идите, когда сидите – сидите. И не сомневайтесь в том, что это именно так».

Дзэн – это не мистика, не какое-то эзотерическое знание, это рациональный метод, который помогает нам стать лучше.

Э. В. Гримстоун

Гаутама Будда

Извечная проблема как жить в мире и находить освобождение разрешается чистотой объективного восприятия этого же мира. Ученик однажды спросил мастера Бокаджу: «Мы вынуждены одеваться и принимать пищу каждый день, а как избежать всего этого?» Мастер ответил: «Мы одеваемся, мы принимаем пищу». «Я не понимаю», – сказал ученик. «Если ты не понимаешь, одевайся и принимай пищу».

Обычная концептуальная модель мышления разрушена, по всей видимости, неудовлетворяющим советом последнего заявления – в нем нет опоры для логического сознания. Интеллект и воображение выключаются, и таким образом акты приема пищи и одевания могут восприниматься так, как они есть на самом деле, то есть без намысленных сознанием тревог по этому поводу.

Именно из-за того, что дзэн стремится высвободить нас из концептуальных тисков, разрушить строго зафиксированные мысле-формы, в которые мы впихиваем свою жизнь,

он обычно пользуется разительными контрадикциями и парадоксами. Чаще всего они представляют собой конкретные представления, нежели абстракции. Вот пример из высказываний мастера Фудаиши:

Иду я с пустыми руками, однако в руках моих меч;
Пешком я иду по дороге, но еду верхом на быке;
Когда же иду через мост я, О, чудо!
Не движется речка, но движется мост.

Перевод Ю. Х.

Всё, что моё, отдам, и в этом наслажденье, неслыханное прежде, как и то, что днём
минувшим было пробужденье. И пробужденье было как итог.

С. К.

Ни с чем не сравнимо также дзэнское отрицание противоположностей – способ проникновения к рациональной истине, заключающейся в отказе от крайностей полного восприятия и полного отрицания.

Уммон сказал как-то: «В дзэне существует абсолютная свобода: иногда он принимает что-либо, иногда – нет; он создает из любого подхода блаженство восприятия».

Дзэн отрицает все попытки рационализировать действительность, извлечь смысл из нее, облечь в философскую форму; а человеческое желание охватить ее интеллектуально сравнивает с восприятием отражения луны на поверхности реки, которое постоянно движется, хотя сама луна всегда спокойна. Дзэн выражает поразительное безразличие к извечным стремлениям и амбициям человека. Дзэнский взгляд на вещи таков: все в мире в равной степени свято, даже подстилка у порога или конский навоз, и выделять тот или иной аспект жизни, представляя его более важным, нежели другой, означает впасть в ошибку дуалистического представления, уводящую от реальности. Знаменитая дзэнская поэма гласит:

Совершенный путь не ведает трудностей, кроме
трудности неотдавания предпочтения.
Лишь освобожденный от ненависти и любви,
Он являет себя во всей его истинности.

Бодхидхарма

По преданию, подобное отношению к действительности принес в Китай Бодхидхарма, прославленный индийский буддист шестого века, пришедший туда для того, чтобы учить дзэну, и оставшийся там навсегда, став первым китайским патриархом дзэн. Его принял император Ву – адепт буддизма, прославившийся строительством монастырей, переводами буддийских писаний и обращением множества мужчин и женщин в монахи. Он спросил у Бодхидхармы, какие заслуги принесут ему его деяния, но был поражен ответом монаха:

– Никаких. Истинные заслуги исходят прямо из сердца и не связаны с деяниями в миру, которые есть само собой разумеющиеся вещи каждого нормального человека.

– Тогда что же есть священная религия? – спросил император.

– Великая пустота, и ничего священного в ней. Ответ подобного рода был дан однажды и некоему послушнику, чересчур уважительно высказавшемуся в адрес Будды. Ему посоветовали прополоскать рот и никогда более не повторять таких грязных слов.

Для того, кто практикует дзэн, слова типа «священный» или «Будда» – не более чем ловушка, куда попадает реальность вещей, тогда как фактически они существуют только в виде идей сознания. Мастера дзэн, встречаясь друг с другом, обычно покатываются от хохота при мысли о том, что их определяют как святых или людей, достойных поклонения, и передразнивают друг друга, умышленно гиперболизируя недостатки внешности и поведения, подбирая словечки и определения в адрес друг друга, от которых у обычного человека, не лишённого комплекса собственной важности и значимости, от гнева и обиды потемнело бы в глазах. В общении они незаметно «ставят капканы», стараясь заманить друг друга в концептуальные заявления о просветлении, или буддизме, или нирване, и смеются, когда словесный капкан тонко распознается или обходится. Дзэнский метод обучения заключается в демонстрации реальности, но не в говорении по ее поводу; эта демонстрация всегда воспринимается серьезно и без лишней торжественности или помпезности.

Воспринимать ее полный обучающий объем означает отказываться от нашей привычной тенденции облекать все в слова. Слова, конечно, важны, но вся штука заключается в том, что мы, слишком полагаясь на слова, начинаем уходить сознанием в мир непрямых знаний или знаний о чем-либо вместо восприятия непосредственного сиюминутного импульса того, что существует в действительности до мыслей и слов. Используя «верные»

слова для каждой ситуации, мы часто проживаем жизнь без прямого опыта реальности. Основные методы дзэна направлены на то, чтобы помочь ученику увидеть обусловленность, в которую концептуализирован мир, и что это полезно лишь для определенных целей, но лишено субстанции. Когда же мир концепций разрушается, ученик подходит к опыту непосредственной реальности – к открытию невыразимого удивления, которое и есть собственно существование.

Я люблю смеяться

Основателем учения дзэн стал, как гласит поверье, сам Будда в то самое время, когда читал проповеди своим последователям в Оленьем парке. Однажды утром Он пришел туда и обнаружил более тысячи людей, ожидавших его. В молчании Он сел к ним лицом. Время шло, но Учитель оставался безмолвным. Наконец, опять-таки в полном молчании, он поднял цветок. Никто не понял этого жеста, кроме одного человека, улыбнувшегося мысли о том, что никакие слова не заменят живого цветка. Будда молвил: «Это есть истинный путь, и я передаю его вам».

Таким образом Он указал непосредственный опыт сущего – сиюминутный опыт понятия «сейчас и здесь» – всеобъемлющее таинственное понятие. Феноменальный мир выглядит так, как он есть в его самости, вне проекции «Я».

В один из дней, на пороге смерти, все ваши словесные ухищрения не будут приняты и окажутся бесполезными.

Юнь-мэнь

Ранний индийский буддизм, также как индуистские верования, из которых он сформировался, устремлен был в поиски единосущей реальности, но подход его к этой проблеме был более психологичным, нежели религиозным. Будда чувствовал, что философствования по поводу реальности стали барьером на пути к непосредственному и внутреннему восприятию ее, не говоря уже о желаниях и страстях, привязывающих человека к суете мира. Дзэн представляет собой в истоке, как философская мысль, один из продуктов Махаяны («большой колесницы»), которая утверждала, что концепция «все сущее есть реальность» безоговорочно противопоставляет «все сущее» реальности, таким образом творя единство мира. Реальность и все вещи уже объединены, и создавать единство их, будь-то в мыслях или чувствах, означает творить идею того, что все это уже

не существует. В мыслях все может представляться разобщенно, но в действительности нет никакого разобщения. Нирвана (состояние реальности) есть сансара (состояние обычной жизни), а использование терминов наподобие «Единство», или «Брахман», или «Бог» неудачно.

Аскеза Будды

Эту мысль выводит достаточно ясно в книге «Христианский дзэн» отец Вильям Джонстон – иезуит, приехавший в один из дзэнских монастырей в Японии для медитации. Он повествует, что после сидения в медитации его ноги некоторое время сильно болели. Наставник посоветовал ему, как избежать неприятных ощущений, и спросил, какую практику применял он в своей медитации. Джонстон ответил, что он сидел в полном безмолвии в присутствии Бога без всяких мыслей, образов, идей. Наставник монастыря спросил далее, был ли его Бог везде, а когда получил положительный ответ, спросил, был ли сам Джонстон «окутан Богом». Ответ также был положительным.

– И вы переживали это? – спросил наставник.

– Да.

– Очень хорошо, – сказал наставник, – продолжайте в том же духе. Именно так. И со временем вы обнаружите, что Бог исчезнет, а останется только Джонстон.

Джонстон был шокирован заявлением мастера, так как оно звучало отрицанием всего, что он свято чтит. Он решил воспротивиться этому и сказал, улыбаясь:

Изначальный Бог, или божество, не сохраняется позади мира в своём одиночестве, он пребывает во множественности вещей. Человеческое разумение временно, а потому оно так часто заставляет нас забывать о временности и помещать Бога за пределами нашего

пространственно-временного и причинного мира.

Д. Судзуки

– Бог не исчезнет! Но Джонстон может исчезнуть, тогда как Бог останется вечно.

– Конечно, конечно, – отвечал монах, также улыбаясь, – это ведь одно и то же. Именно это я имел в виду.

Таким образом, буддизм Махаяны утверждает, что человека нельзя отделить от Бога, как нельзя отделить творца от акта его творения, энергию от массы или жизнь от ее проявлений. Когда же мы отделяем одно от другого в мыслях, а затем еще и представляем эти мысли верными, мы страдаем интеллектуально, морально и духовно, порою даже не замечая этого.

Главной целью дзэнской практики является достижение состояния сознания, когда индивидуальное «Я» полностью «опустошает» само себя, идентифицируясь с вечной реальностью всего сущего. Эта «пустота» (Шуньята) не означает просто отсутствие чего-либо, но представляет собой динамически существующий вакуум, неуловимый и вневременной, истинная природа которого остается неопознанной. Этот опыт, получаемый индивидуальным сознанием, известен под своим японским термином «сатори» – «состояние сознания, в котором Благородная Мудрость реализует свою собственную внутреннюю природу», как гласит Ланкаватара сутра. Это сиюминутное восприятие природы вещей вместо обычного понимания посредством анализа и логики. На практике это означает открытие нового неизменного мира, – мира, до этого скрытого за многими путаницами и смятениями дуалистически сориентированного сознания. Все противоречия гармонизируются чудом сатори, а опыт ее вовлекает всю личность, не ограничиваясь психологическим проникновением или переживанием высокого экстаза. Сатори ведет к полному обновлению личности, и, что более важно, оно открывает сознание для широкого и глубокого восприятия жизни, при котором самые тривиальные проблемы ее приобретают новую значимость. Исходя из развития своего сознания, человек зависим от внутренних и внешних условий в концептуальном плане. Опыт же сатори разбивает рамки этих условностей раз и навсегда.

Т. Дешимару в медитации

Этот опыт, в котором мир проявляется как никогда до того, трансформирует обычную субъектно-объектную дуальность в новое измерение бытия, где исчезает индивидуальное «Я» на время существования сего опыта сознания. Достижение этого состояния бытия есть раскрытие значения личностного существования, нахождение своего истинного места в потоке жизни, идентификация своей самости со всем сущим.

Сатори – центральная идея в дзэнском образе жизни. В одно и то же мгновение это последний и первый шаг, цель и начало стремления к цели, потому что достичь сатори означает пережить естественное состояние сознания, из которого проистекают все добрые действия и в чем заключено озаренное распознавание гармонии жизни. В результате проявляются все лучшие человеческие качества личности, так как нет сдерживающих их отрицательных начал. Для того, кто испытал этот переворот в своей натуре, жизнь становится удивительным чудом.

Существует множество описаний состояния сатори в литературе о дзэн. Мастер дзэн шестнадцатого века Хан Шан говорил о просветленном человеке, что его тело и сознание полностью отсутствуют: они все одно с абсолютным вакуумом. Свой собственный опыт сатори он описывает следующими словами:

«Я прогуливался. Вдруг я стал как вкопанный, переполненный чувством отсутствия моего тела и сознания. Все, что я мог видеть, было одним великим сияющим Целым – вездесущим, совершенным, ясным, безмятежным. Это было подобно огромному, безграничному зеркалу, в котором отражались все горы и реки на земле... Я чувствовал себя таким чистым и прозрачным, как будто мои тело и разум вовсе не существовали».

«Привязанность к своему эго и власть чувств и идей над нами – вот главная причина наших страхов, беспокойств и страданий», – учил Будда.

Дзэнский метод освобождения направлен на прорыв сквозь душевные путы страстей, беспочвенных мечтаний, желаний, страхов и гнева.

Более всего дзэн пытается уничтожить нашу надежду на привычные принципы и идеи. Снова и снова мастер дзэн кричит «Хо!» на своего ученика, спрашивающего его об учении, ибо мастер видит, что ученик исходит из концепций, а не из реальности.

Достичь просветления – значит понять, что собой представляет на самом деле сознание.
Аватамшака-сутра

Дзэн далек как от религии, так и от теологии. В нем отсутствуют вероучение или догматизм. Он опирается на многие писания: не только на основные буддийские сутры, но и на свои собственные трактаты и мондо – диалоги между мастерами и учениками, иллюстрирующие методы наставничества. Дзэн также берет на вооружение образы, и символы, и структуру буддийской религии. Но реальность при этом никогда не замыкается в определениях и ни в коем случае не приравнивается к ним. Поэтому идея о том, что писания ничего не способны дать, лишь указать путь, твердо поддерживается. Иногда ученикам рекомендуется разорвать свои письменные труды или сходить с ними в отхожее место.

Дзэн не нуждается в высокопарном слоге, он желает от своих учеников, чтобы те правильно съели яблоко, а не красиво продискутировали по этому поводу.

Тренировка ученика для приобретения им способности влияния на концептуальный мир проходит обычно по четырем направлениям: дзадзэн (сидячая медитация), коаны (алогичные диалоги и высказывания), сандзэн (приватные беседы с учителем) и

физическая подготовка, выражаемая в работе по монастырю и в овладении различного рода боевыми искусствами. Кстати, в дзэнских монастырях работой в поле, в саду и на любых других участках занимаются все в равной мере от неопита до мастера, что явно не идет в сравнение с внутренней жизнью других буддийских монастырей или, скажем, монастырей христианских, где вся работа, и в первую очередь тяжелая и грязная, выполняется послушниками-новичками.

Об этом лучше помолчать. Но привычка говорить и быть понятым приводит к очередной попытке изобразить Молчание. В результате опять омрачается открытый, невозмутимый и свободный духовный свет изначальной природы двойным налетом звуков и знаков.

Ю. Х.

Дзэн.

Каллиграфия Т. Дешимару

Вообще, строго говоря, дзэн не верит ни в какой метод, способный пробудить сознание к восприятию реальности, потому что это влечет стремление сознания личности схватиться за что-то уже существующее, и методы, посему, считаются уводящими в заблуждение, не дающими сознанию, ограниченному рамками метода, выйти к причине сущего. С другой стороны, техника дзадзэна, проверенная веками именно в Японии, способна укрепить сознание в самом себе, которое становится полностью раскрепощенным, однако внимательным, свободным от рабства концепций, но способным концентрироваться в полной мере.

В дзадзэне ученик сидит, скрестив ноги, как в йоговской асане «лотос», или уложив согнутую в колене левую ногу на правую, также согнутую в колене. Ритмично дыша и обратив внимание на процесс дыхания или производя счет особым образом про себя как более простое средство для достижения нужного состояния уравновешенности психики, ученик доводит сознание до состояния успокоенности и освобождения от идей, образов, мыслей. На более продвинутых стадиях медитации ученик, не употребляя методы

контроля концентрации сознания, просто и беспристрастно позволяет мыслям входить и выходить из его сознания, – подобно проплывающим по небу облакам, не обращая на них внимания, но и не гоня их. Другая форма медитации заключается в том, чтобы взять какой-либо коан или мондо и как бы кинуть его в сознание подобно тому, как мы кидаем камень в спокойную гладь озера.

Пойдешь ли в храм, в кружок по Раджа-йоге,
На бесплатуху к иеговистам завернёшь,
Молитвы, мандалы, закрученные ноги —
В них дядю «умного», но не себя найдёшь!
Ю. Х.

Вот некоторые древние, однако хорошо применимые коаны: «Что такое хлопок одной руки?» Уммон сказал: «Взгляни! Этот мир безграничен! Почему ты одеваешь рясу при звуке колокола?». Мастер Геттан сказал монаху: «Кейчу сделал телегу, в колесах которой сто спиц. Убери передние и задние колеса и оставь оси, – что получится?».

До-путь

Своеобразно и отношение, требуемое от ученика к учителю. Дзэн утверждает, что учитель не учит, а лишь указывает на Путь, который каждый должен открыть по-своему, именно своим уникальным и неповторимым образом. И если ученик лишь усердно повторяет мастера, но не выходит на свою самость, он не развивается, а значит, и не реализуется как личность. Такие ученики не в почете в дзэнских общинах, хотя и не отвергаемы. Мастер Куэй-шан сказал как-то: «Тот, чей внутренний мир такой же, как у его учителя, теряет вполнину силу своего учителя. И лишь тот, кто превосходит своего учителя, достоин стать его преемником». Это железный закон дзэн.

Вот высказывание по этому же поводу современного мастера Сокеи-ан:

«Если бы учитель передавал Дхарму (учение) ученику, подчиненному ему, Дхарма исчезла бы через пять сотен лет. Если бы учитель выбирал ученика, чьи взгляды и образ мысли были бы такими же, как у него, буддизм деградировал бы полностью как образ жизни и восприятия мира. В школе дзэн нам необходимо постоянно демонстрировать прогресс нашему учителю. Мы должны показывать ему, что мы обладаем чем-то таким, чего у него нет и чем мы можем сразить его. И только тогда учитель с радостью передает

нам Дхарму. И это не из-за какой-то особой любви к нам или из-за нашего прилежания. Нет! Когда учитель дзэн передает свою Дхарму, – это своего рода соревновательная схватка: ученик должен «свалить» его, показать ему свои достижения, знания, дать новую информацию. Дзэн существует до сих пор с незапамятных времен именно благодаря этому железному закону.

Если вы – потомки основателя учения Бодхидхармы, вы ни за что не будете принимать пишу, разжеванную кем-то другим.

Сюэ-фэн

До того, как соколиха соединится с соколом, она три дня летает в небесах, а сокол преследует ее. И только тот сокол, который преодолет ее в выносливости и в мастерстве, сможет овладеть ею. Мастер дзэн подобен соколихе, а ученик – соколу. И вам не следует этого забывать».

От Китая до Кореи, Вьетнама и Японии – таков был путь передачи просветленного понимания от учителя к ученику.

Мало известно об обучении дзэну женщин в Китае, но в Японии женщины постигали его истины в монастыре Токейджи, первой настоятельницей которого была монашенка Шидо (XIII век). Женщины принимались также и в монастырь Энкакуджи, но на очень строгих условиях, включавших помимо прочих ограничений и безбрачие. Монашенки дзэнских монастырей создавали и толковали свои собственные коаны.

Давным давно дзэн вышел из монастырей, став мировоззрением многих и многих людей как на востоке, так и на западе из-за своей особой черты раскрывать для каждого человека его собственный уникальный путь жизни и в полной мере проявляться в нем. Современный дзэн – это не путь монаха, но и не путь обычного мирянина. Кто-то способен достичь просветления, кто-то нет. Не в этом смысл. Главное – быть в Пути преодоления самого себя, устремляясь к своей самости, через которую мы и способны воспринимать мир целостно и таким, каков он есть на самом деле.

Один парень сказал в поэме, посвящённой просветлению, которую он написал после сатори:

«Как великолепна чашка чаю!»

Л. Рейнхард

Дзэн открыт не только для того, кто правильно сидит со скрещенными ногами, или для того, кто обладает незаурядными духовными возможностями. В каждом заложена природа Будды. И каждый должен найти свой способ реализовать эту природу. Что бы вы ни делали, все это должно стать прямым опытом природы Будды. Природа Будды – это осознание природы Будды

ЛЕКЦИЯ 6

Семь принципов бушидо. Три стадии совершенствования воина. Личность в понятии дзэн-буддизма. Философская сущность Дза-Дзэн

СЕМЬ ПРИНЦИПОВ БУШИДО

Бушидо – путь воина – выросло из сплава буддизма и синтоизма. Этот путь можно охарактеризовать семью основными принципами:

1. Ги: праведная решимость как результат уравновешенности, истина. Когда нам надо умереть – нам надо умереть. Высокая нравственность.
2. Ю: храбрость, граничащая с героизмом.
3. Джин: универсальная любовь, благожелательность к человечеству, сострадательность.
4. Реи: праведные поступки, благородство.
5. Макото: откровенность, правдивость.
6. Мелье: честь и слава.
7. Чуго: преданность, лояльность.

Эти семь принципов подчеркивают дух бушидо.

Путь воина императивен и абсолютен. Практика тренировки тела без сознания эго основная в нем, поэтому огромную важность составляет обучение праведным действиям, поведению.

Бушидо влияло на буддизм и буддизм влиял на бушидо. Насчитывается пять элементов буддизма в бушидо:

- умиротворение эмоций;
- уравновешенная податливость неминуемому;
- самоконтроль перед лицом любых обстоятельств;
- более интимное отношение к смерти, чем к жизни;
- чистая бедность.

До Второй мировой войны мастер дзэн Кодо Саваки читал курс лекций знаменитым мастерам по боевым искусствам высоким авторитетам будо. На Западе боевые искусства всего лишь мода, увлечение, ставшее городским видом спорта, техникой, не имеющей ничего общего с понятием духа пути. В этих лекциях Кодо Саваки обычно подчеркивал мысль о том, что дзэн и боевые искусства имеют один вкус и по сути – одно и то же. Как в дзэне, так и в боевых искусствах тренировка имеет огромную значимость.

Как долго надо тренироваться? До смерти. Западных людей такой ответ не приводит в восторг. На Западе люди желают обучиться быстро. Но додзэ – это не университет. Поэтому, если практиковать будо, то практиковать его до смерти, лишь меняя подход к нему в зависимости от возраста и других аспектов нашей жизни.

Бушидо

ТРИ СТАДИИ

Шоджин – первая стадия, период, в течение которого вовлечены в практику воля и сознание, необходимые вначале. В будо и дзэ-не эта стадия занимает от трех до пяти лет, в старые времена – от десяти до двенадцати. В течение этих десяти лет необходимо продолжать практику дзэна с включением воли, хотя иногда после трех – пяти лет усиленной практики, мастер может дать шихо – «передачу». В те старые времена люди жили постоянно в монастыре и принимали участие во всех сэсшинах [1 - Сэшин – период интенсивного занятия дзадзэном, один или более дней жизни в общине, медитация в додзё, четырех-и пятичасовые занятия дзадзэном перемежающиеся с беседами, мон-до (диалогами с мастером), саму (работой с источниками) и ритуалом приема пищи.]. Сейчас в Японии «шихо» передается от отца к сыну, но имеет чисто формальный вид. Вот почему истинный дзадзэн исчез, и едва ли найдутся подлинные мастера даже в Японии.

В прошлом, кто посвящался, должен был провести по крайней мере года три в монастыре Эйхейджи или Соджиджи, но теперь одного года достаточно, чтобы стать монахом, или даже трех месяцев, или еще меньше.

Если его вера порочна, он не достигнет внутреннего единства; если его разум не закалён в тренинге, он не способен будет воспринять эту идею: если он психически вял, ему не удастся пробудить скрытые силы; и если он лишён сосредоточенности, то напрасной будет попытка координации формы, души и разума.

Лама А. Говинда

К примеру, Дешимару Роши ходил за своим учителем Кодо Саваки сорок лет. Додзё Кодо Саваки не походило на Эйхейджи, в нем абсолютно отсутствовал формализм. Кодо Саваки часто говорил: «Мой додзё странствующий». Он ездил из одного храма в другой, из школы в университет или на фабрику, а иногда даже и в тюрьму. Его учение подходило

к жизни.

Вторая стадия – это период концентрации без сознания. Ученик пребывает в состоянии умиротворенности. Он становится помощником мастера, а позже и сам учит людей как мастер.

В третьей стадии дух достигает подлинной свободы. Только после смерти мастера можно стать полным мастером. Но это не означает, что ты ждешь смерти мастера в надежде полного освобождения духа. Если происходит подобное, то все накопленное рушится, как картонный домик, и человек ломается о противоречия с самим собой.

Вот три стадии, присущие как дзэну, так и будо.

Утром познав Путь, вечером можно умереть.
Конфуций

НАПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Как направлять сознание? Ответ находится в дзэ-не, но не в технике боевых искусств. Боевые искусства плюс дзэн есть японское будо.

Как нам образовать сознание и научиться направлять его? Кодо Саваки говорил о «кю шин рю», школе, методика которой базируется на традиционных текстах, одна глава которых имеет дело со «спокойствием духа». Вот небольшая выдержка из него:

«Нет врага. Сознание не имеет формы, но иногда и может иметь ее».

То же самое в дзадзэне.

Иногда наше сознание может быть понятным, но иногда нет. Когда активность сознания заполняет космос – пространство между небом и землей и когда нам известно, как схватить возможность, проявляющую себя, тогда мы можем обернуть всякую перемену в выгоду, избежать неудачу и охватить всю бесконечность проявлений в одной из них.

Текст не легкий к пониманию. Но человек, имеющий серьезный опыт в будо, может понять такой подход.

Генджокоан, другой традиционный текст, часто цитировавшийся Кодо Саваки, говорит: «Когда человек плышет в лодке от берега, ему кажется, что берег движется. Но когда он опускает взор на борт лодки, ему становится видно, что она движется».

Если мы смотрим внимательно в нашей лодке, мы можем понять, что именно она изменяет место, и так мы стираем иллюзии чувств. Когда мы воспринимаем все феномены сущего глазами наших иллюзий и ошибок, мы неверно представляем свою изначальную природу условной и изменчивой, когда в реальности она автономна и незыблема. Если мы входим в интимность с нашим истинным сознанием и возвращаемся к нашей изначальной природе, тогда мы понимаем, что все феномены сущего внутри нашего собственного сознания и что это истина для любого проявления бытия.

Кодо Саваки

Изначальная природа сущего не может быть воспринята нашими чувствами и впечатлениями. Когда мы воспринимаем нашими чувствами, объективная сущность нереальна и лишена истинной субстанциональности, она – воображение. Каждое проявление бытия различно. Формы и цвета одинаковы, но каждый видит их по-разному сквозь свои физиологические и психологические иллюзии. Все проблемы нашей повседневной жизни найдут разрешение во времени, через двадцать или тридцать лет, а когда мы сходим в могилу, все они тут же разрешаются.

Время – лучший разрешитель всех проблем.

Жизненные проблемы различны у каждого из нас, и каждый из нас нуждается в отличном от другого способе их разрешения.

Таким образом, каждый из нас создает свой личный метод. Если вы имитируете, – вы начинаете ошибаться. Все обязаны создать свой метод сами.

Все вещи, хорошие и плохие, идеально отражаются в зеркале; оно не отвергает и не удерживает в себе ни одного образа.

Линь Цзин-си

Здесь и сейчас.

Вы и я – не одно и то же. Если вы не можете отыскать разрешение проблем в вашей собственной жизни, в конце концов вы окажетесь парализованы, не способны более к действию.

Как создать жизнь по принципу здесь и сейчас?

Включаем кинопроектор, пленка останавливается, образ застывает в неподвижной статике.

Создание и концентрация энергии представляют собой элементы, общие для боевых искусств и дзэна. Если сознание сконцентрировано на «здесь и сейчас» и находится в

контакте с фундаментальной энергией вашего тела, вы способны уследить за всем происходящим и держать энергию для своевременного использования.

Если рука открыта, вы способны ухватить все возможное; если же она сжата в кулак, ничего не войдет в нее. В боевых искусствах главное – проникновение в элементы и феномены, а не скольжение по ним.

Но в наши дни все желают сберечь энергию и поэтому наполовину живы. Жизнь в полнакала, и никогда в полную силу.

Вы должны учиться проникать в жизнь.

Секрет боевых искусств, таким образом, лежит в том, чтобы учиться направлять сознание «рю ги», учить его верному действию. Это основа физической техники. Сознание должно быть субстанцией. Сознание – субстанция без формы, но иногда она обретает ее.

Ни слабые, ни небрежные не могут достичь себя, нельзя достичь себя через бесцельные дисциплины.

Садгуру Шивайя Субрамуниясвами

Что означает высказывание: «Когда активность сознания заполняет космос, она схватывает благоприятную возможность, избегает неудачу, охватывает всю бесконечность проявлений в одном из них?» Это означает применимо к боевым искусствам то, что в поединке сознание наше не должно зависеть от движений противника. Сознание должно двигаться свободно, без направленного желания атаковать, но и не ослабляя своего внимания ни на мгновение.

Личность в понятии дзэн-буддизма.

Сциентисты – включая теологов, философов – хотят быть объективными и избежать всякой субъективности. Они твердо держатся той точки зрения, что суждение истинно лишь в случае объективной его оценки или проверки, а не просто субъективного или личного опыта. Они забывают, что личность непременно живет не концептуальной или научно определенной, но личностной жизнью. Каким бы точным, объективным, философским ни было определение, оно относится не к личной жизни, а к некоей жизни вообще, которая является предметом исследования. Дело тут не в объективности или субъективности. Нам жизненно важно самим, лично обнаружить нашу жизнь, решить, как ее прожить. Знающая себя личность никогда не предается теоретизированию, не занята писанием книг и поучением других – такая личность живет своей единственной, свободной и творческой жизнью. Что она собой представляет? Где ее найти? Я знает себя изнутри и никогда не знает извне.

Рахул-сын Сакьямуни

Однажды Джошу Джушина (778 – 897) спросил монах: «Что есть мое Я?» Джошу ответил вопросом: «Ты доел утреннюю кашу?» – «Да, доел». – «Коли так, то помой свою миску».

Еда – действие, мытье – действие, но дзэн интересуется самим деятелем, тем, кто ест и моет; до тех пор, пока экзистенциально в опыте не уловлена личность, нельзя говорить и о действии. Кто осознает действие? Кто сообщает тебе этот факт сознания? Кто ты сам, говорящий о нем себе и всем остальным? «Я», «ты», «он», «она», «оно» – все эти местоимения нечто замещают. Кто есть это нечто?

Невежество и есть природа Будды.

Ченг Дао Ке

Другой монах спросил: «Что есть мое Я?» Джошу отвечал: «Ты видишь кипарис во дворе?»

Джошу интересует здесь не видение, но видящий. Если Я есть ось спирали, если Я никогда не объективируется и не фактуализируется, то все же оно здесь, и дзэн говорит нам, как уловить его нашими голыми руками и показать наставнику неуловимое, необъективируемое или недостижимое. В этом заключается расхождение между наукой и дзэн. Следует напомнить, однако, что дзэн не возражает против научного подхода к реальности, он лишь желает сказать сциентистам, что помимо их подхода имеется другой – более прямой, обращенный вовнутрь, более реальный и личностный. Они могут назвать его субъективным, но это совсем не так.

Личность, индивид. Я, эго – эти понятия используются как синонимы. Личность является морально-волевой, индивид противостоит всякого рода группам, эго психологично, а Я одновременно морально и психологично, обладает при этом религиозным значением.

С точки зрения дзэн, опыт Я психологически уникален в том отношении, что он насыщен чувством автономности, свободы, самоопределения и, наконец, творчества.

Хокодзи спросил Башо Доичи (ум. в 788 г.): «Кто тот, стоящий в одиночестве и без товарища посреди десяти тысяч вещей?» (дхарма). Башо отвечал: «Отвечу тебе, если одним глотком выпьешь Западную Реку».

Таковы деяния Я, или личности. Психологи и теологи, говорящие о пучке последовательных перцепций или впечатлений, об Идее или принципе единства, о динамической тотальности субъективного опыта или об оси криволинейных человеческих действий, идут в направлении, противоположном дзэн. И чем быстрее идут, тем дальше уходят от дзэн. Поэтому наука или логика объективна и центробежна, тогда как дзэн субъективен и центростремителен.

Чтобы преуспеть в науке, нужно быть не просто учёным. Философ тоже должен быть не просто мыслителем. Научные открытия практически бесполезны, если мы не видим природу как-то по-другому.

А. Уотс

Кто-то заметил: «Все внешнее говорит индивиду, что он – ничто; все внутреннее убеждает его, что он – все». Это замечательное изречение, ибо оно выражает чувства каждого из нас, когда мы спокойно сидим и всматриваемся в глубинные покои нашего бытия. Там ничто не движется и нашептывает, что мы родились не зря. В одиночестве подвергаешься ты испытанию, одиноким уходишь в пустыню, одного тебя допрашивает мир. Но стоит человеку однажды со всею честностью посмотреть внутрь себя, он понимает, что он не одинок, не потерян, не заброшен в пустыню. Внутри его живет некое чувство царственного и величественного одиночества; он стоит сам по себе, но все же не отделен от остального существования. Эта уникальная ситуация, внешне или объективно противоречивая, возникает вместе с подходом к реальности на пути, который предлагает дзэн. Такое чувство проистекает из личного опыта творчества, появляющегося вместе с выходом за пределы царства интеллекта и абстракций. Творчество отличается от обыкновенной активности, это печать самоопределяющегося деятеля, именуемого Я.

ФИЛОСОФСКАЯ СУЩНОСТЬ ДЗА-ДЗЭН

Понятие дзэн как медитативной практики

В своем труде «Шобогензо» Доген писал: «Что есть дзадзэн? Это быть целиком и полностью в моменте, за пределами всех существований универсума, достигать состояния Будды и жить в нем.

Дзадзэн – это то, что за понятиями «буддисты» и «небуддисты»; то, что наполняет каждое сердце опытом Будды».

Простые слова, отражающие сущность дзэна, который и есть сама простота.

В чем же сущность дзадзэна?

Значимость дзадзэна есть в нем самом!

Чем больше мы говорим о нем, тем больше заблуждаемся по его поводу. Дзэн – это не болтовня, это дзэн.

1. Для некоторых дзадзэн – это медитация, вид думания, или ментального настроения.

Фактически дзад-зэн не является каким-либо «измом» или видом думания, или медитации, в том представлении, в котором это принято понимать в христианстве или индуизме, к примеру. В европейском понятии человек есть существо думающее, отсюда концепция мысли есть базис человеческого поведения. Вся жизнь наполнена мыслью, и никто не в состоянии постигнуть немысль. Профессора, в особенности философы, посвящают все свое время думанию, никто из них никогда даже и не помышляет о критике мысли как таковой.

Если с вами что-то происходит, я бы не сказал, что это – медитация? Это – всё ещё созерцание, это – всёещёпроцесс мышления. Сколько угодно тонкое, но это – всё ещё думание.

Бхагаван Шри Раджниш

Дзадзэн же представляет собой ни думание, ни недумание, он за пределами мысли, это чистая мысль без каких-либо личностных характеристик, находящаяся в гармонии с сознанием универсума. Доген вспоминал, как однажды мастер Якусан ответил на вопрос ученика, о чем он думает во время дзадзэна: «Я думаю без думания» (то есть не включая механизм процесса думания).

Хиширьё – это объем мысли, в котором отсутствует индивидуальное сознание. Вот это (хиширьё) и есть сущность дзэна, дзадзэна.

Процесс сознательного думания, конечно, очень важен в повседневной жизни, и ни в коем случае не может быть каким-то образом изгоняем. Но иногда приходит момент, когда возможно действие без сознания, или эго, – спонтанное действие, наступающее во время творческого порыва, действие, в котором тело и душа сливаются воедино. Действие, наступающее до сознательной мысли – чистое действие, сущность дзадзэна.

2. Опыт дзадзэна – это не особый таинственный опыт и определенного рода состояние тела и души. Это возврат к нормальной человеческой кондиции.

Практика медитации, концентрации на позе ничего общего не имеет с достижением какого-то «просветления», особого духовного состояния.

Нельзя путать практику дзэна с религиозными церемониями, нагнетающими эмоции, чувства, экстаз. Дзадзэн это не эмоции, чувства, экстаз.

Дзадзэн означает вхождение в интимный контакт со своей самостью, точное определение внутреннего единства и гармонизацию с универсальной жизнью.

И это не есть достижение лишь великих мастеров и святых, так как нет ничего мистического в этом, и все это вполне доступно каждому.

3. Далее, дзадзэн – не умерщвление плоти, подобно крайним проявлениям аскетической практики. Некоторые считают, что сесшин (период интенсивной тренировки в течение нескольких дней) означает сидение в дзад-зэне без сна и пищи и, на пределе изнурения, вход, наконец, в состояние экстаза. Это глубокое заблуждение. Сущность дзадзэна можно определить и так: верная поза, правильное дыхание и состояние сознания. Со временем каждая мелочь жизни должна стать дзэном, но исток просто в правильном сидении.

Поза дзадзэн – «правильное сидение». Ноги перекрещены в традиционной позе лотоса: правая нога на левом бедре, а левая – на правом, стопами вверх. Возможен также и полулотос, когда лишь одна нога заведена на бедро противоположной, а другая, также согнутая в колене, лежит на полу. Главное, чтобы оба колена опирались о пол.

Положение тела. Туловище держится прямо. Таз слегка подан вперед, чтобы внутренние

органы размещались естественным образом, а мышцы живота не были напряжены. Как говорят мастера: «Подать тазом вперед так, чтобы копчик глянул на солнце».

Всматривайся в себя! Тайна в тебе.

Хуэй Нэн

Голова также держится прямо, подбородок внутрь. Нос строго над пупком, а уши перпендикулярны плечам. «Когда сидите в дзадзэне, подпирайте небо головой и упирайтесь коленями в землю».

Руки и плечи. Запястья лежат на бедрах, ладони вверх. Левая кисть на правой. Большие пальцы рук соединены кончиками, образуя прямую линию, а между ними и ладонями образуется место, как раз, чтобы можно было вложить два яйца. Мизинцы касаются живота. Локти не расставлены в стороны, но слегка округлены, в то время как плечи и руки держатся не напряженно.

Рот и язык. Рот закрыт, не напряжен. Кончик языка касается нёба у верхнего ряда зубов.

Глаза. Глаза полузакрыты, глядят, но не видят поверхность пола в метре от вас и недвижимы.

Дыхание. Когда поза правильная, правильно и дыхание. Выдох дольше вдоха, мощный и спокойный. В конце выдоха автоматически начинается вдох. Во время выдоха происходит давление на кишечник, и нижняя часть живота под пупком расширяется. Дыхание следует выполнять бесшумно и естественно, без напряжения.

Когда вас кто-либо спросит, в чём состоит истинный дзэн, не стоит открывать рот. Покажите ему позу дзадзэн. Тогда подует весенний ветер и раскроются цветущие лепестки слив.

Дайчи Сокей

Дзадзэн – это нормальное состояние тела и духа (сознания), спокойствие, прочность, уравновешенность, гармония.

Перед тем как начать, качнитесь слегка вправо-влево несколько раз; затем, постепенно уменьшая амплитуду колебания, займите сбалансированное, неподвижное положение.

Опыт дзадзэна дает возможность найти истинную силу жизни внутри нас. В нем нет натянутости, но и нет расслабленности, только свобода и гармония. Но мастера дзэн всегда говорят, что дзадзэн нельзя выразить словами, ибо это будет походить на одурачивание человека, которому предлагают отведать вкус яблока, нарисованного на картинке.

В дзэне общение, передача идет на уровне душ, от моей души к твоей душе (и шин ден шин).

Физиологические выгоды дзадзэна фундаментальны и бесконечны. Поза создает исключительный тонизирующий эффект для мышц, уравновешивает нервную систему, творя гармонию между нами и универсумом.

Что есть жизнь? Неверно делать различие между жизнью нашей индивидуальности, нашим телом и всей жизнью вокруг нас. Жизнь наша не только в нашем теле, она есть непрерывный обмен с жизнью универсума.

Понятие этой взаимозависимости приходит с осознанием ку, или ничто, вакуум, и с действительным бытием ку, представляющим собой высшую истину, а также

универсальную любовь. Проявление ку – это вечная, беспредельная энергия, воспринимаемая нами тогда, когда мы находимся в гармонии с универсальной жизнью, мы наделяемся ею бессознательно, без всякого сопротивления.

Как сидеть в дзадзэне:

– придайте вашей позе полноту энергии, в противном случае она уподобится бутылке пива, оставленной на ночь открытой;

– вы должны походить на генерала верхом на лошади

впереди его армии;

– ваша поза должна быть львом или тигром, а не спящей свиньей;

– если ваша поза правильна, она стимулирует нервы в автономной системе и центральной части мозга. Передняя часть мозга становится спокойной и умиротворенной, интуиция усиливается;

– через дзадзэн и только дзадзэн ваши мышцы и сухожилия, находясь в оптимальной степени напряжения, влияют на симпатическую и парасимпатическую нервные системы;

– их функции взаимодополняют друг друга, и если напряжение в вашем теле правильное, две их силы приводят к равновесию;

– руки ваши не должны быть прижаты к бокам, следует иметь напряжение в руках, в особенности в пальцах;

– большие пальцы следует держать на горизонтальной линии, соприкасаясь кончиками: не «гора» и не «долина».

ЛЕКЦИЯ7

Энергия. Гохондзон (эмблема школы Кэмпо-Дзэн) Мадзи

ЭНЕРГИЯ

«Ки» – это интегральная функция всей деятельности организма, его энергии, тонуса, жизненности. Каждый орган, каждая система органов имеет свое «ки» как выражение

обмена и функции в каждый данный момент. Равнодействующая всех этих «ки» и составляет «ки» организма.

Тема жизненной энергии, жизненной силы «ки» («чи» – кит., «прана» – инд.), циклирующей по организму и прямо связывающей нас через определенные энергетические центры нашего тела с жизненностью космоса, не один раз затрагивалась в соответствующей литературе.

Ошибается тот, кто считает, что достаточно, начитавшись умных книг с описанием энергетики, четко представить себе этот феномен и приступить к работе с ним. Подойти сколько-нибудь близко к практическому применению «ки» можно лишь через многотрудную работу как в динамической, так и в статической медитативной технике.

В своей повседневной жизни я использую КИ для достижения умственной и физической уравновешенности. Так я успокаиваю себя и готовлюсь встретиться с любыми неожиданностями.

Чак Норрис

...Происходящее казалось чудом. Мастер просачивался как вода между нападающими противниками, обволакивая их своими одеждами. Каждый момент, когда кто-либо из группы нападающих пытался атаковать его, он исчезал, плавно уворачиваясь. Подобно гироскопу, вращающемуся все быстрее и быстрее, и тем самым делая свои движения более спокойными, мастер отводил энергию атакующих, выводя одного за другим из схватки...

Наблюдая за мастером айкидо, лишь диву даешься его действиям, кажущимся абсолютно лишенными усилий. Но что-то скрывается невидимое, необъяснимое за всем этим. Это «ки», – невидимая жизненная сила, энергия, которую большинство мастеров любых стилей на определенном этапе совершенствования своей медитативной техники пытаются развить.

Вот упражнение, используемое для определения степени активизации включения «ки» на индивидуальном уровне.

Два партнера становятся друг против друга на расстоянии вытянутой руки. Один из них, тестируемый, кладет руку на плечо другого и напрягает ее. Рука при этом строго прямая. Другой человек в паре нажатию на внутреннюю часть локтевого сустава без особых усилий сгибает в локте руку своего партнера. Далее тестируемый естественно сгибает положенную на плечо руку, расслабив ее. Но теперь он начинает «работу» со своей внутренней энергией. Он включает медитативный образ: его рука – это шланг, через который постоянно, под большим давлением, проходит вода, уходя в бесконечность через пальцы. В данном случае даже при использовании двух рук партнер, при верном медитативном настрое испытуемого, не в состоянии согнуть его руку. Это пример использования «ки».

Каждый человек имеет эту силу – иначе бы он не жил. Но не каждый способен регулировать и управлять ею в силу ухода от естественного восприятия законов Вселенной. Наверное, многим доводилось прилагать усилия, чтобы поднять ребенка или собаку, которые категорически этого не желают. Ребенок кажется невозможно тяжелым, если он стремится к земле, но стоит ему захотеть на руки, и мы поднимем его как перышко. Все это происходит лишь потому, что сознание – верный источник силы, и когда сознание и тело скооперированы, «ки» тут же проявляет себя.

Хара

Центр концентрации «ки», как известно, находится чуть ниже пупка. Эта точка называется «хара» («таньен» – кит.). Она есть центр гравитации нашего тела. Ки, как энергия или внутренняя сила, может направляться из хара в различном направлении от тела. В соединении с гравитацией (силой тяжести) она способна продуцировать непреодолимый вес и чрезвычайную тяжесть внутри тела, как в случае с ребенком, который не хочет, чтобы его поднимали. Все истинные мастера боевых искусств и практикующие дзэн без техники бушидо, знают, что «ки», или энергия универсума, проистекает из хара, распространяясь далее по всем направлениям в бесконечном процессе. И независимо от места пребывания, мы, каждый из нас есть центр универсума. Ощущая нашу хара «отцентрированной», мы осознаем наше единство с универсумом и в то же время нашу полнейшую телесную связь с ним. Для человека практичного все это может показаться чересчур эзотеричным. Но можно взглянуть на проблему и с другой точки зрения. Допустим, что наш живот представляет собой клапан, отправляющий воду («ки») в зависимости от необходимости. Открыт наш клапан полностью – много воды перерабатывается ногами и руками.

Человек буквально сонастроен с космосом, со всем его бесконечным разнообразием.
Джон Лилли

Если мы научимся представлять всю нашу энергию, проходящую через тело в точку хара, затем двигаясь вниз через ноги – вверх, через весь корпус, руки и далее в голову, то сознательно мы сможем проектировать эту энергию по всем желаемым направлениям. В таком случае можно сказать, что мы способны распространять нашу «ки»: мы посылаем ее в любом направлении.

Интересны в этом смысле четыре типа ведения поединка, которые прямо предусматривают «работу» с ки.

Эти четыре типа основываются на концепции четырех первоэлементов: земли, воды, огня и ветра. В каждом из них необходимо как бы удерживать «энергетический узел» в определенном уровне тела, умело распределяя энергию из него в нужных направлениях. Конечно, техника эта осуществляется лишь на интуитивном уровне, ибо включение интеллектуальной «поддержки» неизбежно ведет к образованию фиксации сознания на собственно процессе энергетической медитации, что приведет к утере общего охвата действительности. Сознательные медитативные усилия со временем введут тело в спонтанное состояние, соответствующее ситуации, но до выработки спонтанности работы с ки не следует использовать ее в поединках.

Итак, вкратце напомним, исходя из японской традиции, четыре типа ведения поединка.

Первый

Форма земли представляет собой принцип «укоренения», то есть сохранения максимальной устой-

Земля

чивости, что достигается правильным положением ног, перемещением тяжести «энергоузла» вниз, в область пупка. При этом обязателен брюшной тип дыхания, как и в процессе дза-дзэн. Стойкое удержание центра тяжести в брюшной полости способствует удержанию нас в равновесии при попытках противника вывести нас из него. Техника земли также необходима при прыжках и во всевозможных подобных обстоятельствах, где требуется удержание равновесия (подвесной мостик, узкая планка, край чего-либо и т.д.).

Второй

Форма воды является оборонительным режимом ведения поединка. В данном случае мы ведем себя подобно воде, расступающейся при каждой атаке противника, так, что он как бы «проваливается вперед». Тут необходима для применения хорошо наработанная тактика уходов. При данной технике следует держать высокую позицию, а «энергоузел» перемещается в область грудной клетки, что обеспечивает максимальную подвижность. Дыхание, соответственно, переносится, вслед за стойким удержанием «энергоузла», в средний отдел грудной клетки, чтобы постоянно «подпитывать» ее ки.

Вода

Третий

Форма огня предполагает перенесение тяжести «энергоузла» в район головы и передней части плеч. Это позволит нам, точно огню, устремляющемуся вверх, постоянно наносить множество ударов в атакующей манере. Поэтому лучше всего наметить поверхностное дыхание и через чакрам (энергоцентр) «аджна» (третий глаз).

Огонь

Четвертый

Форма ветра определяется при максимальной подвижности, не атакуя и не обороняясь, сохраняя четкое удержание

Ветер

«энергоузла» над головой, как бы увеличивая себя при этом в росте, следуя за движениями противника, «прилипая» к нему. Поступление ки можно наметить через «сахасрару» (энергоцентр макушки головы).

Все вышеупомянутые типы ведения поединка обязательно предполагают отработку особого чувствования противника, основывающегося на эмоционально-интуитивном восприятии его и своего состояния как единого целого.

Отрабатывать устойчивое чувство накопления энергии необходимо начинать еще со статической активной медитации в шикантаза, то есть в положении сидя в лотосе или полулотосе. Активная медитационная техника в статическом положении тела определяет концентрацию сознания на образах активного действия, в конечном счете сливающую практикующего с изначальной вечной энергией, что является апофеозом активной медитации школы Риндзай.

Необходимо сесть в шикантаза и выполнить все необходимые требования по самонастрою.

Затем, продолжая дышать животом, то есть выполняя брюшной тип дыхания «харагэй», как бы наблюдать со стороны поток воздуха, стекающий вниз и закручивающийся у основания позвоночника, образуя шар. С каждым дыхательным циклом масса и плотность этого сгустка увеличивается, превращая его в яркий и горячий шар, прижимающий таз корпуса тела к полу. Постараемся четко удерживать этот образ, реально ощущая тепло и тяжесть. Техника дыхания при этом выбирается та, которая больше подходит вам в дзадзэн, лишь бы выдох был длиннее вдоха. Далее идет работа по «подниманию» и четкому удержанию образа нашего шара в вышеописанных областях тела, с каждым разом увеличивая время удержания на определенных уровнях.

Только внутри себя разожгу я пламя.

Когда огонь разгорится, положу на него своё «я». ...сердце есть алтарь. Пламя на нём – это пылающее человеческое «я»...

Самьютта-никайя

Положительная упорная работа над данной медитативной техникой позволит в дальнейшем на чисто интуитивном восприятии включать перемещение «энергоузла» в нужный уровень по необходимости.

Следует также отметить, что мы не занимаемся выработкой в себе чего-то не существующего – типа некоей мистической мощи. Мы просто возвращаемся к давно забытому – по причине неупотребления. И эта «суперсила» есть в нас всегда. Каждый обладает ею, так же как и обладает изначальной природой, давшей нам эту силу, посредством которой и произошел толчок, «включивший» нашу жизнь. Другое дело, что мы живем тлея, не задействуя мощный потенциал своих психофизических возможностей.

Представим себе хрупкую женщину, выбивающую тяжелую дверь, так как за ней, в горящей комнате, находится ее ребенок. В обычных условиях, при обыденных обстоятельствах, она не проявила бы, конечно, подобную демонстрацию силы, но в экстремальных случаях сознание срабатывает быстрее, координирует силу своей энергии с энергией тела, то есть выдает тот продукт, к которому стремятся все мастера боевых искусств, развивая сию способность через практику до тех пор, пока она не включается механически, а затем и вовсе спонтанно. Хочется также сказать, что даже простое осознание существования в нас ки – могучей внутренней энергии – способствует увеличению нашего психофизического потенциала, вселяет ощущение уверенности и силы.

В традиции индуизма прана – «жизненный воздух», от пран – «дышать». Жизненная энергия, или принцип жизни. Прана в человеческом теле движется в пранамайя-коше как воздух или ветры. Это прана (удерживаемое дыхание), апана (входящее дыхание) и самана (уравновешивающее дыхание). Каждое из них управляет критическими функциями тела, и все телесные энергии являются их модификациями.

Обычно слово «прана» относится к жизненному принципу, но иногда обозначает энергию или силу, одушевляющую космос.

Очень схожей по понятию с праной и ки (чи) является суфийская [2 - Суфизм [от арабского суфи, букв. – носящий шерстяные одежды (суф – шерсть, грубая шерстяная ткань, отсюда – власяница как атрибут аскета)] – мистическое течение, зародившееся в VIII в. на территории современного Ирака и Сирии. В разные эпохи суфизм был распространен от северо-западной Африки до северных окраин Китая и Индонезии. Несмотря на то, что суфиев ошибочно считают мусульманской сектой, их можно встретить в любой религии. Они называют ислам «оболочкой» суфизма только потому, что считают суфизм тайным учением всех религий. Суфизм приобрел восточный оттенок, т.к. он очень долгое время существовал в рамках ислама. Суфиев нельзя назвать сектой, ибо они не связаны абсолютно никакими религиозными догматами и не используют никаких постоянных мест для поклонения. Никаких иерархических различий между ними не существует, если не считать общего и неоспоримого признания больших или меньших способностей человека. Суфии называют упорствующих в своих заблуждениях слепыми по отношению к истинной реальности, а о себе говорят, что они

слепы к вещам, представляющим ценность для таких людей. Иными словами, в суфиях бодрствует их духовное внимание, дремлющее в других людях. У них особое отношение и к экстазу. Если христианские мистики считают экстаз единением с Богом, а, следовательно, вершиной религиозных достижений, то суфии признают его ценность только в том случае, если человек, достигший этого состояния, сможет потом вернуться в мир и жить в соответствии со своим опытом. Тут имеет место большое сходство с дзэнским опытом сатори. Суфии всегда подчеркивали практическую применимость своих взглядов. Метафизика для них совершенно бесполезна, если она не сопровождается примерами разумного человеческого поведения (также огромное сходство с жизненными принципами дзэн). Суфийские учителя делают все, чтобы обескуражить ученика, и не принимают тех, кто приходит к ним с «пустыми руками», тех, кому не достает врожденного чувства основной тайны. Ученик учится у учителя не столько в соответствии с литературными или терапевтическими традициями, сколько наблюдая за тем, как он решает проблемы повседневной жизни: ученик не должен докучать ему вопросами, но принимать на веру многое такое, что кажется нелогичным или глупым, но в конечном итоге оказывается осмысленным. Многие из суфийских парадоксов существуют в форме забавных рассказов, в особенности тех, которые связаны с Ходжой (школьным учителем) Насредином; они встречаются также в баснях Эзопа, которого суфии считают одним из своих предшественников, и в коанах дзэнских мастеров. Исходя из учения школы Кэмпо-дзэн, основанного на философии и мировоззрении дзэн-буддизма, можно смело утверждать, что суфизм – это своеобразный дзэн, но выросший на питательной почве ислама.] барака. Если рассматривать бараку с обычной точки зрения, у нее можно обнаружить много «магических» свойств, но в действительности барака – это единство и энергия, а также субстанция объективной реальности. Одним из свойств ее является то, что человек, наделенный ею, или любая вещь, содержащая бараку, сохраняют ее независимо от степени воздействия на них людей неразвитых.

Барака проникает только в пустой, свободный и чистый «дом» («человеческое сознание»).

ГОХОНЗОН

Эмблема учения Кэмпо-дзэн представляет собой трехцветную янтру. Она в абстрактной, схематичной форме изображает Вселенную, как ее представляет последователь учения Кэмпо-дзэн. Для лица, которое носит свое Я как талисман, Я становится центром внутреннего конуса. Оно обозначает священное место в его теле, где аккумулируется духовная энергия. Вот почему эмблема пришивается на левую сторону до ги на уровне сердца, что символизирует открытие Анахата-чакры, как проявление мира человека, точки отсчета, с которой начинается духовное возрождение.

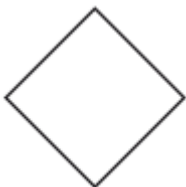
Эмблема Кэмпо-дзэн

Круг представляет собой циклические, космические силы, сокращающиеся и расширяющиеся ритмы; служит символом целостности и полноты. В основе этого лежит представление, что время не имеет ни начала, ни конца. В дзэн-буддизме, согласно основополагающему принципу, круг означает просветление, совершенство человека.

В древнеиндийской космогонии цветок лотоса ассоциируется с актом творения мира и является опорой Вселенной. С самых ранних времен лотос является символом цитадели сердца, местом сущности «Я». «Этот дом имеет форму лотоса, и в нем живет то, чего необходимо добиваться, о чем спрашивать, что осознавать. Итак, что живет в этом доме? Даже такая громада, как вся внешняя Вселенная, – есть Вселенная внутри лотоса сердца. Внутри него небо и земля, звезды и солнце. Все, что бы ни существовало внутри макрокосмоса, есть в микрокосмосе. Хотя старость приходит к телу, лотос сердца не стареет. Он не умирает со старостью тела. Лотос сердца, а не тело, есть истинный дом Брахмана.

Так описывает лотос Чандогья Упа-нишада.

Лотос также является символом чистоты, плодородия, духовного поиска, откровения, реинкарнации и бессмертия. Лотос поднимает адепта из темных глубин неведения к сияющим высотам внутреннего пробуждения.

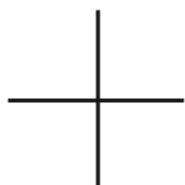

Лотос имеет четыре лепестка и по форме напоминает квадрат, что олицетворяет вместилище проявленного мира. «Четыре» – символ мира, расширяющегося по четырем направлениям, объединенного в горизонтальные и вертикальные пары противоположностей; символ тотальности космоса, форма порядка и опоры, четырехмерности пространства.

Лотос – в форме двойной ваджры. Ваджра – как символ буддизма – алмаз, громовой

топор, сила истины учения Будды. В индуизме – эмблема и магический скипетр богов Индры и Шивы. Бронзовые ваджры служат знаками отличия монахов и колдунов. Сама ваджра служит символом мужского начала Вселенной, активности и сострадания, а каждый лепесток в форме колокольчика – символ женского начала, мудрости и пассивности.

Каждый лепесток состоит из трех частей, как символ космического порядка: троицы, тримурти, три-кайи. Троица у персов, индусов, вавилонян, египтян, христиан и т.д. выступает как символ движения солнца: восход, полдень, закат. В индуизме: Брахма – творец, Вишну – защитник, Шива – разрушитель (Рождение, Жизнь, Смерть). В абстрактном смысле буддистского понимания познания (бодхи) воспринимается как трикайя «трехтельность», составляющими которой являются «дхармакайя» (истинное бытие), «нирманакайя» (историческое становление, Гаутама Будда) и «самбодхакайя» (благотворное влияние общины). Отсюда происходит символ «трех драгоценностей» (триратна): закон. Будда и община, толкуемые в джайнизме как «истинное действие», «истинная вера» и «истинное познание». В представлениях алхимиков картина мира часто изображается в виде трех фигур (иногда под маской символов троицы: корпус (тело), анима (душа) и спиритус (дух). При этом восходящие линии лепестков из центра лотоса символизируют рождение, а переход «линии смерти» каждого лепестка в «линию рождения» символизирует кармический переход из одной жизни в другую. Все четыре линии рождения дают начало элемента силы, энергетического вихря, свастики.

Свастика: санскрит «су» – прекрасный, «асти» – быть; знак благоденствия, процветания. Встречается повсеместно в Азии, Европе и даже Латинской Америке как знак солнца, жизни, света. В древнеиндийской философии – символ вечного кругообращения Вселенной; в буддизме – символ закона Будды, «Печать сердца Будды»; в Тибете она считается знаком счастья, талисманом; в джайнизме обозначает уровни бытия: божественный мир, человеческий мир, животный мир и преисподнюю. В доарийской культуре Мохенджо-Даро (2000 лет до нашей эры) и древнем Китае – символ четырехкратного ориентирования по частям света.

Свастика рождается через непроявленный крест, который достигается только путем медитативного видения.

Символ – объект, указывающий на субъект. Он ведёт к духовному сознанию далеко за пределами уровня объекта и субъекта.

Дж. Кэмпбелл

Невидимый крест в центре, визуализация которого дает рождение свастики, символизирует четыре основные стихии: земля, вода, огонь, воздух. Крест, заключенный в круг, считается знаком планеты Земля. Тысячелетия крест отождествляется с планом спасения человечества. Непроявленный крест символизирует скрытое качество внутренней чистоты человека, его божественной сущности.

Не нужно быть человеком, чтобы через распятие стать богом, а нужно быть богом,

чтобы, избежав распятия, стать человеком.

Четыре лепестка также напоминают о «Четырех Безмерных». Это отношение ко всем живым существам без выделения среди них врага, друга или безразличного.

Четыре установки сознания:

1. ЛЮБОВЬ – это желание привести всех живых существ к блаженству, которого они не знали, привести к причине этого блаженства.

2. СОСТРАДАНИЕ – это желание освободить их от страдания с сего же дня и навсегда, устранить причину страдания.

3. СОРАДОСТЬ – это радостная сопричастность к физическому и духовному счастью других.

4. РАВНОСТНОСТЬ – установка на то, что среди всех живых существ нет ни более близких, ни более дальних. Всех следует почитать равными.

Четыре Безмерных (Брахмавихара) ведут к духовному росту человека, хотя его эгоцентричность, двойственность, субъективность ведут к загрязнению, вплоть до негативных функций.

И, наконец, точка (бинду) как точка пересечения – центр, творящее ядро, источник эпицентра вихря силы, место божества, первопричина единого, место творения собственной Вселенной «Я», точка нисхождения и возвращения космических процессов, мировое семя, единство противоположностей.

Цвета янтры (гохонзона):

Природа

ЧЕРНЫЙ – мертвая материя

КРАСНЫЙ – плазма

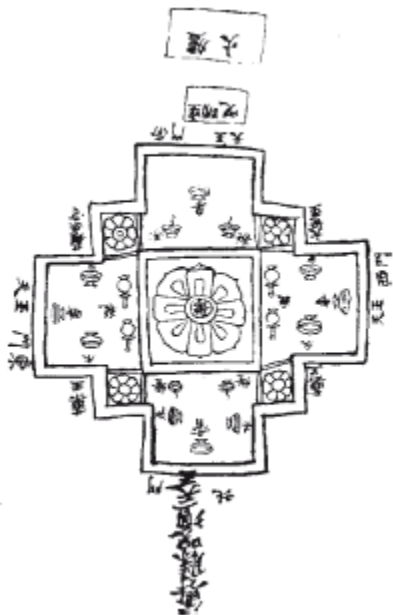
БЕЛЫЙ – жизнь

Социум

ЧЕРНЫЙ – внешние негативные силы

КРАСНЫЙ – бдительность, готовность к борьбе, защитное энергетическое поле

БЕЛЫЙ – внутренняя чистота

План Алтаря

Медитация на гохонзон и ношение эмблемы на до ги позволяет последователю и ученику интуитивно приблизиться к космической мудрости и опосредованно

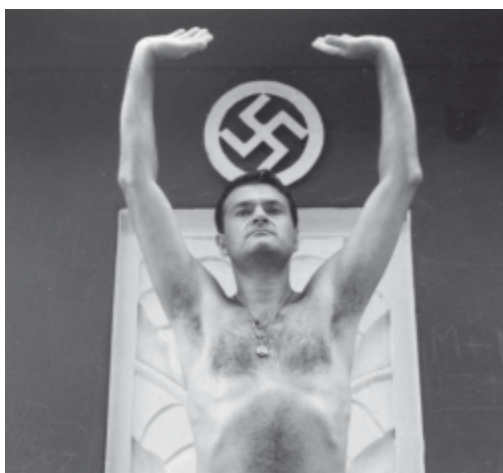
прочувствовать единство микро– и макрокосмоса.

КОЛОВРАТ – МАДЗИ – СВАСТИКА

Будучи много раз в Индии, иногда живя там продолжительное время, изучая различные аспекты культуры, философии, религии этой страны, мастера школы кэмпо-дзэн Холин Ю.Е. и Коваль С.Н. не могут оставить без внимания символ, являющийся столь могущественным по своей энергетике, – свастику. Для непосвященного человека, непривыкшего спокойно воспринимать этот символ первые часы, а то и дни пребывания в Индии покажутся поразительными, в частности, и из-за обилия изображений свастики: на воротах домов, на грузовиках и автобусах, при входе в религиозно-культурные постройки, где свастика, наряду с другими символами, изображена так часто, что даже несведущий человек начинает догадываться о ее вселенской значимости. Как отмечает Жак Бержье: «В отличие от креста, треугольника, круга или полумесяца, свастика – сложный знак, крест, к которому добавлено нечто динамическое, не имеющее ни верха, ни низа. Свастика видится первым символическим знаком, начертанным с определенной целью. Изучение ее миграции – один из аспектов исследования общности происхождения различных культов и доисторических связей между Европой, Азией и Америкой.

Самый древний след свастики обнаружен в Трансильвании и восходит к концу эпохи неолита. Ее находят на сотнях плит в развалинах Трои. В Индии этот знак появляется в IV веке до нашей эры, а в Китае – в V веке нашей эры. Веком позже, в VI столетии, свастика приходит в Японию вместе с буддизмом, сделавшим ее своим символом.

И вот что весьма важно: во всем семитском районе – в Египте, Халдее, Ассирии, Финикии – свастика либо совершенно неизвестна, либо встречается случайно. В 1891 году Эрнест Клаус привлек внимание публики к тому, что свастика есть знак, свойственный индоевропейцам. А Гвидо Лист в своих работах по расшифровке рунической эпопеи, так называемой «Старшей Эдды», в 1908 году, описал свастику как символ чистоты крови и тайных магических знаний.

Бодх – Гая

Тем более авторы не могли не затронуть этой проблемы, что в культе бога Шивы, то есть чисто индуистской традиции, берущей свое начало еще от великого Индры – царя богов, громовержца и устроителя мира, а также во всех видах тантризма свастика является одним из главных метафизических символов, как проявленный символ Бога.

Слово это санскритское, и в своем чисто геометрическом значении имеет в виду крест с загнутыми под прямыми углами концами.

Коловрат

Угол может быть не обязательно прямым, а концы могут продолжаться в противоположном направлении. В частности, шиваистская свастика представляет собой именно такое изображение.

Здесь свастика означает символ благоприятной судьбы и солнца. Изогнутые вправо лучи свастики обозначают не прямой путь, которым достигается Божественность, – интуитивный, но не интеллектуальный.

Это древний символ плодородия, солнца, вселенской гармонии и т.п. Как орнаментальный мотив встречается в искусстве древних культур, а так же в античном, европейском средневековом и народном искусстве.

Что касается буддизма, родиной которого, как известно, является Индия, то в его традиции свастика – это символ совершенства. Изображения Будды часто сопровождаются этим знаком, вертикальная черта которого обозначает взаимосвязь неба и земли, а горизонтальная указывает на отношения инь-ян. Загнутые влево концы олицетворяют мягкость, любовь, сострадание, а их развернутость вправо – твердость, разум и силу. Как в буддистской, так и в индуистской традиции они изображаются определенным образом и подразумевают обе свастики, выражая, таким образом, идею взаимосвязи любви и сострадания с силой и твердостью, силы и разума с милосердием и любовью, разрушение единства которых является нарушением мировой гармонии, ведущим к умножению зла.

Фашисты, как известно, избрали своей эмблемой правостороннюю свастику, тем самым выразив свой идеал, извратив заветы древних мудрецов и осквернив сам знак, которому более пяти тысяч лет.

Следует отметить, что свастика является исключительно метафизическим символом, не имеющим ничего общего с черной магией. Далекие предки славян изображали свастику на одеждах, украшениях, оружии, щитах, конской сбруе, жилищах, определенно зная о мощном защитном действии свастики против оккультного влияния.

Посолонь

Мандир Марг

Россия также не является исключением по богатству применения свастики как религиозного, так и культурно-бытового символа. Европа не может сравниться с Россией в изобилии свастик, покрывавших русское оружие, стяги, национальный костюм, дома, предметы повседневного быта, храмы, предметы религиозных культов.

На Руси крест с изогнутыми концами имел свое, русское название – «коловрат». «Коло» – древнерусское название солнца, «врат» – древнерусское «возвращать» или «ворота». На современном русском языке коловрат означает «возвращающий солнце», «ворота солнца». «Коловрат» символизировал победу солнца, света над тьмой, жизни (вечной) над смертью.

Не имел ли в виду Н.К. Рерих, исходя из огромного сравнительного потенциала, и эту символическую деталь, объединяющую две великие культуры, говоря, что Россия и Индия едины? Ведь у предков славян также были как правая, так и левая свастики, и назывались они, соответственно, «посолонь» и «солнцеворот». Правая означала покровительство и присутствие Бога в повседневной жизни, изобилие, счастье, благополучие. Левая – присутствие и покровительство Бога в борьбе с врагами, его защиту от врагов как физических, так и оккультных...

В христианстве была в широком употреблении форма креста гамматического, состоящего из греческой буквы «гамма». Крест «гамматический», на Западе «*cruz gammata*», – не что иное, как свастика. Из книги «Христианская символика» графа А.С. Уварова можно узнать, что гамматический крест изображен на потире (сосуде для причащения) уже в IV

веке (стр. 36). В альбоме же «Византийская миниатюра» можно прочитать о том, что в XI веке по заказу императрицы Феодоры в императорском скриптории было изготовлено Евангелие, украшенное золотым орнаментом из гамматических крестов, с элементами античного орнамента меандра (М., 1977, стр. 13, таб. 4). В альбоме В.Н. Лазарева можно увидеть орнамент из гамматических крестов, которым украшены: и Своды монастыря Хосиос Лукас в XI веке (рис. 58), и апсида собора Святой Софии Киевской в XI веке (рис. 60), и стена храма Святого Георгия в Курбиново в XII веке (рис. 61), и западная стена Стамбульского Кахрие джами начала XIV века (рис. 59, таблицы, М., 1986, рис. 156, 170, 350, 469), а также архиерейские облачения Византийского периода и многие фрески на Балканах (рис. 57).

В книге «Матенадаран» изображен четвероконечный крест в окружении двенадцати гамматических крестов, где рядом поясняется: «Иллюстрации Эчми-адзинского Евангелия отражают преобразовательную связь двух Заветов, утверждая важнейшие формы христианства...» (стр. 30).

Ваджра

В районе Нью-Дели есть храмовый комплекс Мандир Марг, представляющий собой взаимосвязь и взаимопреемственность всех религий и верований Индостана. Кришнаит и джайн, шиваит и буддист могут найти тут атрибуты своего культа, изображения своих божеств рядом с божествами других, но не чуждых культов. Все здесь сооружено в таком единстве и гармонии, что как бы отражает Космический порядок, который и есть цель всех светлых устремлений духа; а то, как идут к этой цели – это пути, избираемые каждым. И каждый путь по-своему правилен, если он ведет к раскрытию лучших качеств человеческой природы в ее соединении со Вселенским Духом. Именно эту идею и выражает этот храмовый комплекс, в котором, кстати, есть мраморная доска, висящая на одной из стен, на которой на хинди и английском выгравирована надпись, называющая свастику древним индо-арийским символом космической гармонии, единством всех светлых начал. Поэтому возможно, что в будущем свастика индусов, мандзи японцев и китайцев и солнцеворот древних славян снова обретут свое истинное значение для европейцев, привыкших воспринимать этот символ негативно.

ЛЕКЦИЯ 8

Будда – основоположник медитативной формы сознания

БУДДА – ОСНОВОПОЛОЖНИК МЕДИТАТИВНОЙ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ

Вночь полной луны, в год 623-й до нашей эры в одном из районов нынешнего Непала в семье кшатриев родился принц по имени Сиддхартха Гаутама, которому суждено было стать величайшим учителем мира. Взрощенный, как и подобает его положению, в роскоши, получивший соответствующее принцу образование и воспитание, он так же, как и все принцы до него, женился, имел семью.

Но его созерцательная натура, полная безграничного сострадания, не находила удовлетворения в материальном благополучии царского дома. Не познав еще в своей жизни горя, он чувствовал, однако, глубокое сожаление по поводу человеческих страданий. Окруженный комфортом и богатством, он все же осознал идею универсальности этих страданий. Дворец с его многочисленными увеселениями перестает быть подходящим местом для сострадательного принца, и он покидает его. Поняв тщетную суетность в удовлетворении сенсорных наслаждений, в свои двадцать девять лет он отказывается от всех земных радостей и, облачась в желтое одеяние аскета, один, без единой монеты в кармане отправляется в скитание в поисках Истины и покоя.

Поначалу ты не признавал, что внутреннее знание и понимание есть Будда в тебе самом, и блуждал повсюду в поисках Будды.

Бай-чжан

Это был акт беспрецедентного отказа в истории человечества, ибо совершил Гаутама его не в пожилом возрасте, что вполне было допустимо, а в расцвете молодых сил; не от бедности, но оставив богатства. А так как в те далекие времена не было другого знания для достижения освобождения от уз плоти, кроме строгого аскетизма, то и принц Гаутама, не имея ничего другого, страстно обрек себя на прохождение через все формы аскетической практики. Накладывая на себя одну епитимью за другой, проходя через многочисленные, все более искушенные посты, доведя себя до состояния скелета, обтянутого кожей, он преодолевал поистине сверхчеловеческие испытания в течение долгих шести лет. Жизнь принца Гаутамы, а теперь, как его звали, Сакьямуни, или отшельника из племени Сакья, в эти годы была обычной для одержимого поисками освобождения от земных желаний аскета:

Сердце свое обратил он
На умерщвление плоти,
На воздержанье от страсти,
Мысли о пище отверг.
Пост соблюдал он, какого
Не соблюсти человеку,
Был в безглагольной он мысли,
Шесть продолжал так годов.
По коноплянному только
Зернышку ел каждодневно,
Тело его исхудало,
Тонкий и бледный он стал.

Все он искал пресечения
Необозримого моря.
Думал все глубже, как можно
Смерть и рождение стереть...
...Он был иссохший и тонкий,
Словно увядшая ветка,
Круг шестилетия свершился
Точка замкнула тот круг.

Но к величайшему удивлению отшельника, чем больше истязал он свою плоть, тем цель, ради которой он это делал, становилась все более далекой. Весь его неистовый аскетизм оборачивался бесполезной практикой. И к истечению шестого года он уже был твердо убежден в бессмысленности подобного рода «самосовершенствования», которое лишь изнурило его тело, что явилось результатом и ослабления духа.

Будда, восточ. Индия, VII—VIII вв.

Благодаря глубокому анализу своего личного опыта Сакьяму-ни решил двигаться к намеченной цели освобождения от жизненных страданий абсолютно оригинальным, не существовавшим до него путем, отвергающим две крайности, которыми жили люди: постоянное стремление к удовлетворению желаний и аскетический уход от мира вообще. Первая тормозила прогресс человеческого духа, вторая же изнуряла интеллект. Древнеиндийский поэт Ашвагхо-ши (I – II вв.) в своей поэме «Жизнь Будды» устами принца Сиддхартхи Гаутамы высказывает мысль о бесполезности полной аскезы, уводящей человека от мира. Будда с такими словами обращается к истязавшим себя отшельникам:

«Поистине, подобные страдания
Прискорбно видеть, и притом их цель —
Людская иль небесная награда.
В возвратности рождений и смертей
Как много вы выносите мучений,
Как скудно награждение у вас!..
...Кто делом восстает на здравый разум,
Тот в сердце как бы корчами стеснен,
Телесное есть лишь причина смерти,
Исходит сила только из ума.
Коль ум из поведенья удалим мы,
Телесное деянье есть лишь гниль,
Так должно упорядочить нам разум,
И тело будет правильно идти.
Есть чистое, то в набожном заслуга,
Вы говорите: если это так,
И звери, что питаются травой,
Знать, в набожном заслугу совершат.
Страдать, вы говорите, есть заслуга
Дальнейшая, когда ты сердцем добр;

Так почему же те, кто не страдает,
Не могут сердца доброго иметь?
И если исступленные все эти,
Живя в воде, лишь чисты потому,
– И тот, кто духом зол, вступая в воду,
Он тоже, значит, будет чист и свят?
Коль праведность – основа чистой жизни,
Такое обиталище есть зло:
Что праведно, должно быть очевидно,
Его не прятать нужно, а являть».

Новый путь совершенствования личности, открытый Сакьямуни, получил название Срединного Пути (Маджджхима Патипада), который стал одним из основных составляющих его учения. Все ступени этого Срединного Пути (или «восьмеричного пути») ведут к прекращению страданий, но в своей сути они являются обычной формой жизни нормального человека, не погрязшего в пороках, умеющего разумно удовлетворять свои потребности, не изощряясь в них. Вот требования «восьмеричного пути»:

«Праведная вера, праведная решимость, праведные слова, праведные дела, праведный образ жизни, праведные стремления, праведные помыслы, праведная медитация».

Желания и страсти – это единственная питательная среда для страданий, и они, как гельминты, множатся и требуют всё большего количества качественной пищи.

Ю. Х.

Вполне доступные для любого человека условия для того, чтобы сделать свою жизнь чистой, свободной от предрассудков и безнравственности. Да, все пункты легко доступны, кроме последнего, который, в конечном итоге, и ведет к венцу стремлений мудрецов – нирване, дающей возможность вырваться из оков роковой сансары – мучительной цепи, неотвратимо влекущей все живое от перерождения к перерождению по стезе страданий. Условия Срединного Пути устремлены, как указывал Будда, не к достижению освобождения после смерти или где-либо вдали от жизни, но к обретению качественно нового состояния сознания, не фиксированного на каком-либо узком интересе, не закрепощенного предрассудками религии, отживших традиций, дающего человеку возможность уже при жизни сотворить чудо обретения себя, создав в непосредственном и беспристрастном видении мира рай в своей душе и вокруг себя. Медитация, открывшаяся принцу Гаутаме и сделавшая его Буддой, не была тем убежищем, куда он прятался от житейских проблем, но являла собой то особое состояние, поглощавшее эти проблемы. Именно эта форма медитативного состояния сознания и стала основой для дзэн медитации и всего учения дзэн...

Одним прекрасным утром, погруженный в медитацию, лишенную какой-либо напряженной устремленности, или ведомый какой-либо сверхъестественной силой, Сакьямуни, в единственной своей опоре на собственные усилия и мудрость, поборов все негативные силы, очистившись физически и духовно и укрепившись в этом состоянии, в возрасте 35 лет постиг внутреннюю сущность всех предметов и явлений, достиг состояния просветления, или боддхи. Он не был рожден Буддой, Буддой он стал, приложив все свои силы – физические, духовные, ментальные – и всегда заботясь о том, чтобы эти «три кита» были одинакового размера. И действительно, будучи представителем варны кшатриев, принц Гаутама был искушен в боевом искусстве. Он прекрасно, как утверждают легенды, владел всеми основными видами холодного оружия, умело управлял боевой колесницей, был непобедим в кулачном бою. Но развиваясь физически, он не забывал о духовном совершенствовании, также как и о развитии чисто умственных способностей. Принц Гаутама еще до своего вступления на Путь исканий чувствовал, что однобокое развитие не способствует формированию целостности ощущений мира, его познанию. Даже премудрость ученых брахманов, знавших все веды наизусть и постоянно находившихся в стадии «научного» поиска и споров, не вызывала в нем глубокой симпатии. Он всегда чувствовал, что даже эта книжная премудрость есть хоть и благородная и достойная уважения, но все же внешняя часть жизни, не дающая способности мгновенного видения сути окружающего мира, то есть качества, достигаемого в медитативном состоянии сознания.

Будда, Кашмир, VIII в.

Эту мысль можно проиллюстрировать строфой из «Шатакатраи» замечательного поэта индийской древности (III – IV вв.) Бхартрихари, который был религиозным проповедником, ведущим бродячий образ жизни:

Что толку в ведах, в чтении пуран?
Что толку в смрити и в пространных шастрах?
Что толку хлопотать о списке добрых карм,
Дающих право приютиться в сварге?
Все это мелкий торг.
И лишь одно Блаженство самопогруженья
Дотла сжигает тяжесть бытия
И боль всех горестей и всех лишений.

И хотя эти строки были написаны, когда идеи Будды облеклись в своеобразную философско-религиозную форму, а сам Будда из простого смертного был возведен в предмет поклонения, чего, кстати, он всегда боялся, несмотря на это, мысль о естественной медитации, «самопогружении» и том «блаженстве», которое наступает, когда все окружающие предметы начинают как бы светиться изнутри, то есть являть свою сущность, эта мысль выведена поэтом четко. В то же самое время это состояние глубокого самопогружения явилось как бы естественным результатом развитой по трем направлениям личности. Эти три столпа возвели простого человека, но с непростой силой воли, до состояния полного просветления сознания (маха пари нирваны) и позволили ему обрести инструмент, дающий возможность проникать в суть всего сущего – медитацию.

Медитация – это не просто небольшое упражнение, которое мы делаем у себя в комнате, и не связанное с нашей жизнью, – это нечто, что помогает сделать нашу жизнь лучше.

А. Берзин

45 лет Будда проповедовал собственным примером истину своего учения и, как всякий человек, подчинившись непреложному закону видоизменения, почил в возрасте 80 лет,

завещав своим ученикам нести в мир идею освобожденного, уравновешенного сознания, учить практике медитации.

Да, Будда был смертным человеком. Как обычный человек, он был рожден, жил и умер. Будучи обычным человеком по форме, он стал необычным по содержанию (Аччария Мануша), но он никогда не претендовал, лишенный порока тщеславия, на обожествление себя. Будда всегда утверждал, что не следует впадать в блажь и думать о нем как о бессмертной божественной сущности. К счастью, в случае с Буддой и нет столь прямой деификации, как с другими Учителями. Однако следует отметить, что на свете не было Учителя столь безбожного, как Будда, и столь богоподобного, как Он.

Будда не является инкарнацией индуистского бога Вишну, как считают некоторые, он и не спаситель, уберігающий других фактом своего собственного спасения. Будда убеждает своих учеников полагаться на самих себя на пути избавления, ибо состояние как чистоты, так и загрязненности зависит от тех, кто находится в этих состояниях. Будда указывает путь, дает нам этот бесценный дар для достижения чистоты сознания. Он учит, что полагаться на кого-либо в деле спасения – не спасать себя, а лишь становиться безвольным, зависимым элементом, перестающим прилагать усилия. Уча своих последователей быть зависимым лишь от самих себя, Будда говорил в Паринирвана Сутре:

«Будьте для самих себя спасительным островом, не ищите убежища в других».

Эти слова определяют значимость самозависимости. Они открывают жизненно необходимый смысл волевых усилий личности, направленных на ее же формирование, и тщетность искусственных потуг и поисков избавления посредством милостивых спасителей, иллюзорного счастья загробной жизни, замаливания надуманных богов безответными молитвами или бессмысленными жертвоприношениями.

Далее, Будда никогда не пропагандировал монополию своих идей, то есть буддизма, который фактически не является какой-то прерогативой особо почитаемого субъекта. Он достиг по возможности высочайшего состояния совершенства, но всегда утверждал, что подобной кондиции может достичь всякий; и не становясь в позу строгого учителя, он открывал единственно прямой и правильный путь, ведущий к этому совершенству. Будда никогда не осуждал людей, называя их жалкими грешниками, но, наоборот, одобрял, указывая на то, что в сердце каждого из них изначально теплится чистая искра просветления. По его мнению, мир не безнравственен и грешен, а лишь погружен в иллюзию невежества. Вместо укоров в адрес своих последователей из-за имеющихся у них несовершенств и выделения самого себя в качестве безукоризненной личности, он постоянно одобрял идущих за ним, предлагая превзойти себя в том или ином отношении, указывая всегда на возможности каждого достичь состояния Будды.

Будда, Непал, VII—VIII вв.

Вместо установки идеи некоего невидимого могущественного божества над человеком, который управляет судьбой его от рождения до смерти, делая тем самым его подчиненным высшей силе, он уповал на волю человека, направленную на его независимое и гармоничное с миром развитие. Именно Он первый учил тому, что человек может достичь освобождения и просветления посредством собственных усилий и без зависимости от внешнего бога или посредничества служителей религиозных культов. Он провозгласил, что ворота успеха и процветания распахнуты для всех в любых условиях жизни – богачу и бедняку, праведнику и грешнику, если они уверовали в божественное начало своей самости и открыли неведомую доселе страницу, несущую информацию совершенства. Он никогда не заставлял своих учеников быть рабами его учения и его самого, но поощрял всегда свободу мысли. Его железная воля, глубокая мудрость, вселенская любовь, беспредельное сострадание, бескорыстная деятельность, историческое самоотречение, совершенная чистота, магнетизм его личности, достойные поступки – все это было естественной пропагандой его учения, результатом которой явилось то, что одна пятая населения планеты сегодня считает Будду своим высшим духовным учителем.

Будда, южная Индия, XIII в.

Истинные последователи Будды обычно говорят: «Чем больше мы познаем Его, тем больше любим Его; чем больше мы любим Его, тем больше познаем!»

Медитация ведёт к умению нейтрализовать мысли и эмоции, к обретению спокойствия и сдержанности нервных побуждений и, в буквальном смысле, к выявлению того, что определяет лучшие качества человеческой природы, а также к умению стойко переносить неприятности.

С. К. и Ю. Х.

Но, в конечном итоге, истинное познание Будды есть познание его медитации. Только познав медитацию Будды, можно познать Будду. Дзэн как раз и дает такую возможность современному человеку – достичь именно того медитативного состояния сознания, которое постиг искавший откровения принц Гаутама. Дзэн как бы ведет нить медитации от самого Будды к сердцу человека, минуя религиозные предрассудки, мишурность церкви, бесконечные философствования и словоблудия, вселяя покой, уверенность и радость гармонии с окружающим человека миром.

ЛЕКЦИЯ 9

История развития дзэн-буддизма (от Хуэй Мэнга до Сеунг Сана)

ХУЭЙ НЭНГ

ХУЭЙ НЭНГ (637-714 гг.): «Не завися ни от чего, ты должен найти свое собственное сознание». Хуэй Нэнг, неграмотный крестьянский парень, ставший впоследствии шестым

патриархом дзэн, как бы подслушал у природы слова, приведенные выше и ставшие для него великим откровением, во время абсолютно прозаичного занятия – собирания хвороста. Вмиг его сознание стало светлым и чистым, наполненным пониманием того, что истина не в изменчивых мнениях и взглядах мира, но в единственно реализуемой вещи – нашем собственном существовании. Позже он узнал строки из Алмазной Сутры буддизма: «Все бодхисаттвы (сострадательные существа), великие и менее великие, должны развивать чистое ясное сознание, не зависящее от звука, вкуса, запаха и других качеств. Бодхисаттва должен развивать сознание, не цепляющееся ни за что вообще».

Сосредоточенность – есть субстанция мудрости, мудрость – есть функция сосредоточенности. Как только появляется сосредоточенность, в ней присутствует мудрость.

Хуэй Нэнг

Далее ему посоветовали идти в храм пятого патриарха дзэн, которым был знаменитый мастер по имени Хунг-джэн, советовавший всегда, будь то монах или мирянин, читать только Алмазную Сутру. Итак, Хуэй Нэнг отправился в путь и после тридцатидневного путешествия пришел в храм на горе Желтой сливы (Алычовой горе), где со многими другими учениками выразил свое почтение мастеру Хунг-джэну.

Патриарх спросил его: «Откуда ты пришел и что тебе нужно?» На что Хуэй Нэнг ответил: «Я простой человек из южного кантона. А проделал я этот некороткий путь, чтобы выразить тебе, мастер, свое уважение. И еще мне бы хотелось стать буддой, увидеть Будду в себе».

Пятый патриарх был изрядно поражен заявлением и решил проверить Хуэй Нэнга: «Ты говоришь, что пришел с юга? А это означает, что ты еще дикий! Как же ты сможешь стать Буддой?» Хуэй Нэнг ответил так: «Человек может прийти с севера или с юга, но для состояния просветленного не существует ни севера, ни юга. Плоть дикаря не та, что у аббата, но как отличить мое просветление от твоего?»

С этого момента мастер Хунг-джэн принял к себе учеником Хуэй Нэнга, хотя перед ним встала дилемма. В те времена дзэн был еще под влиянием индийского буддизма, не лишеного схоластических метафизических умствований, затуманивающих идею прямого просветления. Хунг-джэн знал, что начитанные, вышколенные монахи с севера сделают фарш из маленького крестьянина. Таким образом, чтобы спасти

Хуэй Нэнга, он отправил его на кухню рабочим, и восемь месяцев Хуэй Нэнг колот дрова и молот рис.

Как-то однажды патриарх собрал всех монахов и сказал: • «Вопрос рождения и смерти – I один из важнейших вопросов для каждого. Вы ищете награду более чем просветления по поводу рождения и смерти. В то время как ваши умы

введены в заблуждение, награда не способна дать вам спасения. Идите в свои кельи и зрите вашу собственную природу. Каждый, полагаясь на свою изначальную мудрость, составьте по короткой оде и приходите ко мне для прочтения ее. Если кому удастся отыскать великий принцип буддизма, я передам тому свое одеяние и свое управление и посвящу в Шестые Патриархи. Это все срочно. Идите сейчас же, не откладывая. Если вы доверите это мудрости ума, вы не сумеете использовать ее как надо. Тот, кто способен понять свою собственную природу, видит ее мудрость в момент, когда я говорю о ней. И тот, кто сможет проделать это, реализует ее (природу) даже под звон мечей в великой битве».

Шэн Хсиу, старший монах, слыл наиболее образованным из всех и поэтому был первым претендентом на почетное назначение. Сам он понимал, что равных ему не было, хотя и не совсем доходил до понятия своей самости (природы). Итак, он сочинил оду и в полночь написал ее на стене, мимо которой проходил мастер. Она гласила:

Тело подобно дереву мудрости,
Сознание – сияющему зеркалу;
Не переставай вытирать его начисто,
Чтоб ни одна пылинка не села.

Мастер благодушно похвалил ученика, но сказал Шэну, что его ода не выражает спонтанности, и более того – он не нашел до сих пор свою собственную природу, и ему следует пытаться снова и снова. Хуэй Нэнг, в то же время, сочинил свою оду, но ему надо было повременить с тем, чтобы кто-нибудь написал ее за него, так как он был неграмотен. Она появилась наутро следующего дня, написанная на той же стене:

По существу, нет мудрости дерев,
Как нет зеркал, чтобы сиять;
И коль все изначально есть великое ничто,
К чему тогда пылинке той пристать?

перевод Ю. Х.

Хотя написанное восхитило мастера, но, опять таки, опасаясь за Хуэй Нэнга, он стер все со словами: «Сие также написано человеком, не нашедшим свою изначальную природу». Но в полночь патриарх призвал к себе Хуэй Нэнга и передал ему знаки отличия, патриаршьи одежды и чашу, определяя его тем самым как преемника. Далее он сказал: «Если ты не проник в свое собственное сознание, изучение буддизма окажется для тебя пустым занятием. Если же ты овладел собственным сознанием и узрел свою изначальную природу, ты именно тот, кого почтенно нарекают мастером, учителем, Буддой. Но ты должен скрывать свет своего понимания до лучших времен». Затем, взяв весла, он посадил Хуэй Нэнга в маленькую лодку и переправил его через реку. Хуэй Нэнг двинулся к югу.

Прикованность к привычным внешним формам, к вещам, словам – вот главный враг свободы. Ушел в себя – какой неточный термин,

Сказать бы надо: вышел на простор.

В. Сидоров

Мастер не появлялся к ученикам пять дней, но потом был вынужден признаться в том, что Хуэй Нэнг исчез с патриаршими одеждами и чашей. Он надеялся, что Хуэй Нэнг уже добрался до своих мест, но ревнивые монахи его монастыря твердо намерились вернуть одежды и чашу. Они рыскали в поисках Хуэй Нэнга два месяца и, наконец, обнаружили его на вершине одной горы. Заправилой у них был ученый монах Минг, который практиковал медитацию и читал сутры в течение двадцати лет, но так ничего и не понял. Для него это было слишком – обладание кухонным рабочим после восьми месяцев пребывания в монастыре всеми отличительными знаками патриарха. Он направился к Хуэй Нэнгу с одним желанием – убить его. Когда Хуэй Нэнг увидел это, он расстелил одежды на плоском камне и поставил рядом чашу. Затем он обратился к Мингу: «Эти одежды есть свидетельство веры. Никто не может взять их силой».

И многие, наверняка, подсознательно улавливали в его оранжевых разводах чье-либо изначальное лицо и, возможно, даже своё, но, не воспринимая это сознательно, шли дальше, лишь улыбаясь новому незнакомому чувству.

Ю.Х.

Минг рванулся было к камню, думая, что сможет взять то, что было на нем. Но стоило ему протянуть руки к рясе, которую носил, как утверждали, сам Будда, его сознание (ведь он все же был по природе добрым и честным человеком, как и все монахи его времени) проснулось и пробудило в нем ощущение низкого, плохого и злого деяния, творимого им. И он сказал: «Истины желаю, а не рясы. Пожалуйста, брат, помоги мне избавиться от невежества». «Коль хочешь ты истины, – отвечал Хуэй Нэнг, – перестань гнаться за вещами. Прекрати думать о том, что правильно, а что неправильно, но в сей момент постарайся увидеть свое изначальное лицо до рождения твоих отца и матери».

Внезапно Мингу открылась истинная суть вещей, которая существовала до того лишь в его воображении. Он почувствовал себя так, как будто отпил прохладной воды и утолил жажду. Ответ Хуэй Нэнга воспринялся им прямо и непосредственно, он не имел ни философского, ни интеллектуального, ни образного применения. Интеллект Минга, теперь открытый его сознанием, дозрел, как готовая упасть от спелости слива, и учение в течение долгих лет увенчалось успехом в один миг.

С тех пор это заявление Хуэй Нэнга используется как вопрос – коан, задаваемый начинающим: «Как выглядело твое изначальное лицо до рождения твоих отца и матери?». В китайских судах коаны представляли собой «ортодоксальные писания мудрецами и почтенными людьми, воспринимаемые за принцип».

Коаны никогда не представляли собой чье-либо приватное мнение, но довольно высокий принцип, который почитался и принимался как простыми смертными, так и бодхисаттвами «в трех мирах и десяти измерениях». Этот принцип соответствует духовному истоку, совпадает с таинственным значением, разрушает рождение и смерть и уводит от страсти. Его нельзя понять логически или передать словами; его нельзя объяснить в письме или причинно обосновать. Он подобен оглушительному барабану или великому огню, пожирающему всех, кто к нему приблизится.

Коан Хуэй Нэнга служит как бы указателем на собственную природу человека, он прекращает всякие блуждания и рассуждения ума о реальности сущего. Когда ученик настраивается на концептуальный ответ, наступает своеобразный шок от того,

что нельзя найти концепцию, подходящую к вопросу подобного рода. И вот как раз этот шок создает причину для сомнения в сознании ученика по поводу его восприятия, а это и есть момент начала «пробуждения».

Каково изначальное лицо самого Хуэй Нэнга – пустота, лишенная признаков? Его ода также пустота. Что есть пустота Хуэй Нэнга? Он говорил так:

«Когда вы слушаете меня, говорящего о пустоте, не привязывайтесь сознанием к этому, в особенности – к какой-либо идее об этом. Просто сидя спокойно с пустым рассудком, вы впадаете в воображаемую пустоту.

Мой ум был буквально взорван блестяще проведенным манёвром. Поток пустоты пронизал меня с головы до ног – словно на иллюстрациях к просветлению, – и в этот момент я пережила это – НИЧТО...

Лайза Шварцбаум

Безграничная пустота неба охватывает десять тысяч сущностей всех форм и размеров – солнце, луну и звезды; горы и реки, кусты и деревья; плохих людей и хороших; умные и глупые учения; рай и ад. Все это составные пустоты».

Пустота вашей изначальной природы такая же, как и любая пустота. Она также охватывает все, потому что она «великая» пустота. Все и вся заключены в вашу собственную изначальную природу. Ничто нельзя удержать или уничтожить: «Вечная земля ни на секунду не отделима от обычного мира феноменов, – говорил Хуэй Нэнг. – Если же смотреть на нее иначе, вы отсекаете себя от родственного вам мира, который также является вашей собственной реальностью, как и все другое».

– Нет, Билл, это не работает. Так уж получается, что когда становишься собой, прекращаешь быть жопой.

В. Эрхард эст

После пятнадцати лет жизни инкогнито, Хуэй Нэнг объявил себя законным преемником пятого патриарха, доказав это всеми имеющимися у него атрибутами патриаршего статуса. Он стал известен как величайший мастер дзэн, и после смерти его труды были собраны воедино и классифицированы как еще одна буддийская сутра. Именно он установил традиционную практику дзадзэн и определил ее следующим образом:

«В центре всего доброго и дурного ни единой мысли не возникает в сознании – это мы называем дза. Видение вашей самостной природы вне всякого состояния движения – это мы называем дзэном».

Он утверждал, что такая форма медитации должна практиковаться всегда, а не только во время формального сидения. Таким образом, он был глубоко убежден в том, что именно такое состояние сознания является важным для человека, меньше уделяя внимания физическому положению (позе). Он вообще считал, что продолжительное сидение не лучше состояния умершего, именно потому, что, по его мнению, истина не является результатом стояния, хождения и лежания. Он говорил:

«Живой, который сидит и не лежит;
мертвый, который лежит и не сидит!
И тот и другой – лишь тлеющие трупы».

Когда ему исполнилось семьдесят семь лет, он сказал своим ученикам: «Соберитесь возле меня. Я решил покинуть сей мир». Когда монахи услышали эти слова, они рыдали, не скрывая слез. «По ком плачете? – спросил их мастер. Вы беспокоитесь обо мне, думая, что я не знаю, куда я иду? Если бы я не знал, я просто не был бы в состоянии оставить вас подобным образом. О чем вы плачете в действительности, так это о том, что вы не знаете, куда я иду. Если бы вы знали, вы бы не плакали, ибо не плачет знающий, что Истинная Природа вне рождения и смерти, что она не уходит и не приходит».

ЛИН ЧИ (РИНДЗАИ)

Лин Чи (Риндзаи) (? – 866 гг.) по праву считается одним из самых сильных мастеров во всей истории развития дзэн, а направление в учении, основанное им, стало наиболее влиятельным среди последователей философии и практики дзэн после Хуэй Нэнга. Умер он в IX веке, но вплоть до самой середины двадцатого столетия, поколения за поколениями, его последователи были ведущими дзэнскими мастерами. В XII веке его учение было принесено в Японию, где оно получило название школы Риндзаи, одной из двух главных школ дзэн процветающих и поныне.

В то время, когда жил Лин Чи, Китай постоянно воевал с сильными и жестокими врагами. Национальный дух отличался воинственностью, а дзэн того времени характеризовался резкой прямоотой и силой. Метод Лин Чи также был прям и динамичен. Он не мучился угрызениями совести по поводу тумачков, которыми щедро осыпал зашедших в словесные или умственные дебри учеников, что сделало его известным как мастера с довольно грубым обращением. В обычных условиях подобное поведение могло вызвать обиду со стороны учеников, но в преподавании дзэн это стало способом «открывания» сознания за интеллектом.

Лин Чи

Когда Лин Чи задавали вопрос философского или метафизического свойства, ответом была затрещина. Как можно было реагировать на подобное? Ученик не мог использовать термины логики, как и не мог обращаться за помощью к каким-либо традиционным учениям: у него не было ничего, на что бы можно было опереться. Он как бы сразу попадал в мир без причины, без обычной последовательности мыслей, к которым он привык быть привязанным. Но когда он становился откровенным в своем вопросе, все его естество уже склонялось к знанию ответа. Он отбрасывал все привычные формы думания, и это служило тому, что сознание его открывалось для прямого восприятия собственной природы.

В жизни понимание – это приз для дураков.
ЭСТ-афоризм

Лин Чи также был великим ниспровергателем религиозных условностей. Он питал нескрываемое отвращение ко всякого рода окольным путям, по которым чистая, ясная истина интерпретировалась философами и книжниками. Его собственный метод выделял спонтанность и абсолютную свободу. Он говорил:

«Много учеников приходят ко мне из разных мест. Многие из них не свободны от заблуждений объективной реальности. Я учу их прямо без подготовки. Если их проблема заключена в их беспокойных руках, я бью их по ним. А если она спрятана между глаз, я бью именно туда. Таким образом, я не нашел никого, кто бы держал себя свободно. Это все из-за того, что все они связаны бесполезными учениями их прежних мастеров. Что касается меня, то я не использую лишь один метод для всех, а разбираюсь, в чем заключена проблема, и освобождаю от нее человека.

Друзья, я говорю вам: «Нет Будды, нет духовного пути для следования. К чему вы так лихорадочно стремитесь? К тому, чтобы положить голову на макушку вашей собственной

головы, слепые идиоты? Ваша голова есть там, где ей следует быть. Беда заключается в вашей невере в вас самих. Именно из-за того, что вы не верите в самих себя, вы то и дело бьетесь о ситуации, в которые попадаете. Будучи рабами объективных ситуаций, вы не имеете никакой свободы, вы не хозяева самих себя. Прекратите устремляться наружу и даже не привязывайтесь к тому, что я говорю. Лишь перестаньте липнуть к прошлому и страстно желать будущего. И это станет более полезным делом, чем десятилетнее паломничество».

Впервые о Лин Чи услышали еще когда он был молодым монахом и учился у мастера Хуанг По. В храме Хуанг По, где занимались пять сотен монахов, Лин Чи первые три года вел ничем не отличающуюся жизнь. По утрам он работал в поле наравне с другими, днем занимался медитацией, а вечером помогал по кухне или готовил баню для престарелых монахов.

Но однажды старший монах Му Чоу наблюдал за ним и заметил его необычайно чистый и целеустремленный образ поведения. Так, когда он ел, он ел; а когда медитировал, то медитировал. Все его естество пребывало в созвучии с тем действием, в которое он вовлекал себя, без мысли о собственной выгоде, корысти или гордости. Таким образом его действия были подобны чистому золоту, а не сплаву. И именно из-за того он был честен и прямолинеен, ему не о чем было спрашивать мастера, и без причины он не ломился вперед. Как-то раз Му Чоу, желая сильно, чтобы мастер заметил Лин Чи, велел тому задать мастеру вопрос. А так как Лин Чи не знал, что нужно спрашивать, Му Чоу посоветовал ему спросить, что такое основной принцип буддизма. Когда Лин Чи предстал перед Хуанг По и задал ему свой вопрос, Хуанг По ударил его посохом. Снова Лин Чи спросил о том же, и снова получил удар. Третий раз было все так же.

После этого случая Лин Чи решил, что существует некий барьер в его сознании, мешающий ему видеть истину, и он задумал покинуть монастырь и стать нищим с целью узнать в обычной жизни то, что было для него неясным. Он рассказал о своих планах Му Чоу, а тот передал все Хуанг По, добавив:

«Будь снисходителен к этому молодому человеку. Могучее дерево может вырасти из него, которое однажды укроет многих людей».

Когда Лин Чи отправился за отпускным разрешением к мастеру, Хуанг По сказал: «Нет нужды тебе уходить слишком далеко. Иди к мастеру Та Ю. Он научит тебя всему».

Монах

Итак, Лин Чи ушел в монастырь Та Ю и рассказал мастеру все, что случилось. Та Ю сказал ему: «Ну и ну, ведь Хуанг По был так же добр к тебе, как твоя бабушка. Что же ты являешься ко мне и просишь указать на твои ошибки?».

С этими словами на Лин Чи как бы прорвалось озарение и внезапно он почувствовал себя так, как будто ему широко открыли глаза. До этого момента он думал о буддизме как о могучем учении, но отделенном от него самого. Сейчас же он понимал, что это была лишь идея в его сознании. Раз и навсегда он стал человеком. Но до сих пор он был подобен животному, имеющему глаза и уши, но не пользующемуся ими как своими собственными. Он был полностью идентифицирован с внешним миром, миром людей, объектов и случаев. Этому же миру и принадлежали его глаза и уши, ему они и служили. Теперь, во вспышке просветления, он вышел из мира и в тот же момент познал сущность таковой, какая она есть на самом деле, и нереальность слов о ней. Удар Хуанг По указал на истину его собственного бытия, тогда как его вопрос о буддизме возникал из иллюзии.

Он воскликнул: «О, я вижу теперь то, чего не видел никогда». Затем добавил: «С самого начала не было чего-то такого в буддизме Хуанг По».

«Человек – животное общественное», – сказал Аристотель и высказал колоссальную ложь, потому что, у каждого человека больше общего с горами или со звёздами, чем с другими людьми.

К. Уилсон

Подумать только: открыть для себя такую истину после трех лет скромного труда в монастыре Хуанг По!

Но теперь он познал настоящую и освобождающую доброту Хуанг По. Та Ю догадался, что случилось, и решил проверить Лин Чи. Он схватил его и сказал:

«Ты, сыкун! Всего лишь момент тому назад ты спрашивал меня, прав ли ты был или нет, а теперь утверждаешь, что нет ничего в буддизме Хуанг По. Что же ты увидел? Говори! Ну, выдай!»

В ответ на это Лин Чи три раза ударил Та Ю под ребра. Оттолкнув Лин Чи от себя, Та Ю сказал: «Возвращайся к Хуанг По. Он твой учитель. Все это его заботы, и никак меня не касаются».

Когда Лин Чи возвращался в монастырь Хуанг По, тот, завидев его еще издали, сказал: «Похождения этого парня не закончатся никогда». Лин Чи он встретил следующим: «Что ты опять здесь делаешь, ты, дурачок? Никогда тебе не найти истины в подобных похождениях».

Лин Чи ему ответил: «Вы такой добрый, прямо как моя бабушка. Вот почему я вернулся». И он стал подле Хуанг По в позе монаха, намеревавшегося остаться с мастером, сложив руки на груди.

«Где ты был?» – спросил Хуанг По. В те дни иные монахи ответили бы в поэтической форме: «Я приехал верхом на ветре». Но Лин Чи был незнаком с подобными эффектами и отвечал прямо, что с ним происходило.

Лохан

«Ну, я дождусь когда придет Та Ю, – сказал Хуанг По в некотором раздражении. – Я задам хорошую трепку этому болтуну».

«Зачем ждать? – ответил Лин Чи. – Вся реальность перед тобой сейчас», – и ударил Хуанг По.

Про себя Хуанг По был сильно обескуражен, но смог сохранить достойную мастера позицию и закричал: «Сумасшедший! Ты вернулся, чтобы таскать тигра за усы».

Лин Чи, в свою очередь, громогласно выкрикнул: «Хо!» Хуанг По позвал прислугу и велел им тащить этого безумца и запереть в медитационном зале. Он не велел выбросить его из храма, но запереть в зале, тем самым выражая желание оставить Лин Чи в монастыре.

Этот выкрик «Хо!» стал знаменит среди мастеров Риндзай и до сих пор употребим ими. По-японски он стал звучать как «Квац», и хотя он не имеет какого-то определенного значения, но он выражает многое. Он употребляется для «очистки» сознания ученика и освобождения его от дуалистических, эгоцентристских мыслей. Лин Чи определил четыре разновидности «Хо!»:

«Иногда он подобен грому среди ясного неба, иногда – золотогривому льву, готовящемуся к прыжку, иногда он подобен искусно поставленной в траве ловушке, а иногда он вообще не «Хо!».

Важной отличительной чертой буддизма является то, что в нём отсутствует поклонение Будде... Будда почитается самой практикой его учения, которая приводит к раскрытию природы Будды в самом себе.

Муато Эшби

После десятилетней практики у Хуанг По Лин Чи обосновал свою собственную резиденцию на севере, и много учеников приходило к нему. Его учение было абсолютно приземленным и, по существу дела, вызывающим уверенность в учениках в том, что их естественные и спонтанные действия есть не что иное как сознание Будды. Находиться в этом чистом состоянии бытия означало прекратить всякого рода загромождения и блокирования (сознания). Но быть свободным от привязанностей не означало не иметь чувств вообще или, скажем, не ощущать голода, боли и так далее. Это означало

вхождение во все всей своей самостью, ничего не оставляя свободным, чтобы быть всецело единым со всеми обстоятельствами. А это для Лин Чи был высший путь обычного нормального образа жизни, и он нередко раздражался, когда его ученики пытались искать в этом что-то еще. Они приходили отовсюду в поисках избавления от мира, но избавившись от мира, куда же им было идти? Лин Чи советовал им жить как всякий человек, но без слепого, порабощающего желания.

«Когда приходит время одеваться, надевай свои одежды. Когда надо гулять, тогда гуляй. Когда ты должен сидеть, сиди. Всего лишь будь обычным собой в обычной жизни, не обеспокоенной поисками состояния Будды. Когда устал, ляг отдохни. Дурак посмеется над тобой, мудрый поймет тебя».

Дзэн не связан с идеей Будды или Бога, но со всей реальностью человеческого бытия. Правильное человеческое существо не ломится в стремлении заполучить от жизни, но устремлено к тому, что есть жизнь в своей сути, и живет в соответствии с этими знаниями. Тогда оно свободно от идей о вещах и способно действовать в гармонии с универсумом во всякое время.

Лин Чи сказал: «Самость далеко превосходит все вещи. Если даже небеса и земля рухнут, я не впаду в отчаяние. Если даже все Будды в десяти измерениях предстанут предо мной, я не возликую от счастья. Если даже три ада возникнут на моем пути, я не утрашусь. Почему так? Потому, что нет ничего, что мне не нравится».

ДОГЕН

Дзэн Риндзай стал довольно популярным в Японии в XII веке, но он не мог удовлетворить всех. Основатель огромной секты Сото, до сих пор процветающей в Японии, Доген (1200 – 1253 гг.) отличался менее радикальной направленностью. Происходил он из благородной семьи, но в детстве не был счастлив, так как его отец умер, когда ему минуло три года, а в семь лет от роду он потерял мать. Конечно же смерть родителей произвела глубокое впечатление на Догена, но в ней, несмотря на юный возраст, он видел проявление проходящей природы жизни. В возрасте тринадцати лет сбылась его величайшая мечта – ему дозволено было стать буддийским монахом. Но уже к четырнадцати годам его стали одолевать сомнения по поводу учения буддизма. Если, как указывалось в писаниях, все люди рождаются с природой Будды, почему же ее так трудно понять?

Доген не был тогда еще знаком с истиной дзэн, которая заключается не столько в определенном роде учениях, сколько в отказе от предубеждений, что только практика пробуждения сознания приведет к реализации собственной самости, сознания, вырванного из рабства определений в сферу, в которой ты не указываешь на себя как на «Я». До тех пор, пока ты видишь себя как предмет, это не твоя истинная самость. Реальность жизни лежит за всеми определениями. Слово «огонь» не способно передать действительное прикосновение пламени, и таким же образом никакая классификация себя не способна достичь живой реальности.

Буддисты верят в то, что субъективная реальность есть неотъемлемая природа всего, и таким образом ее нельзя утратить, а лишь лишиться видимости ее. Она именуется по-разному – самость, природа Будды, сущность, нирвана. В христианстве – присушность

Бога, его имманентность.

Молодой Доген не понимал, что «Я» составленное из таких условностей как раса, класс или секс – это «Я», как бы горизонтально относящееся к миру и имеющее лишь собственную внешность и эволюцию, зависимую от мира, – это не целостное «Я». Долгие годы потребовались, чтобы он понял, что лишь немногие живут действительной жизнью своей самости, а остальные нуждаются в долгой практике, ведущей к распознаванию их собственной реальности, так как «горизонтальное Я» сковано множеством страстей и желаний.

Доген

После многих неудач Доген однажды повстречал мастера Риндзаи-дзэн Эисаи, который просветлил его сознание, находившееся в великом сомнении. «Только заблуждающийся думает в таких дуалистических манерах, как природа Будды и человеческая природа», – говорил он Догену. Когда наступает просветление, нет деления сознания на себя и природу будды. Прямое восприятие этого высказывания дало Догену сатори, и он несколько месяцев находился при мастере Эисаи, пока тот не скончался. После его смерти Доген остался учеником у преемника Эисаи Мьезена на восемь лет.

Но даже получив печать мастера (инка), Доген чувствовал, что он не улавливает нечто очень значительное. В возрасте двадцати четырех лет он отправляется с наставником Мьезеном в Китай для дальнейшего постижения дзэна, лишённого налета японской школы Риндзаи. Там все время он занимался практикой дзадзэн под руководством мастера Джун-чинга. Но его раздражало сидение в неподвижности, что вело к «безучастной», «отвлеченной» пустоте, осуждаемой Хуэй Нэнгом, до тех пор, пока однажды он не услышал, как мастер отчитывал дремлющего монаха во время утреннего обхода. Мастер говорил:

«Практика дзадзэна усыпляет тело и сознание. Ты думаешь – дремота завершит дело?»

Обычно мы говорим Я, но «я» – лишь местоимение, а не сама реальность. Нередко мне

хочется спросить: «Что заменяет Я?» Пока «я» есть местоимение, подобное «ты», «он», «она», «оно», то что стоит за ним? Можете ли вы схватить его и сказать мне: «Вот оно»?
Д. Судзуки

Услышав эти слова Доген, вдруг увидел истину: дзадзэн заключается не только в сидении, в безмолвной неподвижности, он представлял собой динамическое открытие самости человека, его же собственной реальности, прямо давая возможность проходить всем идеям жизни. Когда жизнь воспринимается без вмешательства эго, приходит истинный опыт сущего. После этого прозрения он сказал: «Сознание и тело усыплены; усыплены сознание и тело! Это состояние следует пережить каждому, это подобно складыванию фруктов в корзину без дна или наливаю воды в дырявую миску: сколько ни накладывай или ни налевай, не наполнишь корзину, не наполнишь миску. Когда понимаешь это, дно отваливается. Но до тех пор, пока еще есть хоть намек на концептуализм, заставляющий говорить: «Я имею понятие об этом или о том», – это значит, игра в нереальность продолжается».

Позже он пришел к мастеру, и перед тем как занять перед ним подобающую позу, зажег ароматную палочку. Мастер спросил: «Зачем ты воскурил фимиам?». Ему вовсе не хотелось спрашивать, потому что вся внешность Догена говорила о его сатори, но задавая этот простой вопрос, мастер мог судить об уровне саторического состояния.

– Я почувствовал усыпление тела и сознания, – отвечал Доген. Джу-чинг понял, что просветление Догена было действительным.

– Ты в действительности усыпил тело и сознание, – сказал он.

Привыкший к резким словесным выпадам, Доген был поражен столь быстрому признанию мастером его состояния.

– Не утверждай это с такой легкостью, – запротестовал было он.

– А мне и нелегко утверждать это. Более удивленный Доген спросил:

– Что заставляет тебя говорить то, что ты не утверждаешь это легко?

– Тело и сознание, что усыплены! – ответил Джу-чинг.

По возвращении в Японию после четырех лет пребывания в Китае Догена спросили о том, какого качества понимания обрел он за границей. Он ответил:

«Я вернулся с пустыми руками. Я понял лишь то, что глаза расположены по горизонтали, а нос – по вертикали». Он вернулся ни с чем, что можно было продемонстрировать, без всяких свитков или священных учений, даже без «волоска Будды». Но из этой пустоты в руках вышло великое учение японской секты Сото.

Доген обосновал свою собственную школу медитации в Киото. Многих монахов, приходивших к нему, он учил способу сидения – шикантаза, который стал основой для всего дзэна Сото. Это уникальное сращение способов, при которых ученик сидит в твердой уверенности в том, что его сидение является актуализацией его бесконечной природы Будды или бытия, и в то же время он сидит в абсолютной убежденности, что момент реализации наступит, когда он безошибочно определит это чистое бытие. Таким образом, для него отпадает надобность в осознанном стремлении достичь сатори; оно наступает как естественный результат подобной практики. С другой стороны, ученик не должен впадать в простое сидение, но постоянно поддерживать определенное понимание шикантазы, означающей: шикан – «ничто, но нечто», та – «ударять», за – «сидеть».

Доген дал детальное наставление по правильному положению тела и откорректированному состоянию сознания во время медитации:

«Для практики дзадзэна желательно иметь тихое помещение. Следует быть умеренным в пище и питье, оставляя все иллюзорные желания. Оставляя все в стороне, не думайте ни о хорошем, ни о плохом, ни о правильном, ни о ложном. Таким образом остановив все возможные функции сознания, отбросьте идею стать Буддой. Это так же истинно для дзадзэна, как и для вашей повседневной деятельности.

Обычно на пол укладывается плотный квадратный коврик, на который вы садитесь, и круглая подушечка. Можно сидеть как в положении полного «лотоса», так и в «полулотосе». В первом – уложите правую стопу на левое бедро, затем левую стопу на правое бедро. В положении «полулотоса» уложите лишь левую стопу на правое бедро. Одежды должны быть свободны и чисты. Затем положите правую руку на подошву левой ноги, а левую кисть – на правую ладонь, кончики больших пальцев рук слегка касаются. Сидите прямо, не наклоняясь ни влево, ни вправо, ни назад, ни вперед. Уши должны находиться на одной вертикальной линии с плечами, а нос – на линии пупка. Язык следует держать против верхнего нёба, зубы и губы сомкнуты. Глаза постоянно открыты, дыхание спокойное, через нос. Наконец, отрегулировав тело и сознание таким образом, глубоко вдохните, качнитесь всем телом из стороны в сторону и зафиксируйтесь твердо, как скала. Думайте о недумании. Как это делать? Думанием за пределами недумания и думания. Это основа дзадзэна.

В конце концов практика дзадзэн должна быть изобретена каждым человеком для себя. Однако если мы будем знать кое-что из опыта других людей, которые приобрели знание раньше, это избавит нас в нашей практике от ненужных проб и ошибок.

С. Кацуки

Дзадзэн – это не есть медитация, которую осваивают шаг за шагом. Это просто свободная и приятная практика Будды, реализация буддийской мудрости. Истина проявляется, и нет иллюзии. Если вы понимаете это, вы полностью свободны, подобно дракону, отыскавшему воду или тигру, стоящему на горе. Высший закон тогда явится сам собой, а вы освободитесь от беспокойств и смущений.

Внутри рыбы – крючок,

на крючке – червячок.

Ву Ти

В завершение дзадзэна плавно и медленно подвигайте телом и спокойно поднимитесь. Избегайте резких движений».

Цель этих точно выполняемых поз, описанных Догеном, имеет двойной характер. Первое, полный лотос дает широкую, солидную, физическую основу. И когда оба колена касаются земли, происходит абсолютная стабильность тела. Второе, неподвижная, подобная скале, позиция тела способствует успокоению сознания, принося покой и уравновешенность.

В школах Сото-дзэн сегодня ученику преподают дыхательную практику с тем, чтобы он научился концентрировать свое сознание. Для начинающих существуют самые простые упражнения – такие как счет вдохов и выдохов до десяти, а затем возврат счета до одного, с последующим повтором всего упражнения. Польза такой практики заключается в том, что дифференцированное сознание не имеет пищи для мыслей, так же как причин для отвлечения. Однако блуждающие мысли приходят и уходят в их естественном порядке, и Доген по этому поводу советовал брать каждую из них, коль она пришла, и класть ее на ладонь. Когда ученик созрел для более сложной шикантазы или практики просветленного дзадзэна, дыхательные упражнения для поддержки сознания опускаются. Сознание должно так же твердо, как и тело, пребывать в состоянии несуетливой умиротворенности, но в то же время в полном внимании ко всему сразу: alertность и напряжение подобно натянутой тетиве без усилий в сконцентрированном внимании. Доген подчеркивал важность этого свободного напряжения, находящегося в полном и постоянном внимании сознания бойца. Такое расположение сознания не тревожится окружающим миром: оно само как бы неподвижный центр всякого движения. «Беспристрастное думание и делание, – говорил Доген, – не что иное, как истинная форма любого думания и делания».

Акшобха

Если люди пойдут по древнему пути, они смогут контролировать текущий момент.

Чжуан-цзы

Доген был, пожалуй, первым мастером дзэна, учившим, что жизнь едина во всех своих частностях, и что, когда мы раскалываем ее на кусочки, одни из которых привлекательны и важны для нас, другие менее или вовсе не удосуживаются нашего внимания, мы фактически теряем весь поток жизни. Пытаясь доминировать над происходящим, мы находим себя выброшенными на ложные островки перманентности, определяя себя в статике неизблемости, тогда как жизнь мчится мимо. Доген учил, что каждый момент и каждое действие, пусть даже незначительное, должны восприниматься как действительная реализация природы Будды.

Понять сей момент теперь стало величайшей целью школы Сото. Сидение в дзадзэне было путем достижения сатори или чего-нибудь другого, это стало способом вхождения в поток каждого момента при помощи разблокировки сознания от концепции прошлого, настоящего и будущего. В своей значительной работе «Шобогендзо» Доген выводит ясно мысль, что фиксировать все свои надежды на какие-либо цели напрасно. Он говорит:

«Когда рыба плавает, она плавает и плавает, так как воде нет конца. Когда птица летит, она летит и летит, так как нет конца неба. Не было рыбы, выплывшей из воды или птицы, вылетевшей из неба. Когда им необходимо малое пространство воды или неба, они используют его, когда большое, пользуются большим. Таким образом, они используют всю воду и все небо сразу каждый момент, и в каждом месте имеют совершенную свободу.

Но если бы нашлась птица, пожелавшая измерить небо, или рыбе захотелось бы проверить протяженность воды, они бы не нашлись, что делать. Когда мы определяем, где мы в данный момент, тогда следует практика, и это есть реализация истины. Так как место есть ни огромного размера, ни малого, это ни вы, ни другие. Это не существовало до того и не приходит в реальность теперь. Оно просто есть, как оно есть».

СЕМЬ ПРИНЦИПОВ ДЗЭН ДОГЕНА

Мастер Доген определил семь принципов, следуя которым идущий по Пути дзэн-буддизма познает истинную медитацию. Если вы ищете чего-то, вы на верном пути. Когда вы практикуете дзадзэн, вы становитесь святым, самим Буддой.

Чтобы учить других, вам необходимо сконцентрироваться на практике (шу) и не ждать сатори (шо).

1. ШУ ШО ИЧИ НЬЕ

Практика и сатори не одно и другое.

Многие религии утверждают, что сначала вам необходимы практика, усердие, вера, а затем наступает милость Божья, или спасение. В дзэне Догена практика и есть сатори.

2. ШО БУДУ ИЧИ НЬЕ

Шо – все сущее.

Буиу – Будда.

Ичи нье – не одно и другое (не два).

Чувствующие существа и Будда суть идентичны; и мы и Будда – одно и то же.

На уровне сатори нет различия. В сатори нет субстанции, только ку. Ку соку зэ шики. Из ничто, из ку появляется феномен, или шики. Ку означает без субстанции (материи). Будда

не имеет субстанции. Чувствующие существа не имеют субстанции. Таким образом – не одно и то же.

Шо буиу ичи нье. Все чувствующие существа, все живое и Будда суть одно. Мы и Будда, мы и Бог – одно и то же, не отделены друг от друга, а суть одно целое. Нет дуальности, есть единое.

Шу шо ичи нье

Шо буцу ичи нье

3. ШОДЭН НО БУППО

Истинно переданный буддизм.

Все формы буддизма не есть истинный буддизм. Без практики дзадзэна нет истинного буддизма, есть лишь воображение.

4. ДЖИДЖУЮ ЗАНМАИ

Джиджую – воспринимать.

Занмаи – самадхи, сатори, внимание и концентрация в дзадзэне. Самадхи воспринимается, переживается самостоятельно. Сам индивидуум лишь способен прочувствовать радость ее. Другим этот опыт не доступен.

Сознание и тело – одно целое. Наши тела и сознание находятся за пределами наших личностных эго. Они субстанция величайшей природы, самого космоса. Космос есть единство наших тел и сознания. Когда мы это понимаем, мы начинаем правильно

понимать буддизм, достигая его сердца.

Никто не в состоянии понять радость, наполняющую познавших истинную близость себя.

Это такая форма концентрации, которая не только не творит смятения в сознании, но должным образом организует его, что создает гармонию в нас. Дзадзэн – это близость с самим собой. Во время дзадзэна мы следуем космическим порядком, естественно, автоматически, бессознательно, но средством хиширьё – думая без мыслей, за пределами мыслей.

Результатом движения от мысли к мысли часто бывает нервное расстройство, от немисли к немисли – ступор. Бегство вообще от всего – нехорошо. Естественное состояние есть хиширьё; движение от немисли к не-мысли приводит ко сну. Не спите.

佛法正傳

Шоден но буппо

自受用三昧

Джиджую занмаи

Если сконцентрироваться на позе, мы забываем думать, и неосознанное выказывает себя. Лучший способ – движение от мысли к немисли, от немисли к мысли.

В мире дзадзэна, в мире ку нет больше глаз, носа, языка, ушей, чувств или сознания. Все существует бессознательно, естественно, автоматически, но нет тут и личной мысли об

этом существовании, ничего осознанного. Все естественно следует космическим порядком. То, что относится к осознающему уму, не имеет ничего общего с сатори. Истинное сатори приходит не чувственно, вне ощущений. Но мастер скажет, явилось ли оно.

Затем никакие преграды не могут вас остановить. Хиширьё, самадхи. Рот закрыт, тело неподвижно, поза сильна и наполнена энергией, дыхание глубоко, большие пальцы рук горизонтальны. «Подоприте» небо макушкой головы, упритесь коленями в землю.

Изначально сознание хиширьё – это то, что мыслимо космосом, находясь в гармонии с космическим порядком.

Хиширьё – не особое состояние сознания, напротив, это естественная, изначальная мысль. Оно ничего не отвергает, все включает в себя.

Те же, кто посвящает себя как земному, так и медитации, в миру преодолевают смерть, в медитации же достигают бессмертия.

Иша Упаншаада

Когда мозг спокоен и находится в состоянии полной уравновешенности, тогда человеческий микрокосм есть совершенный и гармонический образ микрокосма. Но стоит нашему сознанию создать хоть малейшую концепцию, хоть небольшое дискриминаторное понятие, как гармония исчезает.

Во время дзадзэна, собирая наше сознание в фокусе, двигаясь вглубь своей позы и успокаивая ритм нашего дыхания, мы создаем условия для появления праведной гармонии, создающей состояние сознания хиширьё.

5. КЬЕ ГЬЕ ШО ИТТО

Кье – учение.

Гье – практика.

Шо – сатори, мудрость, понимание.

Итто – единство.

Учение, практика и сатори не существуют отдельно.

6. БУДУКОДЖО НО ХОМОН

Будда – идеал устремлений нашей повседневной жизни, но не следует слишком привязываться к нему. Мы должны быть за пределами Будды. Если мы слишком привязываемся, мы отделяем будду от нас, превращая его в некий трансцендентальный внешний объект.

Мы должны стать Буддой, который существует в наших телах и сознании. Во многих религиях Бог является объектом веры, к которому люди полностью привязаны. Это ошибка; это создает дуальность в сознании между своей самостью и объектом веры. Единство рушится.

教行證一等

Кье гье шо итто

法門佛向上

Буцукоджо но хамон

Кье гье шо итто

Сие ни в коем случае не означает, что мы не должны уважать Будду, но мы и не должны зависеть от него.

Действовать с сознанием миштоку – без устремленности к цели – лучший курс.

7. ШИНДЖИН ИЧИ НЬЕ

Тело и сознание не два (не одно и другое). Это секрет дзэн.

ХАКУИН

В то время, как Хуэй Нэнг дал дзэну его китайскую особенность, Хакуин (1686 – 1769 гг.) создал японский Риндзаидзэн. Его незаурядная энергия и многосторонность его учения способствовали созданию новой структуры дзэна. Однако, несмотря на всю энергию, вливаемую им в окружавшую его жизнь, он не был лишь знаменитым мастером дзэн, но также и известным художником, скульптором, и из всех мастеров он прослыл как наиболее привлекательный, чувствительный и гуманный человек. Будучи уже стариком,

он обычно сидел на поле, где работали крестьяне, и, взгромоздясь на борозду, говорил с ними о дзэне.

Он вырос в глубоко религиозной семье в деревушке у подножия горы Фудзи. Его отец был самураем, а мать принадлежала к экстатической секте буддизма Нитирэна. Хакуин, будучи очень чувствительным мальчиком, одаренным такой замечательной памятью, что в возрасте четырех лет мог пересказать триста песен, страстно желал стать монахом, и в пятнадцать лет ему рязрешили вступить в дзэнский храм его родной деревни. Вскоре после этого его пригласили продолжить обучение в большом монастыре, где он пробыл до девятнадцати лет. Именно тогда в его сознание вошло великое сомнение. Это было связано со смертью китайского мастера дзэн по имени Ганто. Этот мастер вступил в схватку с грабителями, а когда все монахи под натиском банды убежали из храма, он продолжал сражаться. Один из разбойников пронзил его копьем, и хотя выражение лица Ганто не изменилось, он испустил ужасный предсмертный крик, который был далеко слышен.

Шиндзжин ичи нье

Шиндзжин ичи нье

Хакуина глубоко потрясла по этому случаю человеческая брэнность. Если даже такой одухотворенный человек как Ганто был повержен страхом и болью, что же оставалось ему – обычному послушнику? Он решил оставить дзэн и заняться поэзией. Но однажды он увидел, как раскладывали книги храмовой библиотеки на солнце для просушки и, закрыв

глаза, взял наобум книгу. Это была книга «Учение дзэн», а открыта она оказалась на главе, повествующей о том, как аббат Джимье медитировал тогда, когда другие спали, и сам еле сдерживался, чтобы не уснуть. Для этого он проткнул себе бедро металлическим сверлом. История эта вдохновила Хакуина продолжить медитацию. После четырех лет интенсивного и самоотверженного дзадзэна, медитируя на коане о том, имеет ли собака природу Будды, он вошел в состояние, которое он сам сравнивал с ледяным полем, простирающимся на тысячи миль, в то время как внутри его было чувство полной прозрачности. «Ничто не шло вперед, ничто не двигалось назад, я был подобен идиоту, имбецилу, и не было ничего, только коан. Хотя я посещал лекции, они звучали каким-то отдаленным гулом в каком-то далеком зале за много ярдов от меня. Иногда мне казалось, что я летаю в воздухе. Несколько дней продолжалось это состояние, когда однажды вечером пробил храмовый колокол и разрушил все. Это было подобно тому, как разбивается ледяной бассейн или валится дом, сделанный из изумруда. Когда я вдруг проснулся снова, я понял, что я сам был Ганто, старым мастером, и что все, даже самые мелкие черты моей личности, были утеряны. Все сомнения, которые меня мучили до сих пор, полностью исчезли как кусок талого льда. Я крикнул громко: «Как чудесно! Как чудесно! Нет ни рождения, ни смерти, которых надо избегать, нет и высшего знания, к которому необходимо стремиться».

Хакуин

Ибо намерение – это желание, в котором отсутствует желание, действие – в котором отсутствует деяние. Намериваться – значит хотеть, не желая, делать, не делая.

К. Кастанеда

Хакуин понимал, что его прежние идеи относительно крика Ганто не основывались на действительной личности, но только на концепциях о том, как следует вести себя мастеру дзэн. Его восторг по поводу этого открытия, как и его саториподобный опыт заставили уверовать его в то, что он достиг просветления, – фактически он был глубоко убежден, что в течение сотен лет никто ничего подобного не переживал. Но настоятель монастыря оставался равнодушным по поводу всего этого. Разочарованный Хакуин ходил к другим мастерам в надежде получить их признание, но никто не желал принять его опыт сатори. В конце концов он был направлен к довольно строгому мастеру Шоджу.

Придя и рассказав историю своего просветления, он услышал вопрос от Шоджу: «Скажи, чем ты дополнил свой коан?» Хакуин восторженно ответил, что целый космос исчез, и не было ничего, за что можно было бы уцепиться. Как только он произнес свой ответ, Шоджу схватил его за нос и крепко сжал. «Как же я могу уцепиться за что-то, если космос исчез? – спросил он, смеясь. Затем отпустил Хакуина и сказал: – Ты просто мертвый монах в пещере! Какая самоуверенность!»

Хакуин знал, что мастер не станет просто так издеваться, и поэтому депрессии его не было предела. Но, несмотря ни на что, глубокая убежденность в своем сатори не оставила его. Однажды вечером он представил свои последние понятия обычным откровенным образом старому Шоджу, прохладившемуся на веранде. «Чушь и ерунда!» – сказал мастер. Хакуин тут же быстро передразнил мастера, гримасничая: «Чушь и ерунда!» После чего Шоджу схватил его и вытолкнул с веранды. В ту пору был дождливый сезон, и бедный Хакуин шлепнулся прямо в грязную лужу. Но он поднялся, отряхнулся и отвесил поклон мастеру, который вперившись в него, произнес: «Ну ты и впрямь житель темной пещеры!»

Хакуин теперь был в полном отчаянии и хотел уже покинуть Шоджу, когда однажды его озарило действительное просветление. Он пришел в деревню за обычным подаянием и, подойдя к одному дому, где была старая хозяйка, не получил от нее риса. Он так упорно концентрировал сознание на ситуации происходящего, что не заметил, что ему отказали, и продолжал стоять у дома так, как будто ничего не произошло. Это взбесило женщину, которая подумала, что ее слова просто игнорируются наглым попрошайкой, и она ударила его метлой, находившейся в ее руках. Удар был достаточно силен и пришелся прямо по голове. Хакуин упал на землю, потеряв сознание. Когда же он пришел в себя, то почувствовал, что всякая одержимость, навязчивая идея исчезли, и все было светло и ясно для него. Ощущая безграничную радость, он пришел в монастырь, где мастер тут же распознал его состояние и сказал: «Быстро скажи, что с тобой». Хакуин объяснил все, и Шоджу, ласково потрепав его за плечо, молвил: «Вот теперь у тебя есть Это, вот теперь Оно есть».

Обращение Шоджу с Хакуином хорошо известно из литературы. Его жесткость была необходима для корректировки упорства Хакуина в своем собственном понимании. Исходя из своих мыслей, Хакуин как бы влез в глубокую колею определенной направленности. А в таком положении никакие аргументы интеллекта не смогли бы вызволить его. Одно лишь, что могло вызволить его из этих тисков, это сильное внутреннее движение, выметающее все уютно уютившиеся в сознании идеи и мысли прочь. Когда Хакуи-на довольно грубо ударила палкой старуха, в тот самый момент он находился в интенсивной ментальной концентрации, и удар пробудил и вызволил его из одержимости навязчивой идеи, дав ему понимание за логическим восприятием.

Позже Хакуин отмечал, что коан способен вывести к просветлению, но когда это происходит с приложением значительного усилия воли, возникает «великое сомнение». Он говорил: «Когда вы берете коан и исследуете его до бесконечности, мысли ваши умирают, и исчезают требования эго. Как будто бездонная пропасть разверзается перед вами. Лицо обдает холодком смерти, а сердце чувствует жар огня. Затем вдруг вы – одно целое с коаном, а тело и разум уходят. Это известно как заглядывание в вашу собственную природу. Непреклонно следует вам устремляться вперед, и с помощью этой великой концентрации вы проникнете без всякого сомнения в вечный исток собственной природы».

Теперь, когда он заслужил признание мастера, Хакуин решил отправиться в Шоинджи, маленький храм в его родной деревушке. Но из-за чересчур великих напряжений, пережитых им, он оказался в состоянии сильного нервного расстройства: «Мужество мне изменило, и я пребывал в постоянном страхе. Я чувствовал, что духовно изнурен – дни и ночи проходили, как во сне, ладони постоянно потели, а глаза не просыхали от слез. Я метался от одного великого учителя к другому, но все их советы не помогали».

Ему посоветовали, наконец, отправиться к старому отшельнику, мастеру Хакую, жившему высоко в горах. После долгого пути Хакуин нашел пещеру мастера, где он сидел в глубокой медитации. Мастер тут же определил его состояние как дзэнскую болезнь, которая наступает при переусердствовании в концентрации сознания на истине и последующей утере жизненных ритмов истинного духовного роста. Он посоветовал Хакуину отбросить все свои сомнения и медитировать на энергетических каналах тела, а в частности на тандэне, чувствительном центре, находящемся чуть ниже пупка. Хакуин прочувствовал утонченный поток энергии, омывшей его от макушки до пяток, и наполнившей нижнюю часть тела величайшим теплом. Эта психофизическая практика, которую он проделывал со свойственным ему усердием, помогла ему избавиться от стрессов, и он полностью выздоровел.

С тех пор Хакуин никогда не оглядывался назад. Опыт его сатори углублялся, и он сам начал учить людей в старом храме Шоинджи, отстроенном заново его собственными руками. Он учил своих последователей углублять их понимание посредством градуированной системы коанов. Сам он также создал множество коанов, наиболее известным из которых является:

«Что есть звук хлопка ладони одной руки?»

Когда его ученики достигали просветления, они определяли это состояние как начало и продолжали поиски реальности жизни через все более глубокое

Согласно традиции, на Востоке нижняя часть живота называется ТАНДЭН; она считается седалищем духовной силы человека.

С. Кацуки

проникновение в медитацию. Хакуин говорил: «Теперь, когда меня спрашивают, что такое дух медитации, я отвечаю, что это обладание откровенно благожелательным и сострадательным сердцем во всякое время, несмотря на то, что кто-то болтает или толкает вас во время письма под локоть, движется или находится в безмолвии, удачлив или нет, в славе или позоре, с добычей или потерей, или просто хороший или плохой – связывая все это в один стих, ведя концентрацию энергии с силой железной скалы к пупку и в нижнюю часть живота – вот что есть дух медитации. Если дух есть у вас, ваш обоюдоострый меч станет для вас медитационной доской, находящейся всегда перед вами. Седло станет для вас мягкой подушкой для медитации. Холмы, ручьи, поляны – полом для вашего медитационного зала. Четыре стороны земли и десять сторон света [3 - На Востоке кроме определения севера, юга, востока, запада и сторон между ними, существуют понятия высоты света – зенит и глубины – надир.]станут для вас великой пещерой для медитации и все это действительно станет вашей медитацией, субстанцией вашей действительной самости».

Хакуин был первым мастером, систематизировавшим дзэнтренировку. Его советы ученикам по поводу сознания были настолько по существу и прямы, что он походил на

мать, общающуюся со своими детьми:

«Для изучения дзэна необходимы три основных условия.

Первое – великая убежденность, второе – великое сомнение, третье – упорство в цели. Человек, теряющий одно из этих условий, подобен чайнику с тремя ножками, одна из которых сломана.

Что такое великая убежденность? Это не что иное, как вера в то, что каждый человек обладает своей собственной внутренней природой, в которую он может устремить свой внутренний взор, и что это есть фундаментальный принцип для полного проникновения в него. Только так. Но если даже у человека есть откровенная вера, но он не несет в себе великое сомнение по поводу коанов, как чего-то сложного для проникновения, он не сможет достичь глубины их и полностью войти в их смысл. А далее, даже если это великое сомнение прочно утвердилось, если оно не сопровождается великим упорством в цели, оно, в конечном итоге, не будет разбито.

Изучение дзэна подобно добыванию огня при помощи трения. Наимудрейший способ – вперед без остановки. Если ты замедлишь при первом слабом дымке, тогда хоть годами три, но не увидишь ни искорки огня. Мой родной дом находится у моря, в ста шагах от берега. Представим человека, не имеющего понятия о море и желающего попробовать его на вкус. Если он, отправляясь к морю, повернет назад, сделав

Все живущие буддам подобны. Сущность воды и льда едина, Не бывает льда без воды, И нет человека, который не был бы Буддой.

«Дзадзэн васан»

несколько шагов или даже все сто, он не узнает солоно-горький вкус океана. Но если человек, отправляющийся издалека, хоть от горы Кошу, к морю с твердой решимостью идти вперед без остановки, через несколько дней достигнет берега, и в тот момент, когда он сунет в океан кончик своего пальца и лизнет затем его, он мгновенно узнает вкус вод дальних океанов и близлежащих морей южных и северных побережий, всей воды мира».

ШУМРЮ СУДЗУКИ

Шунрю Судзуки (1905 – 1971 гг.) был членом секты Сото-дзэн, основанной Догеном. Мало что известно о его жизни до того, как он приехал в Америку в 1958 году, хотя его первый ученик и преемник Ричард Бейкер утверждал, что Судзуки был сыном мастера дзэн (священники Сото редко женились), и начал практиковать дзэн под руководством Гьекуджу-на, известного мастера Сото своего времени, который, в свою очередь, был учеником отца Судзуки. Когда ему было тридцать лет – ранний возраст в дзэнском понятии, – Судзуки была вручена печать учителя и мастера. Ему дали на попечение ряд дзэнских храмов и монастырь. Природе Сото-дзэн чуждо какое-либо насилие, поэтому во время Второй мировой войны Судзуки стал лидером пацифистского движения в Японии, что было довольно нелегко.

В 1958 году его пригласили в Сан-Франциско возглавить там японскую секту Сото. Хотя Судзуки намеревался остаться в Америке на год – два, случилось так, что он нашел там истинный источник ученичества. Он назвал американский образ сознания «сознанием неофита» из-за открытости идеям дзэна, которую определил он у американцев;

открытость, идущую без каких бы то ни было предубеждений, и благодаря той вере, с которой американцы отнеслись к идеям дзэна, в надежде на способность этих идей повысить ценность их жизни. Вскоре вокруг него собралась группа американцев, и был образован центр дзэна в Сан-Франциско, где могли постоянно жить шесть – десять учеников, и многие еще ежедневно посещать центр. Затем был построен Горный центр дзэн в Тассаджара Спрингс, который стал первым дзэнским монастырем вне Азии.

Судзуки-роши разделял свои лекции-беседы на три группы: праведная практика, праведное отношение, праведное понимание. В дзэне Риндзаи тот же самый порядок имеет обратный вид, но разница находится лишь в выразительности.

Что же в действительности есть сознание неофита, сознание начинающего? Много есть людей, которые в один прекрасный момент получили некую вспышку незабываемого опыта восторга, когда эго исчезает и мир предстает в своем чистом многообразии. Причина этому может быть столь же тривиальной, как прикосновение руки, сколько и величественной, как восход солнца над океаном; но какой бы ни была ее природа, капитуляция перед этим волшебством никогда не подведет и даст искру того, что Судзуки называл «изначальным сознанием», когда сознание познает все в целом и неразделенно. «Сознание начинающего» близко по своей природе трансцендентной безграничности изначального сознания, благодаря отсутствию в нем формального суждения, открытой алертности и изумительной пустоты для приема всего возможного.

Шунрю Судзуки

Кем ты становишься – ловцом или добычей в безмолвном споре сердца с головой?
С. К.

Судзуки уделял огромное внимание сидению в дзад-зэне с перекрещенными ногами в позе полного лотоса. Когда мы скрещиваем ноги в полном лотосе, они как бы становятся единым целым. Нет теперь ни правой, ни левой ноги. Эта позиция выражает единство дуальности: не два и не один. Это наиболее важный аспект учения – не два и не один. Наши тело и сознание – это и есть не два, и не один. Если вы думаете, что ваши тело и

сознание это два феномена, вы заблуждаетесь; если же вы думаете, что они «один» – это также ошибка. Повторяем, наше тело и сознание есть не два и не один. Мы привыкли думать, что если что-то «не есть один», то это более, чем «один» (если это не единственное, то обязательно множественное). Но в действительности наша жизнь не есть только множественное, она также и единственное. Каждый из нас как зависим, так и независим.

Пройдут годы, и мы умрем. Если мы считаем, что это конец нашей жизни, то это всего лишь неверное понимание. Но, с другой стороны, если мы считаем, что не умрем, это тоже неправильно. Мы умрем, и мы не умрем. Вот правильное понимание. Некоторые люди говорят, что наше сознание, или душа, существуют всегда, а только физическое тело умирает. И это не совсем так, потому что и сознание, и тело имеют свой конец. Но верно в то же время и то, что они существуют вечно. И хотя мы говорим «сознание и тело», они в действительности – две стороны одной медали. Вот верное понимание. Таким образом, когда мы принимаем эту позу, она символизирует сию истину. «Когда моя левая нога с правой стороны моего тела, а правая – с левой, я перестаю различать «что есть что».

Даже обезьяна, практикующая сосредоточение, рождается в небесных сферах.

Юн-мин

Судзуки пояснял, что сидение с прямым позвоночником, ушами и плечами на одной линии и с податым внутрь подбородком (как будто бы «подпирая небо головой») есть не что иное, как вхождение в подлинное буддийское состояние бытия – тело и сознание «прямо здесь»: нет ничего для искания, достижения – просто быть там, где ты есть в момент настоящего.

Эти формы не являются средствами для достижения правильного состояния сознания. Принять эту позу и означает иметь правильное состояние сознания. Нет надобности в достижении какого-то особого состояния сознания. Наиболее важная вещь заключается в овладении собственным физическим телом. Если же вы падете, вы потеряете себя. Сознание ваше будет блуждать где-то, и вы не будете в вашем теле. Это не путь. Мы должны существовать прямо здесь, прямо сейчас! И это ключевой пункт. Вы должны иметь ваше собственное тело и сознание. Все должно существовать в должном месте, должным образом. Тогда нет проблем. Когда мы обладаем нашим телом и сознанием должным образом, все существует тогда в должном месте и должным образом.

Также Шунрю Судзуки подчеркивал важность правильного дыхания как необходимого условия для присутственного сознания.

Когда мы практикуем дзадзэн, наше сознание всегда следует за нашим дыханием. При вдохе воздух входит во внутренний мир. При выдохе – выходит во внешний. Внутренний мир безграничен. Мы употребляем фразы «внутренний мир», «внешний мир», но в действительности существует лишь один мир. В этом безграничном мире наше горло – как вращающаяся дверь. Если вы думаете: «Я дышу», то «Я» – это лишнее. Нет вас, говорящих «Я». То, что мы называем «Я», – лишь вращающаяся дверь, которая движется при вдохе и выдохе. Она только движется, и все. Когда ваше сознание чисто и спокойно в должной мере, чтобы следовать этому движению, нет ничего: ни «Я», ни мира, ни сознания или тела, но только вращающаяся дверь.

Судзуки объяснял, что понятие вращающейся двери привносит осознание не маленького, ограниченного эго, но универсальной природы или природы Будды. В этом осознании обычный дуалистический подход, в котором мы представляем жизнь: хорошие времена и плохие времена, это и то, я и вы – выглядят так, как они есть на самом деле, то есть выражениями одного неразделимого существования. «Вы» означает осознавать универсум в форме «вас», а «Я» означает осознание сего понятия в форме «меня». «Вы» и «Я» – лишь вращающаяся дверь. Такой род понимания крайне необходим. Это даже не следует называть пониманием; это в действительности подлинный опыт жизни через практику дзэн.

Мы живем искусственно, не проникая глубоко в наше собственное понимание, и поэтому оказываемся в плену у названий, обозначений. Мы верим в то, что ярлык – это и есть сама вещь, но он только выдумка человека, не имеющая продолженности субстанции. Ярлык способствует разделению и изоляции, тогда как сознание вращающейся двери, единого существования со множеством наименований, объединяет и интегрирует: «Ночное и дневное время не имеют различия. Одно и то же порой называется временем ночным, а порой – дневным. Все это одно».

Богом клянусь, всякая вера и секта – это я, Земля и воздух, вода и огонь, более того, тело и душа – и это я.

Руми

Однако нельзя склоняться к единству, как к определенному феномену. Одно значение выражено в каждой вариации – в каждой травинке, в каждой грани песчинки, и когда в дзадзэне мы уравниваемся в себе, то изумительные, замысловатые декорации нашей жизни увидятся по-новому и в более глубоком понимании их разнообразия.

Что бы мы ни делали, все это выражение нашей истинной природы, но без практики ее трудно было бы распознать. Наша человеческая природа обуславливается действием, как и природа всего сущего. Пока мы живы, мы всегда делаем что-то. Но до тех пор, пока вы думаете, что вы делаете что-либо, или вам следует сделать что-либо, или вы должны достичь чего-то особенного – в действительности вы делаете ничто. Когда же вы

отказываетесь от чего-либо, когда вы более не стремитесь к чему-либо или когда вы не тужитесь сделать что-либо особенное, – именно тогда вы и делаете что-то.

Когда нет фиксированной идеи того что делать, только тогда вы делаете что-то полезное.

Бог – это глубочайшая внутренность всего.

А. Уотс

Но как можно использовать подобное отношение все время, даже во время приготовления пищи или посадки в автобус? Независимо от того, успели ли мы на автобус или посмотрели ему вслед, внутреннее наше чувство будет одним и тем же, если мы готовы принять тот факт, что моменты ожидания следующего автобуса имеют свою собственную особую реальность, а не являются лишь объектом для нашего нетерпения.

Это же, с другой стороны, не значит, что мы должны стараться избегать таких эмоций, как отвращение или нерасположенность. «Хотя все имеет природу Будды, – говорил Доген, – мы любим цветы, а не любим сорняки». Судзуки делает ударение на том, что как любовь к прекрасному, так и отвращение к безобразному – все это естественно для человеческого естества и, в то же время, все это активность Будды. Нам следует понимать это. Поэтому, когда мы ощущаем любовь, нам следует проявлять ее в менее одержимой форме личных эмоций: «Нам не следует быть привязанными только к любви. Мы также должны воспринимать и ненависть. Надо уметь воспринимать сорняки независимо от того, какие чувства они в нас вызывают. Если вы не любите – любите. И все!» Этим действием восприятия вещей в их собственном существовании и в их собственном уникальном бытии жизненные проблемы разрешаются, становясь менее гнетущими. Именно из-за нашего обычного настаивания на выделении одного частичного аспекта мы подпадаем под проблемы, но когда каждый момент в своей сути полностью реален и сбалансирован, наступает чувство бытия в единстве со всеми вещами и в каждой ситуации.

Этот вид опыта есть нечто, находящееся за пределами нашего думания. В области думания существует разница между единым и разнообразным, но в действительном опыте разнообразие и единство – одно и то же. Благодаря созданию некой идеи единства и разнообразия вы в плену у этой идеи. И вы вынуждены продолжить бесконечное думание, хотя в действительности в этом нет никакой надобности.

СЕУМГ САМ (Соен-Са)

Сеунг Сан (род. 1927 г.), известный более своим ученикам под именем Соен-Са, родился на территории современной Северной Кореи. Его родители были христианами-протестантами. В 1944 году, когда Корея находилась под довольно суровым военным японским управлением, Соен-Са присоединился к подпольному независимому движению, был схвачен и едва остался в живых. После тюремного заключения он с двумя товарищами бежит в Китай, где надеется вступить в освободительную корейскую армию.

Ему это не удалось, и после войны Соен-Са поступает в университет в Южной Корее на философский факультет. Время шло, и ситуация в Корее ухудшалась с каждым годом. Однажды Соен-Са решил, что ни политика, ни академические занятия не являются путем,

на котором он стал бы полезен людям, и он покидает университет, бреет голову и уходит в горы, клянясь никогда более не возвращаться в мир, не познав абсолютной истины.

Один монах маленького горного монастыря познакомил Соен-Са с буддизмом, дав ему почитать «Алмазную Сутру» – ту самую сутру, которая озарила просветлением Хуэй Нэнга. Сознание Соен-Са очистилось, когда он прочитал слова: «Все, появляющееся в этом мире, преходяще. Если вы мните все явившееся никогда не являющимся, значит вы осознаете вашу истинную самость».

Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей любимой травой. Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя под подошвами.

У. Уитмен

В 1948 году его посвятили в буддийские монахи.

Его понимание истины, содержащейся в строках сутр, нуждалось в практике, дабы предоставить ему полную реализацию ее, поэтому он начал стодневный ход на Вон Гак, гору подлинного просветления. Продолжительное питание измельченной в порошок хвоей в сочетании с многочисленными каждодневными «ваннами» в снегу, с чтением священных писаний по двадцати часов в сутки, породили в молодом человеке очень сильные сомнения по поводу полезности сих крайностей. Он с завистью думал о японских монахах секты Сото, живущих спокойной жизнью в маленьких храмах со своими семьями и постепенно достигающих просветления. Мысли эти стали столь убедительно звучать в его сознании, что однажды ночью он твердо решил уехать и собрал вещи. Но наутро воля его победила желание, и он распаковался. В течение следующих нескольких недель он собирал и разбираал вещи девять раз.

По истечении времени его начали посещать видения как жуткие, так и приятные. На сотый день, когда он сидел и читал священные молитвы, ударяя в мактак (гонг), его тело вдруг исчезло, и он оказался в бесконечном космосе. Как бы издалека доносились до его слуха звуки гонга и его собственного голоса. Он оставался в этом состоянии некоторое время. Когда же он возвратился в свое тело, то все понял. Скалы, река – все, что он видел, слышал – все это была его истинная самость. Все вещи были именно такими, какими они были на самом деле. И в этом заключалась истина.

Просветление, видение своей собственной природы – это всего лишь слова, тогда как люди бесконечно разнообразны, и просветление одного человека не похоже на просветление другого, хотя в обоих случаях, есть что-то общее.

Р. Х. Блайс

Спустившись с горы, Соен-Са отправился к мастеру дзэн Ко Бонгу – величайшему учителю в Корее – за советом по дальнейшей практике.

Ко Бонг сказал ему: «Однажды монах спросил мастера дзэн Джо Джу, почему Бодхидхарма пришел в Китай. Джо Джу ответил: «Ель растет в саду». Что это могло значить? Соен-Са понял коан, но не нашелся, как ответить, и сказал: «Я не знаю». Ко Бонг молвил тогда: «Вот и держи всегда это сознание «я-не знаю». Это самая верная практика дзэн».

Летом Соен-Са работал во дворе. Осенью он пришел в монастырь Су Док Са на стодневную медитацию. Он изучил язык дзэн в словесных перепалках и дискуссиях.

Зимой он стал немного диковат в поведении и выкидывал всякие трюки с монахами, и монашенками монастыря, чтобы разбудить их, но был уличен, и его заставили извиниться перед всеми.

Затем он отправился к мастеру Чун Сонгу, известному своими дикими выходками, дабы испытать свое сатори. Соен-Са поклонился ему и сказал: «Я убил всех Будд прошлого, настоящего и будущего. Что можешь сделать ты?» Чун Сонг сказал: «Ага! – и пристально посмотрел в глаза Соен-Са, затем спросил: – Что ты видел?» Соен-Са ответил: «Ты уже понимаешь». Чун Сонг спросил: «Это все?» Соен-Са молвил: «Кукушка поет в деревьях за окном». Чун Сонг засмеялся и сказал: «Ага!» После еще нескольких вопросов, на которые Соен-Са ответил быстро, Чун Сонг воскликнул: «Ты просветлен, просветлен!»

Когда закончились сто дней, Соен-Са пошел навестить своего первого мастера Ко Бонга. По пути он дважды получил инка (печать, легализирующую его просветление) от мастеров дзэн Кеум Бонга и Кеум Оха.

Когда же он наконец явился в храм Ко Бонга, тот задал ему наиболее сложные вопросы из 1700 традиционных коанов. Соен-Са ответил на них без колебаний. Затем Ко Бонг сказал: «Хорошо, еще один вопрос. Мышь ест пищу кошки, но кошачья миска разбита. Что это значит?»

Соен-Са ответил: «Небо голубое, трава зеленая». Ко Бонг затряс головой и сказал: «Нет».

Соен-Са никогда не ошибался в своих ответах на вопросы дзэн и не мог поверить в то, что он промахнулся на этот раз. Он попробовал отвечать еще и еще раз подобным образом, но мастер Ко Бонг продолжал качать головой. Наконец Соен-Са выкрикнул: «Трое мастеров дзэн удостоили меня своими печатями. Почему же ты говоришь, что я не прав?»

Требуется желание освободиться от тех зацепок и привязанностей, которые искажают и сужают ваше видение...

...когда все спросят: «Вы кто?», – то ответ не в том, что вы юрист или домохозяйка.

Ответ: «Я– человек, идущий к Богу».

Рам Дасс

Ко Бонг едва слышно сказал: «Что это значит? Расскажи мне».

После пятидесяти минут абсолютной и напряженной тишины Соен-Са вдруг узнал.

Ответ его был: «Именно так».

Радостно Ко Бонг обнял Соен-Са, говоря ему: «Ты цветок, а я пчела». 25 января 1949 года Соен-Са получил от Ко Бонга его духовную передачу, став, таким образом, семьдесят восьмым патриархом. Это была единственная передача Ко Бонга в его жизни.

После церемонии Ко Бонг сказал Соен-Са: «В течение последующих трех лет ты должен молчать. Ты свободный человек. Мы встретимся снова через пятьсот лет». Соен-Са едва минуло двадцать два года, и он уже был мастером дзэн. Корейский дзэн считается ближе к оригинальной китайской традиции, нежели чем к современному японскому дзэну. К примеру, нет разделения на секты Риндзай и Сото, а многие корейские монастыри включают обучение монахов, несколько отличающееся от чисто дзэнского. Во многих корейских монастырях монахи сидят (зачастую с просто скрещенными ногами, даже не в полулотосе, не говоря уже о позиции полный лотос) три месяца во время зимней сессии и во время летней по девять – тринадцать часов в день (в зависимости от монастыря), а в

течение других шести месяцев они свободно странствуют или обучаются в других монастырях. Существуют формальные речи, произносимые мастером один или два раза в месяц, но такой формы общения как беседы – не существует. Если монах чувствует, что он достигает некоторого понимания, он идет проверить себя к мастеру, в ином случае нет причины для беспокойства. Индивидуальные затяжные уходы более практикуемы, чем в Японии: монахи уединяются в своих отшельнических скитах на 100 или 1000 дней, или даже лет на пять, затем возвращаются и демонстрируют свое понимание мастеру. А до того, как ученик получит инка, он должен «победить» (или, по крайней мере, выдержать свою позицию) трех мастеров дзэн или своего собственного мастера.

Соен-Са

Соен-Са использует целый ряд традиционных коанов, главным образом китайских и корейских, но в то же время он считает себя не привязанным ни к какой форме или традиции, дзэну или чему бы то ни было еще. К примеру, он проводил трехдневные семинары в Биг Суре (Калифорния), предоставляя своим ученикам восемь часов в день в высшей степени напряженности воспевать под аккомпанемент барабанов, тамбуринов, кастрюль, трещоток, колокольчиков и других подобного рода инструментов. Тридцать человек гремели часами, предельно напрягая свои легкие и глотки. Это было личным изобретением Соен-Са специально для калифорнийской кармы; и многие люди, не способные сидеть в дзадзэне, или те, кто проводил время в сэсшинах (дзэн-семинарах) безрезультатно в течение лет, не получая и легкого намека на опыт действительного очищения, смогли наконец вдохнуть глубоко радость и мощь целостного сознания.

Никакая техника не есть медитация. Она служит лишь для того, чтобы создать ситуацию, в которой может случиться медитация.

Ма Сатья Бхарти

Соен-Са часто использует пение мантр в своей практике, особенно для учеников, которые находят для себя коан «Кто Я?» или дыхательную медитацию чрезвычайно трудной. Обычно это интеллектуалы с постоянно «бурлящими мозгами» (главным образом психологи и философы) и люди (часто женщины) с очень высокой эмоциональностью. Но финал медитации на мантрах не отличается от медитации на коане или шикантазы. Техника различна, но раскрепощенное сознание, к которому они ведут, одно и то же.

Любая техника подобна берегу реки: человек стоит там и смотрит на реку, не прыгая в поток, не уносясь с ним, до тех пор, пока есть где стоять и кому.

Но основное ударение в своем учении Соен-Са делает на поддержание чистоты сознания в течение целого дня: «Ежедневное сознание есть Путь». Он увидел, что многие ученики, практиковавшие японский дзэн, сильно привязались к практике сидения и создали как бы различие между медитацией и другого рода активностью. Таким образом, хотя его ближайшие ученики и имеют довольно основательную практику сидения, он обычно учит их тому, что техника и сидение не важны, но действительно важно, как владеете вы вашим сознанием в данный момент настоящего.

Пустота находится здесь и сейчас, она везде, она всеобъемлюща, и, в сущности, нет никакой разницы между ней и феноменальным миром.

А. Г. Фесюн

ЛЕКЦИЯ 10

Бодхидхарма. Философия поединка. Практика в учении Кэмпо-дзэн

БОДХИДХАРМА

К началу VI века буддизм в Китае, привнесенный туда еще во второй половине первого века от Рождества Христова, претерпел значительное видоизменение. Он стал сильно отличаться от того старого антисоциального буддизма, который существовал в противовес брахманизму. Буддизм Китая того времени выделял идею спасения через слепую веру и метафизические измышления. Большое значение предавалось вере в некий рай после смерти, а мысль о достижении совершенства в этом мире опускалась совсем, что противоречило истоковому учению буддизма.

Согласно легенде, двадцать восьмой патриарх буддизма Бодхидхарма (яп. – Дарума), раздосадованный функционализмом и утерей истинного учения Будды, идет пешком из Индии в Китай, дабы проповедями и личным примером восстановить истинную веру.

500 Архатов

Известно, что сам Бодхидхар-ма был выходцем из брахманской семьи, а не кшатрийской, как, к примеру, Будда Гаутама. Воспитывался он при княжеском дворе. Будучи старшим сыном Раджи-брахмана, Бодхид-харма, наряду с традиционным ведическим философско-религиозным образованием и углубленным изучением буддийских сутр, познавал и воинское искусство. Много времени посвятил он физическим упражнениям, всегда памятуя о том, что сам Будда был непревзойденным мастером в фехтовании, рукопашном бою, других видах воинского мастерства.

Будда (Сиддхартха Гаутама) принадлежал к небольшому племени шакьев, состоявшему, по преданию, из одних кшатриев-воинов. К тому времени сословие кшатриев уже значительно разрослось, и в нем присутствовали представители и других каст, но среди племени шакьев их не было. И хотя прирожденные воины должны были сами заниматься земледелием, торговлей и другими не подобающими их касте занятиями, они отдавали значительное количество времени совершенствованию работы с копьем, мечом и т.п., а также кэмпо – стандартизированному искусству единоборства без оружия. Примером этого, по утверждению древних источников, является отношение самого Будды к кэмпо, который практиковал его и был до такой степени поражен этим искусством как методом унификации сознания, духа и тела, что в дальнейшем ввел в систему буддизма. Хотя на первый взгляд может показаться, что такие понятия как буддизм и боевые искусства несовместимы, но это если смотреть на буддизм, предположим, взглядом христианской веры с ее внешними эффектами и выработанной привычкой выклянчивать блага у всемогущего Бога. В своем учении Будда подчеркивал важность симбиоза силы и любви в формировании личности и в активном создании

идеального мира – своеобразного рая на земле. Мысль о практике Буддой кэмпо подтверждается изображениями некоторых божеств буддийского пантеона, предстающих перед нами в типичных боевых стойках.

Со временем Бодхидхарма настолько увлекается стройным, четким и жизненным учением Будды, что решает полностью посвятить себя истинам буддизма. С этой целью он облачается в черное монашеское одеяние, которое и теперь является традиционной одеждой, например, в школе Сериндзи-кэмпо, и становится ревностным поборником идеи дхьяны, то есть углубленного созерцания.

Итак, придя в Китай в начале VI века с мечтой донести свет буддийских доктрин Махаяны до умов и сердец верующих, Бодхидхарма наткнулся на глухую стену непонимания его проповедей о медитации и интуитивной проницательности.

Спасенческий и формалистский характер китайского буддизма вполне устраивал правителей, а вместе с ними – ленивых и сытых монахов, не желавших ничего менять. Таким образом, гонимый и непонятый, но, все же окруженный многочисленной группой приверженцев, Бодхидхарма удаляется в небольшой монастырь Шаолинь на горе Хао-шан в теперешней провинции Хунань.

Форма буддизма, исповедуемого в этом монастыре, со временем стала известна как чань (яп. – дзэн).

С самого начала, отдавая предпочтение интуиции, гармоническому единству духа и тела, отбрасывая аскетическую практику чистой медитации, Бодхидхарма учил решительности, целеустремленности, что развивало волевые качества в его учениках, способность не привязываться полностью к строгому рациональному мышлению. Вместе с практикой дза-дзэна (сидячей медитации) Бодхидхарма преподавал и искусство боя без оружия, что являлось как бы продолжением практики медитации, но уже в динамике. Он уделял в равной степени внимание как дза-дзэну, так и физическим упражнениям, превращая, таким образом, монашескую жизнь в упорную психо – физическую тренировку.

В своей философской и психофизической деятельности, направленной на воспитание совершенной личности, Бодхидхарма огромное внимание уделял принципу «не два и не один», в последствии в чистом виде перекочевавшему во многие виды боевых искусств, в которых сохранились морально-этические и философские корни. В большинстве случаев этот принцип, как и многое другое, забывался, что превращало тот или иной вид боевого искусства из медитативной боевой техники в технику чисто утилитарного, прикладного значения.

Восприятие по принципу «всё или ничего», «белое или чёрное» и соответствующее реагирование являются главными проблемами в жизни человека.

Ч. Тарт

Принцип единства дуальности, или «не два и не один», на практике проявляющийся в технике статической формы медитации – дза-дзэне, обязателен и для динамической боевой техники, которая в своем высшем проявлении есть также не что иное, как медитация действия. Боевая медитативная техника – это апофеоз активной медитации школы Риндзаи, основа которой уже не в отточенности приемов, а в единстве сознания и тела, духа Дзэн и энергии Ки, в переживании тотального единства и целостности с партнером, когда нет ни того, кто может воспринимать, мыслить, действовать, ни того, на

что (или на кого) они направлены. Иными словами, это беспристрастный охват всего во всем. Это состояние сознания «истинной таковости» (Татхаты), имея в виду, что сознание воспринимает мир таким, какой он есть, то есть совершенно адекватно и непосредственно.

Отсюда можно судить, что принцип «не два и не один» так же, как и любая медитативная техника, может быть успешно применен любым человеком в его жизнедеятельности, не взирая на возраст, убеждения, профессию и т.д. Ибо вся жизнь человека ищущего есть поединок с собой, устаревшими взглядами, болезнями души и тела; и в любом случае – отстаивает ли человек свои взгляды или просто спасает жизнь – всегда каждый момент своего бытия он должен облекать в соответствующую философскую форму, где исчезает понятие дуальности, где мир не расчленяется, а воспринимается единым, где прекращается воздействие на психику человека всех возбуждающих и омрачающих факторов, в результате чего достигается спокойно-умиротворенное состояние сознания. Но подобное состояние вырабатывается в сложной борьбе духа и тела за их чистоту и гармонию.

ФИЛОСОФИЯ ПОЕДИНКА

Много работ было посвящено восточным боевым искусствам. Но при этом, или мало затрагивалась проблема неразрывности дзэна с ними, или вообще все сводилось к описанию техники приемов и тактики ведения боя. И это очень печальный факт, ибо боевые искусства – не демонстрация силы и технических навыков противнику, или средство показать волю или способность наносить всеокрушающие удары. Для истинных мастеров любой вид единоборства – будь то каратэ, кунг-фу, вин-чун или кэмпо – изначально представляется как путь, пройдя который они способны достичь духовного спокойствия, умственной уравновешенности и глубочайшего чувства уверенности в себе.

Многие так и не достигают в своем развитии понятия «Путь», считая, что духовная насыщенность – ерунда, а дзэн – сплошная мистика, оправдываясь при этом своей прагматичностью, и Бог с ними! Это их карма и не на подобного рода людей рассчитана эта книга.

Единственный способ, благодаря которому вы можете стать настоящим мастером, – это полная концентрация и сосредоточенность всех своих возможностей в каждом ударе.

Брюс Ли

Только после многих лет тренировки, при верной постановке ее, можно в конце концов подойти к понятию реализации глубочайшей цели боевых искусств как средства духовного развития личности.

Боевые искусства на Востоке стали переносить акцент на личностный духовный рост в шестнадцатом веке, когда наметилась тенденция ослабления нужды в навыках ведения боя в условиях сражения. Боевые искусства трансформировались из практических средств битвы не на жизнь, а на смерть – в духовную образовательную тренировку, направленную в первую очередь на развитие личных качеств. Так, к примеру, сражение на мечах кендзютсу стало «путем меча» – кен-до.

Скоро другие боевые искусства добавили окончание «до», означающее «путь» или более

полно «путь к просветлению, самореализации». Эти элементы дзэн отражены в различных степенях в айки-до, каратэ-до, тае-квон-до, хапки-до, джит-кюн-до и других.

Роль дзэна в боевых искусствах не поддается простому определению, потому что дзэн, в сути, не имеет теории: это как бы внутреннее знание, для которого нет четко зафиксированных догм. Дзэн боевых искусств отвергает силу интеллекта, но устремлен на интуитивный акт. Конечной целью здесь является освобождение индивидуума от зла, иллюзий и ложных устремлений. Человеку, начинающего вводить дзэн в свое боевое искусство, следует помнить, что это необходимо делать медленно и непрямым образом. Первое, что необходимо уяснить в этой связи, – то, что место, в котором мы практикуем дза-дзэн и дальнейшую боевую технику, не есть тренировочный зал. Оно обретает понятие до-дзё – миниатюрного космоса, где мы контактируем с нашей самостью – нашими страхами, волнениями, реакциями, привычками. Это место, где мы можем узнать очень многое в сравнительно короткий срок о том, кто мы есть и как мы реагируем на обстоятельства. Конфликты, возникающие внутри до-дзё, помогают нам справиться с конфликтами в жизни. Полная собранность и дисциплина, так необходимые для изучения боевых искусств, с благотворным влиянием переносятся в повседневную жизнь. Активность в до-дзё учит нас правильно воспринимать все новое, незнакомое, – таким образом становясь источником познания, или, используя терминологию дзэн, – источником просветления.

Медитация в бою

То, что может дать достойный, не предназначено для недоучек. Не следует быть подобострастным педантом и привязываться к словесным оболочкам, полагая, что это и есть подлинный дзэн; не следует шевелить губами и дёснами, полагая, что это и есть высшее понимание. В учение невозможно проникнуть с помощью языка; его невозможно постичь с помощью мысли. Мудрость рождается в обители бесконечного ничто; дух обретается в царстве неизмеримой глубины. То, что может сделать дракон или слон, не под силу ослу.

Фа янь

Далее хотелось бы предупредить, что хотя каждый желающий может прочитать о дзэне в боевых искусствах, истинное знание имеет опытный характер. Как объяснить вкус сахара? Вербальное описание не даст нам ощущения. Для того, чтобы узнать вкус, необходимо попробовать. Философия искусств, философия поединка на любом уровне, не может быть, в конечном итоге, интеллектуализирована. Она предполагает опыт, и лишь

личный опыт. Таким образом, хотя говорить и надо, но в данном случае слова передадут лишь часть смысла – остальное добавит личный опыт.

Мы должны отметить, что когда сами достигли духовных истоков боевых искусств, само качество жизни до неузнаваемости изменилось, обогатив отношения с людьми и, в то же время, введя в близкий контакт с самим собой.

Мы увидели, что просветление просто означает определенные узнавания внутренней гармонии обычной жизни.

ПРАКТИКА В УЧЕНИИ КЭМПО-ДЗЭН

Учение Кэмпо-дзэн в обязательном порядке определяет практику как основу достижения состояния Просветления. Без многотрудной практики с вовлечением всей психосоматической структуры человека невозможно его Самопроявление. Это означает, что человек обязан очищаться и развиваться как в духовном, так и в физическом плане. Многовековой опыт показывает, что без физического здоровья нет здоровья и психического; иными словами: в здоровом теле – здоровый дух.

Дзэн – это образ жизни, открытый сатори; стиль жизни, ведущий к изменённому сознанию, к экстатическому приятию цельности мира.

3. Миркина Г. Померанц

Эту древнюю мудрость необходимо всегда помнить всем, ставшим на Путь самосовершенствования и, несмотря на трудности, применять как статическую, так и активную динамическую психофизическую технику. Без этого учеником школы Кэмпо-дзэн можно считаться только по названию. Даже если десятилетиями сидеть в медитации в бесчисленных храмах и проводить беседы со множеством наставников, но при этом не иметь активной психофизической практики, то так и не достигнешь освобождения от иллюзий собственного эго, а сами занятия по системе кэмпо-дзэн обретают вид очередного компенсаторного механизма вроде стремления к власти, престижу, деньгам, стадного конформизма, растворения в жизненной рутине, зависимости от идолов, религии. Иначе говоря, в своей высшей идее учение Кэмпо-дзэн – это не очередной трек для бега от себя, от своих недостатков, не предмет мазохистского жертвоприношения, ведущий, как вышеупомянутые механизмы, к самокалечению вместо развития, не засасывающая структура, ставящая перед собой задачу тонко удерживать человека в рамках психического здоровья за счет слепого уверования в ее исключительность. Вся практика школы Кэмпо-дзэн ведет к Самопробуждению, где человек сам становится для себя пробуждающим фактором и пробуждающимся; то есть, человек есть то, чем он пробуждается, и то, к чему он пробуждается, ибо полное освобождение от эго-сознания человек получает благодаря открытию своих уникальных возможностей, а не при помощи того, что его удивило и восхитило в авторитетах. На тернистом пути самореализации авторитеты – лишь подсобный материал, который, безусловно, помогает, но который на определенном этапе начинает мешать, так как требуется собственный опыт для опоры на него. Как говорится: «Можно привести лошадь на водопой, но пить воду она должна сама». Так, в школе Кэмпо-дзэн Мастера умело ведут своих учеников до определенной черты – черты, за которой начинается их уникальный индивидуальный опыт, которым они

впоследствии поделится с другими, и который также будет оставлен, но не как некий негатив, а как полезный, но не нужный теперь «костыль».

В школе Кэмпо-дзэн нет такой знакомой всем системы навязываемых знаний. Учение преподносится так, как говорил Будда: «Не верьте ничему из того, что я говорю, только из уважения ко мне, но обдумайте услышанное и проверьте его подлинность, как если бы вы покупали золото». Ученикам школы никогда не предлагается делать что-то исходя из слепой веры. Их пытаются убедить в том, что следует поразмыслить, понять, что они делают и почему. И тогда практика становится гораздо более устойчивой. Она становится благотворной привычкой и превращается в самого интересующегося, который начинает видеть реальность открытым умом.

Какой же силой убеждения надо обладать, чтобы заставлять человека сдвинуться с места!

Чтобы он изменил хоть немного свой привычный, монотонный образ жизни.

С. Соболенко

В техниках стиля кэмпо-дзэн уделяется огромное внимание сосредоточению сознания как на физических (боевая динамика, йоговские асаны и др.), так и на ментальных явлениях (разного рода визуализации), т.е. на состоянии сознания, ибо в первую очередь нам необходимо преобразовывать свой ум. Наши проблемы не исчезнут, если мы будем, к примеру, только отрабатывать боевую технику или стоять на голове. Мы должны изменить свои жизненные установки, научившись сосредоточиваться на более благотворных из них. В то же время мы не должны превращаться в уморенных аскетов, засидевшихся в медитации. Необходимо всегда помнить, что живое требует динамики, подвижности, живости (как физической, так и ментальной). Таким образом, соблюдая правило золотой середины, мы должны напрягаться, но не до изнеможения, и застывать в статике, но не до состояния трупа.

В практике Кэмпо-дзэн необходимо соблюдать принцип последовательности, ибо, хотя все техники в той или иной степени адаптированы под «дерганого» европейца, но все же, в своей сути, все они достаточно традиционны для того, чтобы впопыхах сломать себе шею и разочароваться. Это особенно важно для тех, кто считает себя «продвинутым» в плане боевых искусств и медитации. Такие ломаются в первую очередь, потому что хотят быстро познать. Но это – всего лишь отражение их лени. Люди, имеющие такие установки, обычно стараются уклониться от всякой тяжелой работы. И если, к примеру, тантра – это быстрый, но очень трудный путь, йога – это легкий, но очень длинный путь, то Кэмпо-дзэн – это очень долгий и очень трудный путь. Но путь этот не кажется тяжким, если идти по нему с использованием одного из главных принципов дзэн-буддизма – «здесь и сейчас», правильно, честно и чисто реализуясь в каждом моменте, проживая его полно и творчески. В свою очередь, дисциплина стиля помогает выработать такое отношение к жизни. А дисциплина возникает тогда, когда мы убеждаемся в том, что положительное действие дает положительный результат, а отрицательное – отрицательный.

Эзотерическое знание открыто всем, кто искренен по отношению к самому себе, кто способен впитать учение непредвзятым открытым разумом.

Лама А. Говинда

Хотелось бы отметить, что заниматься практиками школы Кэмпо-дзэн следует с уважением. Это не означает, что необходимо постоянно кланяться и делать подобострастное выражение лица, смиренно опускать глаза или целовать гохонзон. Просто нужно проявлять уважение к тому, чем мы занимаемся, к тем, кто делал это прежде, а также – к самим себе, к нашей способности этим заниматься. А недостаток уважения может стать большим препятствием в практике. Нельзя получить знание от того, что не любишь, или к чему относишься критически, или что не интересно. Тогда следует искать чего-то другого. Когда же мы расположены, то возникает важный психологический эффект: мы вверяемся, раскрывая свой УМ.

ЛЕКЦИЯ 11

Сознание дзэн. Сото и Риндзаи. Коан. Поединок – вид коана

СОЗНАНИЕ ДЗЭН

Ум надо предоставить самому себе, чтобы он мог свободно действовать согласно своей природе. Нигде не ограничивайте ум, не делайте его частичным – вот верная духовная тренировка. Когда он нигде, тогда он везде. Когда он занимает одну десятую, его нет в девяти десятых.

Во время практики дза-дзэн, то есть медитации в позе «лотос» или другой приемлемой для регуляции сознания и психики, многие неверно считают, что очистить сознание означает изгнать мысли, образы, появляющиеся в тишине медитативного настроения. При этом появившаяся мысль или образ могут даже вызывать досаду или раздражение, и мы в своем дза-дзэне уподобляемся неврастенику, гонящемуся за назойливой, но верткой мухой. Конечно же, подобный «самонастрой» приведет только к отрицательному результату.

Такая смерть не похоронит тебя в могиле,
Но из мрака выведет к Свету,
А потому, учись покидать свое тело
И умирать каждый день.
Мухаммед

Когда мы практикуем дза-дзэн, не следует стараться остановить ход мыслей. Оставьте их в покое, и пусть они сами останавливают свое движение. Если что-либо вошло в наше сознание, пусть себе входит и выходит, когда ему вздумается. Без нашего внимания к себе оно не останется надолго. В случае, когда мы пытаемся остановить движение мыслей, это означает, что они нас очень задевают и беспокоят. Это не должно нас волновать. Нам кажется, что все это приходит в сознание со стороны, но в действительности это лишь волны сознания, а если мы на них не реагируем, они в конце концов застывают. И через пять – десять минут сознание обретает чистое и спокойное состояние.

Естественно, любое совершенство достигается путем длительной работы с какой-либо техникой. В практике дза-дзэн может и будет возникать множество ощущений, мыслей или образов, но относиться к ним следует как к волнам нашего сознания. Ничего не приходит в сознание со стороны. Верное понятие заключается в том, что наше сознание заключает в себя все, и поэтому, когда мы думаем о чем-то, приходящем со стороны, это означает лишь возникновение чего-либо в нашем сознании. Ничто извне не может вызвать в нас беспокойство. Мы сами создаем волны в нашем сознании. Если же мы держим сознание таким, какое оно есть, оно успокаивается. Такое сознание называется «большим сознанием».

Нищий и босой он идет по пыльному пути этого мира. Испачканный грязью и пеплом,
он широко улыбается. Ему не нужны чудотворные силы богов,

Ведь по его велению на сухих деревьях распускаются цветы.

Ши Нью Тоу

В дзадзэне человек подобен горе. Китайская пословица

Если наше сознание имеет отношение к чему-либо на стороне, то есть не в себе, такое сознание есть «малое сознание», или «ограниченное». Если сознание ни к чему не относится, – нет тогда и дуалистического понимания в активности нашего сознания, и мы воспринимаем активность как волны нашего сознания. Большое сознание воспринимает все внутри себя. Необходимо четко определить различие между двумя видами сознания: сознание, которое включает в себя все, и сознание, которое относится к чему-либо. В действительности они являются одним и тем же, но понимание здесь разное, что и создает различное отношение к жизни, в зависимости от того или иного рода понимания.

Факт того, что включено в наше сознание, является как бы сущностью сознания. Даже если возникают волны в нем, сущность остается чистой. Сознание тут подобно чистой воде, на которой время от времени возникает рябь. В действительности же вода никогда не остается спокойной. Волнение – практика воды. Говорить о волнах, не имея в виду воду, или о воде, не упоминая о волнах, – иллюзия. Вода и волны есть одно. Когда мы воспринимаем сознание таким образом, мы обладаем уверенностью в наших чувствах. А так как наше сознание ничего не ожидает извне, – оно всегда наполнено. Поэтому, хотя в сознании и возникают волны, оно уже не взбудоражено, ибо оно расширено и вбирает в себя все сразу.

Активность большого сознания заключается в расширении себя через различного рода жизненные опыты. С одной стороны, эти опыты, приходя один за другим, всегда новы и свежи, с другой стороны, они представляют нечто иное, как продолженное или повторяющееся раскрытие одного большого сознания. К примеру, у нас появилось что-то

очень хорошее. Мы говорим: «это хорошо!». «Хорошо» воспринимается как нечто опытно узнаваемое из прошлого, может быть, даже очень далекого. Большим сознанием мы принимаем каждый из наших опытов, как бы узнавая свое отражение в зеркале. Нет страха, что мы потеряем это сознание. Страху некуда придти и неоткуда уходить при таком сознании. А посему отсутствует страх смерти, поражения, страх состариться, заболеть. Именно потому также, что мы радуемся всем аспектам жизни как открывающим большое сознание, нам и нет необходимости искать какую то избыточную радость. В таком случае мы обладаем невозмутимым спокойствием, а находясь именно в этом невозмутимом спокойствии большого сознания, нам и следует проводить любую нашу практику.

*Искусство пути —
возвращаться
не останавливаясь. С.К.*

Искусство пути – возвращаться не останавливаясь. С.К.

Слова Д.Т. Судзуки как нельзя лучше завершают эту главу:

«Вода потока находится в движении, но луна сохраняет свое спокойствие. Ум движется в ответ на десять тысяч ситуаций, но остается тем же самым. Это вершина искусства. Все интеллектуальные схемы, все, что искусственно, в бою не должно существовать. Но если движения вызываются внешними причинами, если они управляются извне, – тогда с ними все кончено. Но это не значит, что мы дошли до полной умственной атрофии или недоразвитости ума. Напротив, воин хочет, чтобы ум вернулся к своей природной чистоте, совершенно освободился от своих психических блоков, от всех помех и до предела открыл все то, чем он располагает».

СОТО И РИМДЗАИ

В ранний период развития истории дзэн не было систематизированного метода дисциплины медитации, хотя с самого начала медитация, естественно, практиковалась. До самого конца династии Тань каждый дзэновец тренировал себя на свой лад. В процессе исторического развития, однако, был выработан особый метод для того, чтобы помочь ученикам активизировать в себе «думание» или «думание в недумании». Тренировочный метод включил в себя два различных подхода, известных соответственно как «чистый дзадзэн» и метод коана; первый характеризует школу Сото-дзэн, второй – школу Риндзай-дзэн.

Дзэн ввезли на территорию Японии из Китая в период Камакуры (XII – XIII века н.э.) по каналам этих двух соперничающих школ (сект), процветавших в Китае того времени, каждая из которых развивала различные методы духовной дисциплины. Эти две секты дожили до наших дней в Японии, а два способа тренировки до сих пор практикуются во многих местах.

Школа Сото, основанная в Японии Догеном, уходит корнями к двум великим мастерам Китая династии Тань – Тозану Рьёкай (807—869 гг.) и его ученику и преемнику Созану Хонджаку (840—901 гг.). Как четко сказано в известном выражении «молчаливое озарение дзэн» (моку со), под которым эта школа стала известна, Сото выделяет в первую очередь важность сидячей медитации. Школа Сото подчеркивает идею того, что просветление может быть достигнуто лишь посредством полного участия и трансформации всей личности ученика. Достижение просветления не может прийти вдруг; это должен быть последовательный процесс духовного возмужания. Лишь сидя в медитации долгий период времени, можно войти в состояние полной трансформации личности. Результатом сего последовательного процесса явится спокойное озарение сознания, что и есть действительная природа самости, или действительная природа бытия, уже реализованная личностью. Именно эта позиция сделала школу Сото известной под названием «школы последовательного просветления» в противовес школе Риндзай, известной под названием «школы внезапного просветления».

Ты прекрасно смотришься, Когда сидишь часами, Развернув к небесам ладони. Глаза твои закрыты. Дыхание выровнено. Внимание сосредоточено.

Рам Цзы

Школа Риндзай берет исток от знаменитого мастера дзэн Риндзай Гегена, известного своим жестоким методом обучения через тумачи и крик на учеников. Но Риндзай-дзэн, какой имеется в настоящее время с его характерными коанами, идет от выдающегося мастера этой школы времен династии Сунь – Даиэ, собравшего и упорядочившего наиболее представительные коаны таким образом, что ими можно было пользоваться в систематической последовательности в течение процесса тренировки. В такой же форме и Сото-дзэн был введен в Японию Эисаи (1141—1215 гг.)

Школа Риндзай отстаивает «внезапное просветление» в противовес «последовательному просветлению» Сото. Риндзай по природе неистово динамичен, в то время как Сото – статичен. Ставя действие, динамизм выше всего, школа Риндзай осуждает и отвергает сидение в спокойной медитации не отвергая, однако, саму медитацию, как таковую. Совсем наоборот. Но его практика не создает из ученика тип «тихо Просветленного» в статической медитации. С точки зрения Риндзай, только сидение в покое и тишине с сознанием, пустым от всех образов и мыслей, есть не что иное, как «падение в

дьявольскую бездну» пустой пустоты.

Долгие годы я копал землю в поисках голубого неба, Проходя слой за слоем посредственности.

Однажды ночью порыв ветра сорвал черепичную крышу. Кости пустоты разложились сами по себе.

Мусо

Против статической медитации школы Сото, Риндзай-дзэн ставит динамическую медитацию, то есть особый тип медитации, в которой познается сильная, динамическая активность

сознания. Коаны его также используются с этой целью. Ученику строгим образом предлагается разрешить данный ему коан через медитацию; ему приказывают «вступить в схватку» с проблемой всей целостностью тела и сознания, но – сидя в медитации. По мере необходимости медитация становится подобием поля боя духа. Коан принимает вид «металлического ядра сомнения» и забирает все силы ученика. Вдруг ядро сомнений разрывается на куски, и природа самости реализована. Таким образом, школа Риндзай утверждает, что озарение не приходит поэтапно, но наступает как резкое, внезапное пришествие духа.

Странствующий монах дзэн

Далее коснемся более подробно внутренней структуры медитативной практики школ Сото и Риндзай. Начнем со взглядов Сото.

Как мы уже отметили выше, позиция Сото относительно медитации известна под понятием «чистого дзадзэна», или «тихого озарения». Эта позиция исторически может быть отнесена к Джиншу (? – 706 г.), основателю так называемой северной школы дзэн, отмеченной особой умиротворенностью. Она подчеркивает важность спокойного, квиетистского созерцания «изначальной чистоты сознания». Эта философская позиция стоит на основе теоретического признания того, что сознание, в широком смысле, состоит

из двух структурных уровней – «поверхностного уровня» и «глубинного уровня».

Конечно же, в действительности это представление носит фигуральный характер речевого выражения, ибо истоковый дзэн не имеет «слоев», выделяемых в сознании. Сознание, как его рассматривает дзэн, не есть целое с какой-либо структурной раздробленностью. Но с точки зрения практического объяснения, теория двухструктурного уровня очень удобна.

То, что подразумевается под «поверхностным уровнем», есть не что иное, как наше обычное сознание, характеризующееся непрерывным возбуждением, вызываемым бесконтрольной пролиферацией (разрастанием) образов, концепций и мысле-форм, главным образом, из-за активности дискурсивного мышления, которое никогда не отвлекается от погони за объектами внешнего мира. «Глубинный уровень» относится к тому же сознанию и всегда остается спокойным и не потревоженным, несмотря на постоянную бурю, наблюдаемую в «поверхностном сознании». Дзэн представляет эту структуру сознания в образе океана, поверхность которого взволнована, но в глубине его вечное спокойствие.

С таким представлением станет легче понять изначальное стремление дзадзэна, как утверждает школа Сото, привести всю физическую энергию в концентрированное состояние единства так, чтобы сознание, теперь абсолютно единособранное, могло мгновенно наблюдать свой собственный «глубинный уровень», который в обычном состоянии сознания остается невидимым, погруженный в волны мысле форм.

Медитация типа «чистого дзадзэна» физически состоит из того, что человек сидит уравновешенно и спокойно, «совершенно незыблемый, как скала», в позе полного лотоса или полулотоса, со скрещенными ногами, прямой спиной, ритмически отрегулированным дыханием, направленным к нижней части живота.

Поддерживая тело в подобном устойчивом состоянии, необходимо все более и более входить в однонаправленную внутреннюю концентрацию сознания. Но самое любопытное в этом однонаправленно сконцентрированном сознании есть то, что в нем абсолютно отсутствует что-либо определенное для фиксации его. Иначе говоря, нет никакого осязаемого объекта концентрации. Не имея ничего, за что мож

Если вас кто-либо спросит, в чем состоит истинный дзэн, не стоит открывать рот. Покажите ему позу дзадзэн. Тогда подует весенний ветер и раскроются цветущие лепестки слив.

Дайни Сокей

но было бы «зацепиться», сознание как бы висит в пустотности. Концентрацию не нужно поддерживать, как в случае дзадзэна Риндзаи, всепоглощающим вниманием к разрешению проблем коана. Его не надо подпитывать и постоянной визуализацией некой формы или модели, или актом поддержания определенного рода идей перед внутренним взором. Нет здесь и обращения даже к наиболее простой, йоговской технике счета вдохов и выдохов. И лишь приподнятое состояние концентрации должно быть поддержанным.

Такова вкратце идея медитативной практики школы Сото, школы «чистого дзадзэна». Это понятие дзад-зэна достигает своей кульминации с точки зрения Догена, японского основателя Сото-дзэн, видевшего в практике сидячей медитации саму актуализацию природы Будды как внутренне недифференцированное единство Бытия. Для Догена

дзадзэн не искусственно изобретенная техника для достижения просветления. Фактически высшим принципом дзэна, созданного Догеном, является то, что просветление и практика – это одна и та же вещь. Человек просветлен процессом сидения в медитации. Знает ли он об этом или нет? Ибо сидение в таком положении не просто поза тела. Это наиболее прозрачное восприятие в высшей степени экзистенциального изобилия. «Он» есть сам процесс сидения. И «он» есть осознание Бытия. «Он» есть выкристаллизованная точка универсальной Жизни. Доген говорил: «Дзадзэн состоит всецело из сидения в спокойствии. Он не средство для достижения чего-либо. Само сидение и есть просветление. Если бы, как полагают простые люди, практика отличалась от просветления, два этих понятия как бы определяли наличие друг друга (то есть осознано было просветление, связанное с дзадзэном, и оставалось сознание процесса самодисциплины, после которого достигалось состояние просветления). Такое просветление «зараженное подобным видом сознания, не есть подлинное просветление».

Отдай своё самое сокровенное. Взамен обретешь весь мир

Очевидно, что медитация «тихого озарения» в своей сути имеет статическую природу и вполне способна привести к чистому квиетизму. Школа Риндзай отрицает такую тенденцию, утверждая, что квиетизм идет вразрез с духом дзэн. Таким образом, школа Риндзай поддерживает динамизм шестого патриарха Эно (Хуэй Нэнга).

Мастер Нангаку, преемник Эно в передаче учения южной школы, однажды предостерегал одного из своих учеников: «Ты хочешь стать мастером дзадзэна или намерен достичь состояния Будды? Если твое намерение – изучать дзэн как таковой, тебе следует знать, что дзэн не состоит из сиде

Это меч, который ранит, но не может ранить себя. Это глаз, который видит, но не может видеть себя.

«Дзэнрин Кую»

ния или лежания. Ты хочешь достичь состояния Будды, сидя в позе со скрещенными ногами? Но Будда не обладает специфической формой... Попытка достичь состояния Будды сидением в медитации со скрещенными ногами более бесполезна, чем убийство Будды. Сколько бы ты ни сидел в данной позе, ты никогда не достигнешь сатори».

Школа Риндзаи, верно следующая учению шестого патриарха, занимает нетерпимую позицию в отношении медитативного метода школы Сото. Даиэ, вышеупомянутый мастер школы Риндзаи, говорил:

«Когда вы разговариваете с вашим гостем, сконцентрируйте вашу энергию на разговоре с ним.

Когда вы чувствуете спокойствие в сидячей медитации, сконцентрируйте вашу энергию на акте сидения в спокойствии. Но никогда, в процессе сидения, не считайте само сидение за что-либо высшее».

Есть ряд фальшивых мастеров, ведущих своих учеников к заблуждению, говоря, что спокойное сидение в «тихом озарении» есть высшее достижение в дзэне.

Вполне понятно, что под выражением «фальшивые мастера дзэн» Даиэ подразумевает мастеров школы Сото.

Однако школа Риндзаи не обходится без медитации. Даже напротив, так как для последователей школы сидение в медитации – основной пункт всего процесса, при помощи которого они продвигаются к просветлению. Но внутренняя структура медитации Риндзаи полностью отличается от разновидности Сото. Дзадзэн, как он понимается школой Риндзаи, не состоит из просто сидения в успокоенной ясности медитации с сознанием без мыслей, а напротив, дзадзэн состоит из сотворения сознания, ушедшего исключительно в живую, экзистенциальную проблему или мысль. Иначе говоря: «Я», теряя себя, становится как бы полностью трансформировано в Мысль. Это и есть вкратце риндзаистское понятие «думания», или «думание думания». А эта экзистенциальная трансформация происходит посредством коанов.

КОАН

Коан (кит. кунг-ан) в своем истоке, то есть во времена династии Тань, представлял собой разрешенный термин, обозначающий узаконенное обстоятельство, определяющее прецедент, положась на который, выбирались решения в случаях, одинаковых по своей природе. Как дзэнский технический термин он возник во время поздней династии Сунь, обозначая особого рода проблему или тему для медитации. В XI веке коан-упражнение было стандартизировано Даиэ и с тех пор стало популярно в школе Риндзаи Китая и Японии в течение последующих восьми веков. Многие коаны были составлены в сборники, известные под названиями «Хекуган Року» (кит. Пи Йен Лу), 1228 г. и «Му Мон Кан» (кит. Ву Мэн Куан), 1228 г. Это наиболее выдающиеся сборники.

Все коаны были представлены как медитационные темы, искусственно составленные из некоторых знаменитых древних мондо, то есть вопросов и ответов учеников и мастеров периодов Тань и Сунь, фрагментов некоторых буддийских сутр, значительных частей лекций мастеров и анекдотов, относящихся к различным аспектам жизни мастеров.

Каллиграфия

Коаны, не взирая на разнообразие их контекстов, все имеют одну и ту же структуру, ибо все они представляют собой медитационные темы. И все они являются выражением парадоксального, шокирующего, сложного языка высшей Реальности в понимании дзэн. Это означает прямую, сильную презентацию в вербальной форме Бытия – голую индивидуальную кристаллизацию, изначально не продифференцированную. Как проблема, заданная мастером ученику, в большинстве случаев преднамеренно бессмысленная, она представлена таким образом, что с самого начала путает дискурсивное мышление с целью пробуждения в ученике особого уровня экзистенциального понимания с включением всей его личности – тела и сознания – далеко за пределами постижения интеллекта.

Однако не следует думать, что коан предназначен лишь для сбивания с толку своей бестолковостью. Имея в виду, что коаны изначально образовывались из ранних мондо, анекдотов и т.д., легко заметить определенное значение, присущее каждому из них также и в рамках интеллектуального понимания, стоит лишь нам вернуть тот или иной коан в его исторический контекст и воспринять его с этого угла зрения. Другими словами, каждый коан содержит особое значение, благодаря которому он выглядит как краткий конспект философии дзэн.

– Что такое тайна тайн? – спросил монах у Тодзана.

– Язык мертвеца.

Классический коан дзэн

Таким образом, коан представляет собой как бы двухмерную конструкцию. Два абсолютно разных измерения, но необходимым образом отражающих различные его стороны. Осмысление этого факта очень важно, потому что эти два измерения легко спутать, что часто и случается, а эта путаница весьма фатальна для правильного понимания Риндзай-дзэн.

В одном из двух измерений (названном нами условно «первым») коан представляется как осмысленное выражение или анекдот, не важно даже, каков налет бестолковости может присутствовать в нем на первый взгляд. В этом измерении коан обязательно несет четкое философское значение, вполне «хватанное» интеллектом. Каждый коан в этом смысле – это своего рода исторический документ, делающий скидку на интеллектуальную интерпретацию. Сначала может показаться, что возник непреодолимый барьер для интеллектуального достижения, но он так ловко выстроен, что, в преодолении его этот барьер на высшем этапе обязательно рушится.

Во втором измерении, напротив, коан – не наполненное смыслом выражение или анекдот; по крайней мере, он не берется во внимание как таковой. В этом измерении коан – в полной мере иррациональная проблема, рассчитанная с самого начала на то, чтобы подвести сознание к «мертвой точке», перекрывая один за другим все возможные каналы к привычным клише мышления, с целью заставить сознание двигаться сквозь огромное внутреннее напряжение, подвигая его к состоянию психоза и, таким образом, вводя его в конечный «прорыв». В данном аспекте каждый коан есть не что иное, как своего рода искусственно изобретенное средство для образования психологического шока у ученика. Но отличительной особенностью является здесь то, что наше сознание так сильно привязывается к работе на уровне интеллектуального понимания и никогда не успокаивается до тех пор, пока не находит «значение» в любом вербальном произнесении или утверждении, что почти невозможно ему вступить в схватку с коаном, как с неистовым, радикальным психологическим шоком. Отсюда строгие предупреждения всех мастеров дзэн против «думания», против малейших попыток со стороны учеников «понимать» значение коанов.

– Я осел, – сказал Дзесю.

– Я задница осла, – сказал Бун-он.

– Я ослиный помет, – сказал Дзесю.

– Я черви в ослином помете,

– сказал Бун-он.

– Что ты там делаешь?

– Я провожу там лето.

– Иди за фруктами, – сказал Дзесю.

Классический коан дзэн

Теперь проиллюстрируем два измерения коана, подчеркнутых выше. Возьмем, для примера, следующий знаменитый коан – «Цитрусовое дерево во дворе» Джошу (кит. Чао Чоу).

Однажды монах спросил Джошу: «Скажи мне, каково значение Первого патриарха, пришедшего с запада?» (Имеется в виду, какова высшая правда дзэн-буддизма).

Джошу ответил: «Цитрусовое дерево во дворе!»

Каково отношение между цитрусовым деревом во дворе и действительной, живой сущностью буддизма, принесенного в Китай из Индии Бодхидхармой? При обычных обстоятельствах ответ Джошу прозвучал бы бессмысленно. Однако с точки зрения философии дзэн (то есть «первого измерения») слова Джошу имеют смысл как ответ на вопрос монаха. Короче говоря, Цитрусовое дерево Джошу выражает то же, что и понятие Истинный Человек – вне условностей. Единственной разницей между этими двумя понятиями является то, что последнее – изначально Недифференцированное – представлено как чистая субъективность, в то время как в первом, то же Недифференцированное проявляет себя как чистая объективность. Как мы заметили ранее, изначально Недифференцированное, как представление дзэн, есть само по себе за пределами субъективности и объективности, но оно в одно и то же время являет такую природу, что свободно может проявляться как абсолютный Субъект, или как абсолютный Объект, или как оба сразу, а именно, в случае Субъект – Объект.

Вот где мысль бесполезна; Вот куда знание не проникает.

«Синдзинмэй»

Важно отметить, что Недифференцированное не может существовать в своей изначальной непродифференцированности, так как для того, чтобы существовать, оно должно необходимым образом дифференцировать (различить) самое себя. Иными словами – четко выкристаллизовать себя как нечто субъективное или объективное. А так как Недифференцированное дифференцируется в полной степени, то есть без остатка в каждом из мириад вещей и явлений, то каждая эта вещь или явление не отличается от Недифференцированного, кроме как на уровне неартикуляции или артикуляции.

Цитрусовое дерево во дворе! Как по волшебному зову весь мир являет себя из метафизической основы – Пустоты (шуньяты).

Весь мир в Цитрусовом дереве. Джошу – Цитрусовое дерево. Монах, вопрошающий к нему, – тоже Цитрусовое дерево. Короче, нет ничего, кроме Осознания Цитрусового дерева, потому что в этом – метафизическое Ничто, само Бытие в своей недифференцированности проявляется как Цитрусовое дерево, уникальное и в то же время универсальное.

Теперь попытаемся интерпретировать (конечно же, снова с позиции «первого измерения») еще один коан, иллюстрирующий в несколько отличной форме тот же аспект дзэнской метафизики. Коан состоит из единого и очень простого повелительного предложения.

Воистину, из-за того, что принимаем и отвергаем, Мы не можем постичь таковость вещей.

«Синдзинмэй»

«Послушай звук хлопка одной руки!»

В отличие от множества коанов, обычно упоминаемых в дзэнских текстах, исконно китайских по происхождению и относящихся к высказываниям и делам мастеров времен

династии Тань, этот коротенький коан – оригинальный медитационный предмет, придуманный по-новому в XVIII веке Хакуином, одним из величайших мастеров Рин-дзай в Японии. Коан, широко известный как Секишу (одна рука) мастера Хакуина, доказал свою эффективность в обучении дзэну так, что стал по популярности в Японии почти таким же, как «Му!» (Нет!) Джошу.

Хакуин требует от своего ученика слушать звук хлопка одной руки. Если хлопнуть обеими руками, появится обычный в таком случае звук. Что же такое звук хлопка одной руки? В обычных условиях это будет просто бессмысленным вопросом. Однако, как в случае с цитрусовым деревом, коан заключает скрытое метафизическое значение, открывающееся интеллекту в «первом измерении».

С целью лучшего схватывания сего философского понятия предоставим читателю известный дзэнский анекдот, связанный со всесущностью ветра в мире. Драматис персонэ (dramatis personae) здесь мастер Маеку (кит. Ма Ку) и монах.

Отдохни от самого себя

Как-то раз мастер Маеку Хотэцу обмахивал себя веером, когда к нему подошел монах и сказал: «Природа ветра постоянно вездесуща, поэтому в целом мире нет места, не охваченного им. А если это так, почему же ты пользуешься веером?»

Маеку ответил: «То, что ты знаешь, есть лишь теория о том, что ветер рассеян по всему миру».

Монах спросил: «Тогда где же настоящее значение ветра, рассеянного по миру?»

Мастер лишь продолжал обмахивать себя веером.

Монах почтительно поклонился и ушел.

«Природа ветра» фактически не отличается по существу от того, что мы знаем под более обычными названиями, например, «природа Будды», «самостная природа», «сознание» и т.д., все из которых указывают на «Абсолют» в понятии дзэна, а именно – Реальность как таковую, до субъективно-объективного раздвоения, изначально Недифференцированное, которое еще недифференцированно, но которое в то же время готово дифференцировать себя в виде феноменального ветра.

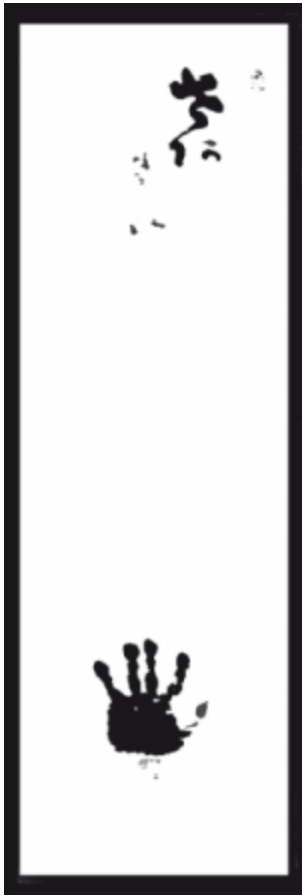
«Природа ветра» проникает во все уголки мира. Нет ни единого не заполненного им места. И, в соответствии с типичным дзэнским образом мышления, причина прохладного ветра оттого и есть в том месте, где человек пользуется веером. Однако, наиболее важным пунктом является то, что эта постоянно вездесущая «природа ветра» не актуализируется здесь и сейчас до тех пор, пока человек не обмахивает себя веером; что универсальный Ветер может существовать только через уникальный акт использования веера. Таким

образом, мы снова возвращаемся к нашему старому знакомому метафизическому тезису, а именно, что Недифференцированное существует лишь через свою собственную дифференциацию.

Мы не можем не удивляться многообразию выражения одной и той же невыразимой истины. Здесь мы видим многообразие, в котором Ум не потерян; одно есть другое, даже если это не очевидно.

Р. Х. Блайс

Теперь вернемся к коану «одной руки» Хакуина. После того как мы разобрались с коаном «ветра» Маеку, будет довольно просто ухватить внутреннюю структуру хлопка одной руки. Так же, как «природа ветра» вездесуща, звук одной ладони – «природа звука», иными словами, также постоянно вездесуща. «Природа звука», которая в данном случае представлена как «звук хлопка одной руки», присутствует везде, готовая реализовать себя в любой момент как эмпирически слышимый звук, когда бы и где бы кто-нибудь не захотел ударить в ладоши. Дзэн идет дальше и утверждает, что сознание слышит звук даже до того, как он эмпирически реализован, даже в стадии хлопка одной руки. Таким образом, в «звуке одной руки», или «природе звука», мы сталкиваемся снова с недифференцированным в его определенном онтологическом стремлении к артикуляции себя как физически слышимого звука. Дзэн в данном случае состоит в «смотрении вовнутрь» «природы звука» в определенный момент, когда последний начинает звучать и раскрывает свою, свойственную ему, склонность артикуляции. Вот что подразумевается под понятием звука хлопка одной руки. Заметим, что когда две руки соединяются в хлопок, артикуляция уже имеет место, и «природа звука» скрывается за физически слышимым звуком.

К вышеизложенному относится и замечание другого знаменитого японского мастера Банкеи по поводу слышания звука храмового колокола до того, как он услышан:

«Послушайте, звучит колокол; вы слышите его звук. Собственно говоря, вы постоянно и бесконечно осознаете звук колокола даже до того, как по нему ударят, а звук действительно слышен. Ясное осознание звука колокола до его звучания – это осознание, я называю «не рожденное сознание Будды». Осознавать колокол лишь после того, как он прозвучал, – все равно, что ловить следы чего-то уже произошедшего. В этом случае вы уже впадаете во вторичное положение или третичное, теперь вы уже не в положении первичности Недифференцированного».

Чистый, абсолютный субъект – «не рожденное сознание Будды» Банкеи всегда находится в пробужденном состоянии и является бесконечным слышанием звука колокола. И именно поэтому, когда по колоколу ударяют, мы сразу, без малейшего колебания, осознаем звук – как звук колокола. И с точки зрения дзэна, абсолютный субъект в подобном контексте полностью идентифицируется со звуком или «природой звука». Таким образом, абсолютный субъект есть звук.

Эти и подобные интерпретации, однако, относятся только к «первому измерению» коана. Они, с точки зрения строгого подхода в дзэне, вторичны по значению. Но нельзя просто отрицать существование такого измерения интеллектуального понимания. Хотя, с методологической позиции мастеров дзэн, то есть вышеупомянутого «второго измерения» коана, всякие интеллектуальные интерпретации должны категорически отвергаться как нечто существенно ненужное, бесполезное и даже вредное.

– Что такое глаз древних, о котором говорят, что монах должен его приобрести? – спросил Уммон, и сам ответил: – Лягушка, танцующая до небес.

Классический коан дзэн

Фактически, обретая совершенное интеллектуальное понимание коана, мы не достигаем ничего значительного. Даже напротив, коан по своей природе таков, что чем больше углубляешься в него интеллектуальным пониманием, тем дальше уходишь от его духа, немедленное схватывание которого и есть единственное в практике дзэн.

Таким образом, любое понимание коана интеллектом – неважно, насколько это понимание будет полным и точным – создает преграды на пути того, кто следует дисциплине дзэн.

Следует отметить, что отрицание всякого интеллектуального понимания коана в дзэне абсолютно и бескомпромиссно. Даже сам ментальный подход попытки понять коан – вещь, отвергаемая сразу же. Ибо уровень сознания, на котором функционирует интеллект, является тем, что должно быть преодолено во что бы то ни стало. Именно поэтому дзэн так категорически отвергает всякое философствование. Можно значительно преуспеть в разработке системы глубокой философии на базе интеллектуальной интерпретации коанов, оставаясь при этом на уровне дискриминирующего интеллекта и не достигая общей трансформации личности для немедленного схватывания Недифференцированного, а именно того, к чему исключительно стремится дзэн.

Коан в его «втором измерении», то есть коан как практическое средство дисциплины, как метод, не есть предмет, понимаемый интеллектом. Напротив, его следует воспринимать как технику, специально отработанную с целью почти силового подталкивания ученика к существующей ситуации, в которой у него абсолютно нет возможности позволить его мыслям функционировать. В соответствии с принципом, ученик сидит в медитации, концентрируя сознание день и ночь на коане, но не для того, чтобы думать о нем или пытаться понять его значение, а просто, чтобы разрешить его в полной мере. Но как может он разрешить проблему, которая с самого начала рассчитана как неразрешимая? Этот вопрос ставится перед ним с самого начала. Единственно изначальный путь разрешения коана в традиционной манере дзэн Рин-дзай есть «становление самим коаном», или становление в полной мере одним целым с коаном. Решением Цитрусового дерева Джошу, например, является чье-либо становление цитрусовым деревом. Решение Одной руки Хакуина лежит в том, что необходимо стать «звуком хлопка одной руки». Но в чем же конкретно заключается «становление коаном»? Вероятно, «становление коаном» определяет экзистенциальный процесс. Что же тогда представляет внутренний механизм этого процесса?

...ведь это естественный путь исцеления от вашей собственной ужасной отчужденности, именуемой нормальностью.

Доктор Ленг

Ничто не дает лучшего ответа на этот сложный вопрос, чем традиционный подход к коану Джошу

«Му!» (Нет! или Ничего!) в духе секты Риндзай, как к наилучшему средству для обучения учеников. Коан, который широко известен как «Собака Джошу» или «Слово-Му Джошу», гласит:

Однажды монах спросил мастера Джошу: «Обладает ли собака природой Будды?» Мастер ответил: «Му!» (кит. «Ву!»).

Понимание этого коана через «первое измерение», являющееся философским значением его, ясно теперь без дальнейших пояснений. Исходя из позиций метафизики махаяны, придерживающейся идеи того, что природа Будды (то есть Абсолют) универсально присутствует во всем, монах спрашивает Джошу, имеет ли даже такое животное, как собака [4 - В буддийской традиции собака – «грязное» существо. Она воплощает в себе комплекс ярко выраженных черт человеческой натуры: раболепие, предельная неуравновешенность, постоянное смятение чувств, полная зависимость от окружающих обстоятельств и т.п. Не ухоженная человеком, собака всегда издает смрадный запах, привлекая к себе демонов мрака, питающихся запахами зловония. Самое большое наказание для буддиста (особенно ламаиста) – перерождение в это животное. Из птиц голубь считается «грязным» существом.], природу Будды или нет, пытаясь тем самым как бы определить глубину сознания дзэн-мастера. Как обычно, мастер разбивает вдребезги концептуальный уровень, на котором монах строит свой вопрос, представляя ему прямое «Му!» – супра-концептуальную реальность. Абсолют, указывает он, переходит понятие обладания или необладания собакой оного. Проблема обладания или необладания просто не существует в измерении, на котором находится Джошу. Такая проблема может быть поднята на уровне интеллектуальной бифуркации (раздвоения). Но как скоро мы остаемся привязанными к уровню бифуркации, реальное достижение проблемы недостижимо. Таким образом, Джошу вместо того, чтобы дать монаху утвердительный или отрицательный ответ на его вопрос, резко выбрасывает ему под нос саму природу Будды в виде Ничто, то есть изначально Недифференцированного. «Му!» в этом смысле играет ту же роль, что и «Цитрусовое дерево» или «звук хлопка одной руки».

Стоит также упомянуть, что существует и еще одно более элементарное или, даже можно сказать, более примитивное измерение этого анекдота в его коановом статусе. В его оригинальной версии, до того, как он обрел определенную форму, и до того, как он стал использоваться как таковой, существовал довольно длинный анекдот более догматического характера, в котором Джошу описан как мастер, дающий два противоречивых ответа «да» и «нет» на один и тот же вопрос, заданный двумя монахами по разным случаям. Как прекрасный образчик докоановского анекдота здесь приводится часть оригинальной версии, в которой Джошу занимает негативную позицию:

Монах спрашивает Джошу: «Обладает ли собака природой Будды или нет?» Джошу отвечает: «Нет!» Монах (в соответствии с буддийской сутрой): «Все чувствующие существа наделены природой Будды. Тогда возможно ли, что собака обделена природой Будды?» Джошу отвечает: «Это все от того, что собака существует по ее собственной карме».

Последнее заявление Джошу может быть объяснено нашим языком как следующее. Природа Будды (которая есть вездесуща) полностью уничтожает факт того, что через собачью карму (то есть через ее внутреннюю онтологическую склонность к проявлению себя как собаки) природа Будды принимает форму индивидуальной собаки. Как долго нас

интересует осознание индивидуально дифференцированной собаки, так долго и отсутствует даже малейший след супра-временного и супра-пространственного осознания Недифференцированного. Правильна ли эта интерпретация или нет, совершенно определено то, что в конечном итоге, что, как отметил Доген, природа Будды, как таковая, абсолютно безгранична и не существует, да и не может существовать, в ее исходной чистоте как нечто ограниченное. Таким образом, анекдот уже в своем докоановском статусе четко указывает на то, весь анекдот касается буддийской догмы, и что «Му!» Джоши в этой конкретной установке должен восприниматься как обычное «нет», отрицаемое существование природы Будды в собаке, которое означало бы в конечном итоге, что, как отметил Доген, природа Будды, как таковая, абсолютно безгранична и не существует, да и не может существовать, в ее исходной чистоте как нечто ограниченное. Таким образом, анекдот уже в своем докоановском статусе четко указывает на то, что составляет уже в статусе коана вышеупомянутое «первое измерение».

Говорить, что есть природа Будды, – это называется клеветой привязанности. Говорить, что нет природы Будды, – это называется клеветой лжи.

Бай-Чжан

Как уже неоднократно указывалось, однако, такое понимание есть не что иное, как необходимое интеллектуальное ухищрение с точки зрения «второго измерения». В этом измерении «Му!» должен выполнить определенно иную функцию. Анекдот в качестве коана должен сработать как психотехника, и «Му!» выполнит роль управляющей силы, вызывающей общую трансформацию всего психического механизма ученика дзэн.

Вместо попытки поиска значения коана, ученик строго направляется на созерцание этого «Му!», пока вся его субъективность не растворяется и трансформируется в этом «Му!». Все, что от него требуется, это выйти на неуловимое «Му!» без думания о нем. «Не путайте «Му!», – предостерегает мастер Мумон (кит. Ву Мен), составитель «Му Мон Кана», – с абсолютной пустотой или с ничто. Даже не определяйте его в терминах «существует» или «не существует». Иными словами «Му!» Джошу не берется как отрицание существования Абсолюта в собаке. Проблема находится за пределами существования или не существования чего-либо. В совершенно различном измерении сознания проблема должна быть трансформирована в «нечто подобное железному, докрасна раскаленному шару, который вы проглотили и который вы не способны вырыгнуть, как бы ни старались». [5 - Мумон Экаи. Комментарии к коану.]

Вводя себя в состояние глубокой, однонаправленной концентрации, ученику следует продолжать созерцать «Му!» упорно и напряженно, повторяя в то же самое время слово «Му!» молча или вслух до тех пор, пока все его тело и сознание, как бы теряя ощущение себя, входят в определенное состояние, указанное словом «Му!», то есть до тех пор, пока он не достигает того же уровня сознания, в котором сам Джошу произнес слово «Му!», за пределами раздвоения сознания в субъекте и объекте. Вне всякого сомнения факт того, что звучание единственного слова «Му!» в подобном состоянии интенсивной концентрации производит почти такой же эффект, как и произнесение мантры. Но особая семантика слова «Му!» (ничто) также вносит огромный вклад в появление у ученика специфического психологического состояния, в котором субъект и объект сливаются в абсолютное единство чистого знания. Для ученика, который может быть затронут объективизацией «Му!», ставя его как бы перед собой, как что-либо для созерцания, рано

или поздно возникает понятие того, что сама семантическая структура «Му!» представляется невозможной для осознания ее в качестве объекта и что это может быть осознано лишь его (ученика) революционизированием собственного сознания, при помощи открытия, в котором «Му!» актуализировано в его метафизической реальности, в его «данности», как ничто в смысле абсолютно недифференцированной полноты Бытия. Только тогда ученик осознает, что его более нет там, что там нет ни его «Я», ни его «не Я», но только «Му!» – единое «Му!», без всякого намека на дуальность.

Смеющийся монах

Большая часть того, что для нас очевидно в отношении мира, что мы считаем не преложными священными истинами, может и должно быть подвергнуто сомнению.

Ч. Гарт

Таков в широком смысле инструментальный аспект коана. Даже при столь коротком рассмотрении становится ясно, каким разным может быть один и тот же коан при подходе к нему с точки зрения двух различных измерений. В первом измерении «Му!» метафизично, актуализация его находится в самой дзэнской метафизике. Во втором измерении, наоборот, «Му!» – метод, нечто, при помощи которого ученик подчиняется определенной дисциплине раскрытого: того, что мы ранее определили как «глубокий уровень» его сознания.

Но все это в одно и то же время проливает свет на близкую связь, соединяющую эти два измерения коана одно с другим. И только на очень «глубоком уровне» сознания, которое, таким образом, становится раскрытым методологическим использованием «Му!», это «Му!» актуализируется здесь и сейчас.

Итак, нами предпринята попытка представить медитативную технику дзэн так, как она была исторически развита – сектами Сото и Риндзаи. Принципиальной задачей тут стало дальнейшее освещение факта того, что дзадзэн, или сидение в медитации, является в дзэне вовсе не техникой, опустошающей сознание в смысле доведения его до полной ментальной бессодержательности, но, напротив, что оно включает активацию наиболее

интенсивной и сконцентрированной работы сознания на определенном его уровне, где субъект и объект уже не дифференцируются друг от друга, и, наконец, что подобного рода работа сознания заслуживает определения, как очень специфический тип мышления. Наиболее очевидно в использовании метода коана в школе Риндзаи (хотя и метод «чистого дзадзэна» школы Сото также заслуживает внимания), что тот образ «глубинного думания», описанный выше, срабатывает безукоризненно и может применяться каждым, желающим посвятить себя выработке силы уравновешенного сознания, которое и является медитативным состоянием его.

Young and innocent
Yet old in the way of Life
Help yourself by
being yourself
For freedom is there
For happiness is there.
Сифу Дуглас, Лим Вонг

ПОЕДИНОК – ВИД КОАНА

Поединок, также как и словесный диалог, можно использовать для демонстрации тщетности рассудочного мышления, добиваясь того, чтобы ученики отказались от данной формы мышления, непосредственно переживая состояние спонтанного адекватного реагирования на все происходящее в «диалоге поединка».

На определенной стадии «продвинутости» в плане психофизического, технического развития ученик в поединке не ищет совета со стороны – решения должны находиться сами, собственными усилиями. Каждый миг возникает новая ситуация, требующая правильного, интуитивного разрешения, когда нет разделения типа: вот партнер, вот поединок, а вот я. Когда атмосфера поединка, как и коана, становится частью ученика.

Поединок, так же как и коан, нельзя логически осмысливать для нахождения правильного ответа. Тут нельзя много размышлять над самой проблемой. Сколько ни размышляй, не сможешь найти удовлетворительного ответа, поскольку логического ответа тут не существует.

Рыцарство – цветок не менее естественный для почвы Японии, чем ее эмблема – вишня в цвету; это отнюдь не иссохший образец античной добродетели, хранимый в гербарии нашей природы.

Инадзо Нитобэ

Поединок как метод практики медитации требует более скорого вхождения в состояние происходящего, иначе партнер может перехватить инициативу. Опытные партнеры обычно интуитивно чувствуют, когда появляется неверный ответ, то есть когда создается ситуация неправильного реагирования, и тут же исправляют ее, осознавая то, что сложилась она под влиянием проявления их собственных мыслей. Конечно, все происходит в доли секунды, ибо коан поединка не терпит долгих исправлений и

затянувшихся выборов верных ответов!

В поединке, воспринимаемом как коан, каждый партнер одновременно и ученик, находящий верный ответ, и учитель, старающийся загнать ученика в тот или иной тупик. Но если же один из партнеров, на миг находящийся в роли ученика, не уверен в своем выборе и представит такие ответы своему учителю, то результат будет не завидным.

Конечно, чтобы обрести опыт поединка не как очередной драки, спарринга, кумитэ и т.п., а коана, необходимо освоить метод обретения невозмутимости духа. Невовлеченность в переживания позволяет здесь сохранять стабильное состояние психики в любых экстремальных условиях. Боец, находящийся в подобном состоянии, реагирует на события целостно и спонтанно, действует молниеносно. Здесь сознание и бессознательная сферы интегрированы в единое целое, вследствие чего эмоции не могут влиять на поведение. Однако достичь до подобного результата удастся через многие годы ежедневных психофизических упражнений.

В идеале гуру создаёт снаряд самоуничтожающихся иллюзий, которые разрушают жизни, отрицающие иллюзии, и «создают пространство», в котором он может просто быть.

Л. Рейнхард

ЛЕКЦИЯ 12

Будо. Сила и разум. Принцип «здесь и сейчас». Учение Кэмпо-дзэн

БУДО

Отличительной особенностью всех японских боевых искусств является то, что при овладении ими основной акцент делался и делается прежде всего на морально-этическую сторону и достижение психической уравновешенности, а затем уже на формирование физически развитой личности. Морально-этическое содержание таких дисциплин, как кэндо, кюдо, дзюдо и другие, показывается иероглифом «до», указывающим на нравственный принцип, связанный с дзэн-буддизмом.

Познание «до» («правильного», «истинного пути») всегда считалось самым главным в японском фехтовании, стрельбе из лука, борьбе без оружия, даже в плавании; чем-то таким, что совершенно необходимо для гармонического развития индивидуума. «До» идентично понятию «Дао», трактуемому в китайской философии и эстетике как первопричина всего духовного и материально существующего, как источник всех явлений бытия, как «путь» природы. По мнению теоретиков боевых искусств, целью и сутью их было и есть соприкосновение воина с «до», то есть слияние единичного с целым. Иными словами, «до» должно помочь воину «войти в соприкосновение с божественным духом, уловить его присутствие, увидеть его существование». Это вполне соответствует дзэн-буддизму, провозглашающему, что «изначальная природа Будды» присутствует во всем

одушевленном и неодушевленном и постигается через просветление (сатори).

Познавая «до», воин должен достичь военного мастерства, тождественного «истинному пути», и «войти в совершенную гармонию с природой», частью которой является каждый человек. Поэтому на психологическую подготовку воина всегда обращалось большое внимание. Решающими факторами в деле выработки силы духа были отрешенность от всего постороннего (т.е. концентрация внимания), медитация и следование ритуалу.

Развитие самообладания, трезвости мысли и хладнокровия не означает, однако, что в боевых искусствах самураев физический фактор считался несущественным. Являясь вторым образующим элементом боевых искусств, физическое воспитание требовало от воина кропотливого оттачивания техники, развития силы и выносливости, выработки почти инстинктивной реакции и феноменальной координации движений. Все это достигалось в результате ежедневных и многочасовых тренировок, выступающих в качестве репетиций боевых действий.

СИЛА И РАЗУМ

«Как стать сильным? Как стать могучим? Как просветлить сознание, контролировать поведение, обрести мудрость?»

С самого начала своей истории человечество вынуждено было все более и более раздвигать пределы своей силы и разума, поднимаясь до суперсилы и суперразума.

Но благодаря чему возможно стать в одно и то же время сильным и разумным?

В Японии это достигается при помощи практики боевых искусств или будо совместно с

дзэном. Это учение с богатыми традициями, дошедшее до наших дней, хотя японское будо подернулось в какой-то мере дуализмом, и современные ученики больше пекутся о том, как стать сильными, и меньше – как получить мудрость. Сила и разум: дзэн соединяет эти понятия в одно. Ни для кого не секрет, что возможности нашего тела, равно как и ума, ограничены: это закон нашего состояния. Мудрость также имеет пределы, так как мы просто люди. Человек не может сравниться своими физическими возможностями, скажем, со львом, он и не в состоянии претендовать на космическую мудрость.

Ну а почему бы и нет? Разве нет каких-либо средств для обретения человеком возможностей преодолеть пределы человеческого? Зайти за них?

Освобождаясь от общества и от своего эго, мы обретаем истинную свободу.

Эта свобода означает не страх.

Кодо Соваки

На этот вопрос дает ответ боевое искусство в виде его принципа ваза. Ваза – это искусство, вид сверхтехники, передаваемой от учителя к ученику, овладение которой ставит человека на доминирующий уровень. Она развивает мощь за персональными пределами любого индивидуума.

Когда в своем сердце мы следуем Истинному Пути, Боги будут с нами, Даже если мы не читаем молитв.

Такуан

Дзэн в свою очередь развил другого рода супертехнику, которая не только обеспечивает физическую и ментальную силу, но и открывает путь к разуму; путь к разуму природы будды. Это дзадзэн – практика правильного сидения в традиционной позе, правильной походки, стояния, дыхания. Он воспитывает отношение сознания, называемое хиширьё – состояние мысли без процесса думания, сознания за пределами мысли».

Таисен Десимару

«Выживание сильнейшего – это закон природы, который приложим ко всем живым существам. Несмотря на то, что сила является решающим фактором в животном мире, среди людей сильнейшим считается тот, кто превосходит других не только физически, но и умственно. Интеллектуальные способности человека объясняются тем, что он прошел долгий путь эволюционного развития. В идеале человек не должен прибегать к физической силе для разрешения конфликтов подобно тому, как это делают животные, но, тем не менее, на всем протяжении исторического

Да, выживание – это не только первая цель ума, это единственная цель ума.

В. Эрхард

развития человечества мы наблюдаем противоречащее всем доводам рассудка стремление к физическому насилию как к последнему средству разрешения споров.

Причиной, очевидно, является то, что человек, опирающийся на силу в самом деле сильнее человека, полагающегося только на доводы разума, поскольку первый вполне может уничтожить второго, тогда как второй будет физически беспомощен, даже если также прибегнет к силе. Быть просто правым недостаточно. К сожалению, справедливость

должна отстаиваться при помощи силы. Законы и обычаи любого общества уважаются только до той степени, до которой они подкреплены силой. Сила необходима человеку, но не для убийства или разрушения, а для защиты жизни. Если справедливость поддержана силой, то человек сможет остановить нападающего, защищая собственную жизнь. Это и есть любовь в действии, противоположная пассивной покорности, от которой нет ни малейшей пользы».

Сё Дошин

«Я вошел в дзэн вратами боевых искусств, у которых стоял монах в шафрановой накидке, хотя занятия боевыми искусствами вовсе не являются единственным способом постижения дзэн.

Некоторые люди приходят к дзэн внезапно; в конце концов. Дзэн в его чистой форме обычно понимается не просто как «просветление», но как «внезапное просветление» – нечто, подобное пробуждению от глубокого сна или от продолжительной «рассеянности», то есть означает пробуждение от поверхностной путаницы в восприятии этого мира. Захватывающие притчи об адептах (мастерах) дзэн, достигших такого внезапного просветления, говорят очень многое не только о самом дзэн, но и о том, что он означает сегодня, как он согласуется с нашим современным миром.

И дзэн действительно превосходно вписывается в наш мир. Люди достигают просветления в кузове грузовика, забитого автомобильными запчастями, во время бритья или когда вынимают газету из почтового ящика.

Просветление реально и всегда находится в пределах досягаемости; в любое мгновение мы можем очнуться от нашего текущего восприятия окружающего мира к совершенно иному взгляду на него. При таком просветлении не происходит никаких перемен, кроме изменения нашей точки зрения, но она изменяется навсегда.

Со всей своей долголетней силой и мудростью, со всем своим опытом и глубочайшим состраданием. дзэн желает, чтобы вы нашли себя. дзэн деятельно стремится к тому, чтобы вы достигли счастья и удовлетворенности своей жизнью.

Просветление есть конечная цель, это будущее, но даже само принятие решения сделать верный шаг, одно лишь обращение лица в правильном направлении может оказать мощнейшее воздействие на день сегодняшней, на то, как вы проживаете каждый миг своей жизни, начиная с этого момента. Не может быть сомнений в том, что дзэн можно применять при любом образе жизни, – каждый человек в любых обстоятельствах может войти в дзэн; и я убежден, что это использование обязательно пойдет на пользу, ибо дзэн начинается именно на человеческом уровне – с того, что люди думают о себе и о других, –

и заканчивается тем же.

Если вы будете придерживаться Дзэн достаточно долго, пытаясь разрешить вопросы, не имеющие «верного» ответа, вы обнаружите, что ваш разум способен двигаться в новых направлениях, и постепенно ощутите в себе новые силы, с помощью которых сможете расширить свои умственные горизонты.

Я очень ценю один важный аспект дзэн – он учит нас тому, что мы не одни. В глубине души каждый из нас стремится к одному и тому же, независимо от того, называет он это «просветлением», «счастьем» или «любовью».

Слишком много людей потратили всю свою жизнь на ожидание того что это нечто само придет к ним, но это не путь дзэн. Дзэн всегда пребывает на стороне действия, он основан на совершении всего, что необходимо и правильно, поэтому его последователи живут настоящей жизнью. И потому в рамках дзэн все мы обладаем определенным родством друг с другом.

Но дзэн – это не искусство побеждать. Дзэн – это искусство побеждать или терпеть поражение.

Р. Х. Блайс

Практикой дзэн может стать чайная церемония, равно как и составление букетов, каллиграфия или стрельба из лука. Что же видит внешний наблюдатель? Мастер чайной церемонии, кажется, никогда не доберется до момента разливания чая; составитель букетов прилагает больше усилий к развязыванию пучков цветов, чем к самому их расположению; каллиграф вкладывает большую часть своей энергии в приготовление разнообразных кистей; лучник, хотя и совершает со своим луком изящные движения, выглядит совершенно не обеспокоенным такими мелочами, как наведение на цель, – судя по всему, его совершенно не волнует, попадет ли он в мишень.

Но он все же поражает ее, точно так же, как каллиграф в конце концов создает прекрасную и гармоничную страницу. Умение увидеть в каждом таком искусстве, как и в боевых искусствах, церемонию – означает начало понимания. Перейти к видению за внешним ритуалом практики и самоотверженности, уважения и дисциплины, из которых слагается искусство, означает достичь еще более глубокого проникновения.

Каллиграфия

Меткий выстрел из лука и быстрый мазок кисти каллиграфа могут показаться никак не связанными с нашей повседневной жизнью, но тот же дзэн, который придает внутреннюю энергию этим движениям, дзэн, который делает их возможными, может использоваться повсюду и каждым, кто желает развить тайную силу внутри, силу, которой все мы обладаем».

Чак Норрис

ПРИНЦИП «ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС»

Вы и я – не одно и то же. Если вы не можете отыскать решения проблем вашей собственной жизни, в конце концов вы окажетесь парализованы, неспособны более к действию.

Как создать жизнь по принципу «здесь и сейчас»?

Включаем кинопроектор, пленка останавливается, образ застывает в неподвижной статике...

Создание и концентрация энергии представляют собой элементы, общие для боевых искусств и дзэна. Если сознание сконцентрировано на «здесь и сейчас» и находится в контакте с фундаментальной энергией вашего тела, вы способны уследить за всем происходящим и держать энергию для своевременного использования.

Если рука открыта, вы способны схватить все возможное; если же она сжата в кулак,

ничего не войдет в нее. В боевых искусствах главное – проникновение в элементы и феномены, а не скольжение по ним.

Но в наши дни все желают сберечь энергию и поэтому наполовину живы. Жизнь в полнакала, и никогда в полную силу.

Вы должны учиться проникать в жизнь. Секрет боевых искусств, таким образом, лежит в том, чтобы учиться направлять сознание «рю ги», учить его верному действию. Это основа физической техники. Сознание должно быть субстанцией. Сознание – субстанция без форма, но иногда она обретает её.

Что означает высказывание: «Когда активность сознания заполняет космос, она схватывает благоприятную возможность, избегает неудачу, охватывает всю бесконечность проявлений в одном из них?» Это означает применимо к боевым искусствам то, что в поединке сознание наше не должно зависеть от движений противника. Сознание должно двигаться свободно, без направленного желания атаковать, но и не ослабляя своего внимания ни на мгновение.

Всё это также применимо и к нашей повседневной жизни. Многие люди ни о чем другом не думают, как только о деньгах, так как они якобы удовлетворяют весь комплекс желаний, и ради них теряют порой честь и славу. Другие люди желают лишь чести и славы и ради них теряют деньги. Третьи, к примеру, фиксируются на любви и ради неё теряют деньги, энергию и т.д. А счастье, однако, не однобоко.

...Ежеминутно возле Бога,
Не отрываясь ни на миг!
Вниманьем всем, душою всею
Быть вечно здесь, не где-то там.
Нет, предпочел пахать и сеять
И с божьих глаз ушел Адам.

3. Миркина

Мы должны создать нашу жизнь, освободить себя, стать непредвзятыми, просто соблюдая принцип «здесь и сейчас», ибо всё реально существующее есть в моменте настоящего.

«Отражение луны бесконечно движется на поверхности воды. Однако луна сияет на небе и никуда не движется, она стоит, но она движется».

Коротенькая поэма о секретах дзэна и боевых искусств, но в то же время великий коан.

«Поток никогда не течёт назад. Вода бежит и бежит, но луна не движется. В поединке сознание должно быть подобно луне, тогда как тело и время утекают, как поток воды».

«Сейчас» никогда не возвращается. В дзадзэне каждый выдох есть единый и неповторимый, единый сейчас, и это никогда не приходит снова. Конечно, можно задержать дыхание, но то, что вы задерживаете, это не то, что было до того. Выдох после – не есть выдох до того как. Вчера было вчера, а сегодня – сегодня.

Воистину, наступила пора жить в реальности настоящего момента! Ибо куда исчезло прошлое? Где, поджидая, притаилось будущее? И где этот настоящий момент? В недвижной точке между прошлым и будущим? В невидимой, неразличимой точке? И не там ли, не в этой ли точке заключен секрет успешной медитации и совершенной

концентрации?

К. Скрябина Редиин

Мы должны концентрировать сознание на «здесь и сейчас», создавать это «здесь и сейчас». Только так мы будем постоянно обновляться. Сегодняшний дзадзэн не тот, что был вчера. Дзадзэн должен всегда быть свежим. Не следует отдыхать во время дзадзэна, так же как и во время занятий боевыми искусствами. Формальное отношение не приведёт к успеху: выполнять всё следует, вкладывая всего себя в дело. Не надо оставлять в резерве энергию.

Концентрация сознания означает полный отпуск энергии, и так следует поступать в любом действии жизни.

Многие, даже молодые люди, сейчас живут как полумертвые. Их сексуальность также вполне адекватна, так как думают они о сексе всегда, тем самым теряют энергию ещё до того как и, не выкладываясь на деле из-за отсутствия концентрации сознательной энергии, и так следует поступать в любом действии жизни.

Так и в боевых искусствах: если стараться сберечь энергию в схватке, вы не победите, но если вы высвобождаете энергию, у вас появляется место для свежей, постоянно готовой заполнить пустоту, подобно текущей воде ручья. Это один из секретов боевых искусств. Нельзя полагаться только на ваза (технику). Надо ещё и творить.

像教行子孔師先

Старый воин

Если богач дает сыну деньги, сын никогда не научится их зарабатывать, в то же время сын бедняка придумает что-либо для поддержания себя.

Мы стремимся добиться успеха в жизни, вместо того, чтобы сделать успешной саму жизнь.

Роши Кайсен

Боевые искусства не есть театр или развлечение. Секрет боевых искусств ещё и в том, что нет ни победы, ни поражения. Не надо ни побеждать, ни проигрывать. Это не спорт.

В видах спорта существует время. В боевых искусствах – только настоящий момент. В них нет времени для выжидания. Победа или поражение, жизнь или смерть разрешаются вне времени. Следует жить сейчас, именно сейчас жизнь и смерть определяются полностью.

УЧЕНИЕ ЮМПО-ДЗЭН

Кэмпо-дзэн, в широком смысле слова, есть своеобразная боевая дзэн-йога, ведущая своих адептов сквозь тернистый путь физических и психических ломок к прямому практическому познанию их самости, сливающейся с Дхармой [6 - Дхарма – сложное понятие с многими значениями: божественный закон, закон бытия, путь праведности, обязанность, добродетель, справедливость, добро, истина. По сути, Дхарма есть правильное осуществление фундаментальной природы, или предназначения. По отношению к душе – это образ поведения, наиболее благоприятный для духовного продвижения, правильный и праведный путь.]. Таким образом, кэмпо-дзэн является практическим действенным средством обретения здоровой духовности через здоровье разума и тела, исходя из суждения о том, что духовность является практической наукой, а не предметом теоретических рассуждений.

Что ты знаешь о жизни, человек, ведь дано тебе пройти путь от колыбели до могилы. Ты болтаешь чепуху о грядущей жизни и с радостью будешь бредить о небесах и преисподней.

Р. Бартон

Следует сразу отметить, что теория и практика учения не имеют ничего общего с религиозностью и существующими религиями, или с внешними обрядами и ритуалами. Его также следует отличать от сектантства.

Учение Кэмпо-дзэн, как теория и практика, реализующее в полной мере момент настоящего как единственную реальность в завершённом позитивизме, то есть, являясь преемником древних традиций дзэнского образа мышления, делает упор на духовности как на необходимом факторе развития и самореализации современного человека. В данном случае духовность определяется не как голая теория или нравоучение, но реально имеет дело с вечными и неизменными фактами самой жизни, а именно: с активно действующими силами, энергиями, приводящими в движение, оживляющими и активизирующими всю структуру человеческой личности.

Как учение в законченной высшей форме, Кэмпо-дзэн представлено в виде эзотерической системы, до конца познаваемой лишь через сакральную передачу Мастеров. Но оно же существует и успешно развивается как экзотерическая форма в виде школы Кэмпо-дзэн, которая открыта и доступна каждому, невзирая ни на какие особенности пола, национальности, вероубеждений и т.п., являясь, в первую очередь, средством оздоровления и гармонизации человеческого тела и духа.

Одна из главных идей учения – формирование гармоничной личности, однако,

лишенной при этом всех амбиций эго. Более того, опираясь на концепции Абхидхармы, индивидуальное Я представляется лишенным субстанциональности и выглядит как поток непрерывно сменяющих друг друга состояний, каждое из которых представляет собой сложный комплекс чувственных и психических элементов. То есть человеческая личность – это не форма фрагментарного, ограниченного, изолированного, эгоцентрического существования, а управляемый поток реальной жизни. И что необходимо сделать каждому человеку за время его пребывания на земле – так это научиться управлять потоком своих состояний, уже определенных им как данность.

Существуют лишь пламя вечности и зола событий. Каждый вправе выбирать то, что ему ближе и доступнее, понятнее и нужнее, – стремление к достижению вечного духовного света или бесконечное копошение в отходах вечности.

Ю. Х

Таким образом, человек – не что иное, как воплощение ряда непрерывных изменений, происходящих время от времени и никогда не повторяющихся. В связи с этим адепт школы Кэм-по-дзэн рассматривает жизнь с точки зрения срединного пути, а его жизнь – это постоянное становление, а не грамматика с будущим и прошедшим временем. Каждый момент жизни наполнен собственным временем, отличным от времени других моментов. А так как значимость жизни создается самим человеком – необходимым условием является честная попытка жить и делать каждый момент значимым, полновесным.

Учение Кэмпо-дзэн дает возможность понять, как человек может стать наставником самому себе, действовать в согласии с собой, используя свои уникальные свойства. Как, применяя на практике различные технические приемы, развить в себе духовность, став художником жизни, возлюбить Бога, отказавшись от предрассудка иметь собственное Я, освободиться от ограниченных побуждений сознания.

Исходя из идей дзэнского сознания, учение Кэм-по-дзэн определяет необходимость каждому человеку овладеть кардинальными добродетелями бодхисаттвы, или человека дзэн.

Мы привыкли при слове «бодхисаттва» представлять обязательно некое мифическое воображаемое существо, которое представляют разнообразно, не придавая ему реального образа, не видя в нем воплощенного на этой земле явления, или просто не зная идею дзэн о том, что бодхисаттва – это не что иное, как нормальный человек, высоко развитый психофизически и духовно. Это – гармоническая личность, которая живет и дает жить другим. Это – человек, который, обитая в условиях цивилизованного невежества и безнравственности, остается незараженным ими, более того, помогающий другим очиститься от «грязи» и, уверовав в себя, начать Путь Спасения.

Теперь мы видим, почему мир не работает. Очень немногие соглашаются взять ответственность за выполнение своих обязательств!

Л. Рейнхард

Добродетели бодхисаттвы известны как парамитас:

1. Дана (милосердие).
2. Шила (заповеди).
3. Кшанти (скромность).

4. Вирья (энергия).
5. Дхьяна (медитация).
6. Праджня (мудрость).

Следует разъяснить каждый пункт, чтобы все эти парамитас, так же, как и требования Срединного (восмеричного) пути, не казались чем-то недоступным простым смертным.

Дана (милосердие) – означает способность бескорыстно делиться не только материальными благами, но и познаниями мирского, религиозного, духовного рода. В плане жертвования материальными благами учение Кэмпо-дзэн следует за философией Шоринджи-кэмпо, где четко говорится, что делиться надо только тем, что у тебя есть, а не жертвовать последним, чтобы самому не умереть, предположим, от голода. Тут строго соблюдается принцип «жить наполовину для себя, наполовину – для других».

Шида (заповеди) – есть соблюдение данных Буддой заповедей моральной жизни. Кстати, это просто правила, по которым должен жить человек (если он, конечно, психически нормален), не взирая на то, к какой вере, социальной группе, национальности и т. д. он принадлежит. Это следующие заповеди: праведная вера, праведная решимость, праведные слова, праведные поступки, праведный образ жизни, праведные стремления, праведные помыслы.

Кшанти (скромность) – это скромность, умеренность во всем, а также – терпение, которое так необходимо для обретения любых благ, будь то материальные или духовные.

Вирья (энергия) – энергия, мужество, дающие нам возможность подавить свое эго, добиться собственной свободы, упражняясь в дисциплине, и через дисциплину достигнуть конечной цели – заботы о других, не ущемляя в то же время свои потребности.

Дхьяна (медитация) – это состояние, при котором в любых обстоятельствах ум находится в покое. Это требует немалых упражнений.

Праджня (мудрость) – это мудрость, но мудрость, складывающаяся не только из жизненного положительного опыта и глубоких знаний окружающего мира, но еще, а скорее, главным образом, – из чувства беско

Пройди по следам своих благодеяний
До их источника. Там – Бог
Рам Цзы

нечной тотальности вещей. Такой опыт родственен целостной интуиции, трансцендирующий всякий частный, специфический опыт. Подобное состояние сознания достигается техникой дзэн, как динамической (включающей в себя и боевую), так и статической (дза-дзэн), а также ежедневным выполнением предыдущих правил. Учение Кэмпо-дзэн утверждает также необходимость всякого рода духовной практики, отмечая при этом, что не всегда религиозная практика бывает духовной. Духовная практика рассматривается как пища для голодной души или духа человека, порой забывающего «кормить» не только тело, но и свое духовное начало. Постоянно голодающая душа начинает «бунтовать» и входить в контродикцию с сытым телом. Это закрепляется из поколения в поколение в процессе бездуховной жизни и выливается в так называемые психические расстройства.

Учение Кэмпо-дзэн утверждает, что душа человека, то есть его астральная сущность, которая, так же, как и тело, является материальной, лишь состоящей из тонкой материи, нуждается в постоянной «тонкоматериальной пище», а именно – духовной, и чем

разнообразнее меню, тем полноценнее будет развитие сей души или сути человеческого существа, подавленного грубой плотью тела. Бездуховность, то есть отсутствие пищи для души, есть причина психических расстройств, которые исчезнут сами по себе без всякой выработанной громоздкой и неработающей системы психологии, психопатологии, психиатрии, психоанализа. И единственной психотерапией станут духовность и духовные практики – именно работающие, действенные духовные практики, питающие человеческие души.

Через медитацию человек познает себя в правильной и полной мере как нечто целостное, отдаленное от проявлений окружающей жизни, но не в высокомерии и индивидуализме западного понятия, а в чистом, беспристрастном качестве, делающем его действительно личностью, сознательно невосприимчивой к внешним влияниям.
С. К., Ю. Х.

Учение и техника школы Кэмпо-дзэн дают такую пищу своим ученикам, включая всю человеческую личность в процесс выработки питающих его душу духовных элементов, с последующим правильным усвоением их.

ЛЕКЦИЯ 13

Техника медитации

ТЕХНИКИ МЕДИТАЦИИ

До недавних пор считалось, что любая медитация непременно связана с тем или иным мистическим учением или религией. Действительно, медитация составляет неотъемлемую часть йоги и дзэн-буддизма. Но сегодня уже хорошо известно, что занятия медитацией для преодоления внутренних разладов и расширения знаний о себе возможны вне всякой связи с какими-либо религиозными или философскими убеждениями. Тысячелетиями представители почти всех человеческих культур использовали ту или иную форму медитации для обретения душевного покоя и гармонии. Благотворный эффект медитации обуславливается не ориентированностью на религию, а свойствами нервной системы человека.

Медитация ведет к умению контролировать мысли и эмоции, к обретению спокойствия и сдержанности нервных

Наш выдох – выдох целой Вселенной.

Наш вдох – вдох целой Вселенной.

В каждый момент мы выполняем великую безграничную работу.

Кодо Соваки

побуждений и, в буквальном смысле, к выявлению того, что определяет лучшие качества человеческой природы, а также к умению стойко переносить неприятности.

Медитация может быть использована также при поиске путей решения различных проблем. Под её влиянием возрастает способность использовать творческий потенциал и сделать свою жизнь целенаправленной.

Основную практику медитации в йоге и дзэн-буддизме можно свести в семь групп.

МЕДИТАЦИЯ С ДЫХАТЕЛЬНЫМИ УПРАЖНЕНИЯМИ

Согласно основной теории Тожественности Ума и Праны, если сможешь управлять дыханием, ум тоже будет укрощен. Поэтому дыхательное упражнение -один из лучших подходов к Самадхи. Термин «дыхательное упражнение» относится к управлению дыханием путем определенных повторяющихся манипуляций согласно предварительно определенной схеме. Самые общие приемы – счет дыхания, остановка или задержка его.

Из этих двух подходов первый, наверное, самый легкий и безопасный. Его очень рекомендуют многие буддистские учителя, и он веками широко практикуется большинством буддистских монахов. В отличие от остальных, этот тип медитации можно практиковать, не полагаясь абсолютно на постоянное руководство Гуру, если имеешь хорошее знание

Многие ученики приходят к медитации после длительного курса терапии в поисках безмолвия, глубокого понимания и свободы, которых они там не нашли. С другой стороны, многие медитирующие ученики обращаются к психотерапии после многих лет духовной практики.

Д. Корнфилд

дыхательных приемов и понимаешь основной принцип практики Дхьяны.

Медитация с остановкой или задержкой дыхания, вероятно, самый мощный и прямой подход. Он способен дать быстрые результаты в Йоге и, таким образом, быстро привести к Са-мадхи. Однако, при неправильном применении он может быть вреден и опасен. Поэтому не рекомендуется прибегать к этому приему без руководства учителя и прочной базы более легких дыхательных упражнений «мягкого» типа (таких, как дыхание на счет и т.п.)

В этих упражнениях по задержке дыхания на начальных стадиях прана должна удерживаться ниже пупа, а на продвинутых стадиях – в разных центрах тела, в зависимости от целей.

МЕДИТАЦИЯ С КОНЦЕНТРАЦИЕЙ УМА НА ТОЧКЕ

Это простой и вместе с тем по-настоящему трудный способ медитации. Многие Гуру рекомендуют йогам сначала в определенной степени овладеть дыхательными упражнениями, прежде чем заниматься «концентрацией на одной точке», иначе ему будет очень трудно и скучно. Концентрация на точке вне физического тела, а именно сосредоточение внимания на любом предмете, расположенном перед собой, – безопасней, но не так эффективна, как концентрация ума на какой-нибудь точке в теле. Сосредоточение внимания на какой-либо части внутри тела приводит к чрезвычайным и

иногда удивительным результатам. Оно всегда вызывает особое физическое ощущение. Например, сосредоточение в точке между бровями вызовет ощущение «света», а сосредоточение в центре пупа – блаженство. Когда сосредоточиваются в центре сердца, положительные и отрицательные силы тела скоро сольются, и, таким образом, со временем вызовут ощущение «светящейся пустоты», или «блаженной пустоты».

Буддистские Тантры утверждают, что каждый из пяти главных центров (чакр) тела имеет особые функции и предпочтительные применения. Только совершенный Гуру может объяснить их авторитетно. Подробные сведения об этом можно найти в литературе по тибетскому Тантризму.

МЕДИТАЦИЯ СО ЗРИТЕЛЬНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

Тот, кто не пытался контролировать свой ум, едва ли сможет понять трудность этого процесса. Он полагает, что может приказать уму думать все, что пожелает, или направлять его действия в любом желаемом русле. Нет ничего более далекого от истины. Только занимающиеся медитацией, могут понять трудности контролирования неуправляемого и вечно текучего ума. Например, если закрыть глаза и попытаться представить какую-нибудь картину, скоро обнаружим, как это трудно. Картина обычно покрыта дымкой и неустойчива; она уплывает и отказывается оставаться неподвижной или «прийти целиком». Для нетренированных людей так называемая «визуализация» – самое большое чувство, а не «видение».

Ом

Буддизм объявил много веков назад, что люди видят вещи не своими глазами, а своими умами. Зрение стимулируется разными степенями света, отраженного окружающими предметами. Эта стимуляция, в свою очередь, интерпретируется умом и разрешается в зрительных картинах, результат которых мы называем зрительным восприятием. Поскольку все, что мы видим глазами, всегда является обработанным результатом, независимо от того, насколько близко и точно он воспроизведен, он не может быть точной копией оригинала. Обработанное «видение глазом» по сравнению с видением, проецируемым прямо от ума и видимым умом, едва ли можно считать достаточно точным. Если эта теория верна, утверждения йогов – не преувеличение и не результат чистого воображения.

Визуализация – одно из лучших упражнений для овладения умом и Праной. Тантризм особенно подчеркивает его полезность и применяет почти в каждой форме медитации, исключая Махамудру. Сотни различных занятий визуализацией предназначены для разных конкретных нужд и специальных применений. Визуализация статического объекта, или картина вне тела, обычно считается предварительным и подготовительным упражнением; визуализация движущегося объекта, вращающегося по определенной орбите в теле, считается более сложным занятием. Попытка визуализации очень сложной картины во всех ее подробностях – отличная вещь для новичков, обучающихся обуздывать свои блуждающие умы; а визуализация более простой картины или объекта рекомендуется для медитации на более высоком уровне. Некоторых специфических эффектов можно достичь посредством разных цветов, форм, положений и орбит движения визуализируемых объектов. В более высоких типах визуализации йог должен визуально построить большую картину на очень малом пространстве. Многие тибетские йоги могут ясно визуализиро

Медитация, в сущности, означает возвращение определенной благотворной привычки, превращение ее в нас самих.

А. Берзин

вать огромную Мандалу в пространстве крошечного Бога! Поэтому визуализация, с одной стороны, может развернуть большую потенциальную силу и гибкость ума, а с другой, привести йога в высокую степень Самадхи. Хотя на начальных стадиях визуализация – в основном упражнение для тренировки шестого Сознания (ума) и поэтому очень ограничена дуалистическим и «цепляющимся» складом, ее продвинутая стадия вполне может быть близка к царству недуалистического высшего сознания. Это самое полное и сложное из всех занятий медитацией.

**МЕДИТАЦИЯ МАНТРА-ЙОГИ – ПРОИЗНЕСЕНИЕ ИЛИ ЧТЕНИЕ НАРАСПЕВ
ЗАКЛИНАНИИ ИЛИ МИСТИЧЕСКИХ СЛОВ**

В то время как «визуализация» – это занятия медитацией с применением «глаза ума», Мантра-йога применяет «ухо ума». Звук, как и зрение, можно использовать в качестве средства введения в состояние Самадхи. Читать молитву, мантру или произносить нараспев одно из слов благословения, такое как «ОМ» или «Аһ» – основное занятие в такой медитации, широко применяемой на Востоке. Хотя буддизм не делает упора на важности звука в той степени, в какой индуизм; все же «звуковая йога» всегда была одним из оплотов буддийской медитации и широко практикуется буддистскими монахами и мирянами. Есть три причины ее популярности: это самый легкий и самый безопасный тип медитации, он очень благочестив и отвечает религиозным нуждам людей. Ранее упомянутые типы медитации – дыхание, концентрация и визуализация – являются, в основном, психофизиологическими упражнениями, содержащими в себе мало «религиозного». Сами по себе они не могут удовлетворять духовные чаяния людей. Чтобы удовлетворить такие потребности, была установлена медитационная практика чтения молитвы, мантры или имени Будды. Это самый популярный и влиятельный из всех различных типов медитации, широко используемый приверженцами Буддизма на всех уровнях.

Сознание Алая (Адама) очень тонко и глубоко. В нем все источники текут подобно потокам. Я не показываю этого сознания дуракам и невеждам, Потому, что я боюсь, что они могли бы прицениться к нему, как к истинному Я.

Будда

МЕДИТАЦИЯ В ДВИЖЕНИИ

Самадхи – состояние ума, которого можно достичь различными методами, из которых самые прямые – это «спокойные». Но определенные движения также могут привести к Самадхи. Например, знаменитая китайская даосская практика Тай-цзы, изобретенная великим даосским йогом Сань Фунчаном из династии Мин, – отличный способ занятий медитацией. Изначальное движение – очень мягкое упражнение, изобретательно нацеленное на приведение отрицательных и положительных сил организма в совершенную гармонию, то есть, естественно укрощая ум, контролируя Прану и даже приходя в Состояние Самадхи.

Буддизм утверждает, что «движение» – хорошее дополнительное упражнение, но к нему не надо подходить как к первичной форме занятий медитацией.

Занятиям в движении разные религии учат по-разному. До начала занятий, однако, нужно тщательно проанализировать и оценить их, чтобы избежать пустой траты времени и защитить себя от нежелательных эффектов, которые может вызвать неопытное использование этих мистических упражнений.

Техника школы Кэмпо-дзэн также является разновидностью медитации в движении, ведущей к обретению состояния, которое дает власть над обстоятельствами в поединке и в жизни вообще.

МЕДИТАЦИЯ С ПОГРУЖЕНИЕМ УМА В ДОБРУЮ ВОЛЮ ИЛИ БЛАГОЧЕСТИВЫЕ МЫСЛИ

С некоторой точки зрения эта медитация куда важнее, чем любая другая из пяти, которые мы только что обсудили. Есть учение, широко практикуемое буддистскими йогами, известное под названием «Четыре неограниченные мысли», которое применяется для воспитания благочестивых мыслей и доброй воли ко всем существам. Четыре эти неограниченные мысли: дружелюбие, сострадание, благожелательная радость и ровность ума. Цель медитации на этих добродетелях двойка – воспитывать сострадание ко всем живым существам и уменьшить барьеры между собой и другими, которые так повлияли на мировые невзгоды. Эта медитация считается буддистами основанием и подготовкой ко всем другим медитациям. В Тибете строфы этих «Четырех неограниченных мыслей» читаются вслух и обдумываются перед занятиями медитацией. Без духовной подготовленности, которая является результатом развития доброй воли и благочестия, любая медитация едва ли может принести целебные плоды, и вместо этого лишь уведет в сторону. Йоги, которые не могли достичь Просветления после продолжительного периода медитации, часто находили свою подготовительную работу в области благочестия и духовности недостаточной. Тогда они возвращались к основам, таким как «Четыре неограниченные мысли», «Обет Бод-хисаттвы», молитвы, поклонение и т.д. Поэтому благочестивая медитация – основание всех других, и ею никогда нельзя пренебрегать тому, кто всерьез стремится к Просветлению.

ЗАНЯТИЯ МЕДИТАЦИЕЙ С ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ СУЩНОСТИ УМА

Это медитация «без усилий» Дзэн и Махамудры. Это беспредметная медитация, самопроизвольная и чудесная работа собственного ума, кульминация и сущность всех буддистских учений. Для тех, кто не вошел во «врата», это самое трудное, но для тех, кто уже вошел, это самая легкая медитация. Все другие упражнения и занятия – просто подготовка к ней.

Критическая точка этой работы – узнать природу собственного ума или, по крайней мере, бросить на нее взгляд. Если сущность Ума осознана, йог сможет погрузиться в нее без труда в любое время и в любом месте. В деятельности и покое сознание светящейся пустоты всегда будет ярко сиять в нем. Хотя после осознания или узрения Сущности Ума остается еще пройти долгий путь, первый «взгляд» считается всеми буддистскими мудрецами самым важным, чего каждый йог должен попытаться достичь. После входа во «врата без врат» медитация больше не будет занятием или каким-то усилием. Теперь она становится естественным и самопроизвольным жизненным актом. Сидение, ходьба, разговор или сон – все виды деятельности и условия жизни становятся чудесными медитациями сами по себе. Не надо усилий и не надо работать над целью или мыслью. Но чтобы достичь подобного состояния, надо усердно работать над медитацией «практика ничего» следуя по пути Дзэн.

ЛЕКЦИЯ 14

Буддизм (история, философия, мировоззрение, культура)

БУДДИЗМ (история, философия, мировоззрение, культура)

Буддизм, как и джайнизм, был реакцией небрахманских слоев древнеиндийского населения на брахманизм. Системы санкхья, йога, веданта своими доктринами и практическими рекомендациями создали в середине I тысячелетия до н.э. достаточно прочную, хорошо разработанную основу для появления широкого круга людей, искавших спасения, освобождения (мокши) в удалении от людей, в устранении всего материального и концентрации внимания сил на внутреннем, духовном «Я». Среди этих неофитов было немало выходцев из небрахманских слоев населения, но факт сосредоточения всей внутренней сокровенной мудрости в руках брахманов придавал ей эзотерический характер, т.е. как бы ставил всех небрахманов в положение второстепенных, неполноправных последователей той или иной доктрины. Следствием этого и было стремление выработать новую, альтернативную доктрину, которая могла бы быть противопоставленной эзотерической мудрости брахманов.

Выращенное в теплице, не может иметь огромной жизнестойкости.
Мао Цзе-дун

Наиболее разработанной и влиятельной системой такого рода и стал буддизм. Появление его легенда связывает с именем Гаутама Шакьямуни, известного миру под именем Будды, Просветленного.

Сын князя из племени шакья (сакья), Сиддхарта Гаутама родился в VI в. до н.э. Чудесным образом зачатый (его мать Майя увидела во сне, что ей в бок вошел белый слон), мальчик столь же необычным образом родился – из бока матери. Отличавшийся необычайным умом и способностями, Гаутама заметно выделялся среди своих сверстников. Ему было предсказано мудрыми старцами необыкновенное будущее. Окруженный роскошью и весельем, он знал только радости жизни. Незаметно Гаутама вырос, затем женился, у него родился сын. Ничто не омрачало его счастья. Но вот как-то раз, выехав за пределы дворца, молодой принц увидел покрытого язвами изможденного больного, затем согбенного годами убогого старика, затем похоронную процессию и, наконец, погруженного в глубокие и нелегкие раздумья аскета. Эти четыре встречи, повествует легенда, коренным образом изменили мировоззрение беспечного принца. Он узнал, что в мире существуют несчастья, болезни, смерть, что миром правит страдание. С горечью ушел Гаутама из отчего дома. Обрив голову, облачившись в грубые одежды, он начал странствовать, предавая себя самоистязанию и самобичеванию, стараясь искупить юные годы роскошной и беззаботной жизни, стремясь познать великую истину. Так прошло около 7 лет.

И вот как-то, сидя под деревом Бодхи (познания) и, как обычно, предаваясь глубокому самопознанию, Гаутама вдруг «прозрел». Он познал тайны и внутренние причины кругооборота жизни, познал четыре священные истины: страдания правят миром; причиной их является сама жизнь с ее страстями и желаниями; уйти от страданий можно лишь погрузившись в нирвану; существует путь, метод, посредством которого познавший истину может избавиться от страданий и достичь нирваны. Познав эти четыре священные истины, Гаутама, ставший Буддой, Просветленным, несколько дней после этого просидел под священным деревом, не будучи в силах сдвинуться с места. Этим воспользовался злой

дух Мара, который начал искушать Будду, призывая его не возвещать истины людям, а прямо погрузиться в нирвану. Но Будда спокойно вынес все искушения и продолжал свой великий подвиг. Придя в Сарнатх близ Бенареса, он собрал вокруг себя пятерых аскетов, ставших его учениками, и прочел им свою первую проповедь. В этой бенаресской проповеди Будды были вкратце изложены основы его учения. Вот их суть.

Учение Будды. Жизнь есть страдание. Рождение и страдание, болезнь и смерть, разлука с любимым и союз с нелюбимым, недостижимая цель и неудовлетворенное желание – все это страдание. Страдание происходит от жажды бытия, наслаждений, созидания, власти, вечной жизни и т.п. Уничтожить эту ненасытную жажду, отказаться от желаний, отрешиться от земной суетности – вот путь к уничтожению страданий. Именно за этим путем лежит полное освобождение, нирвана.

Снаружи тебя ничем не свяжешь, коли внутри у тебя разнузданность.

М. Горький

Развивая свое учение, Будда разработал подробный так называемый восьмиступенчатый путь, метод постижения истины и приближения к нирване: 1. Праведная вера (следует поверить Будде, что мир полон скорби и страданий и что необходимо подавлять в себе страсти). 2. Истинная решимость (следует твердо определить свой путь, ограничить свои страсти и стремления). 3. Праведная речь (следует следить за своими словами, дабы они не вели ко злу – речь должна быть правдивой, доброжелательной). 4. Праведные дела (следует избегать недобродетельных поступков, сдерживаться и делать добрые дела). 5. Праведная жизнь (следует вести жизнь достойную, не принося вреда живому). 6. Праведная мысль (следует следить за направлением своих мыслей, гнать все злое и настраиваться на доброе). 7. Праведные помыслы (следует уяснить, что зло – от нашей плоти). 8. Истинное созерцание (следует постоянно и терпеливо тренироваться; достигать умения сосредоточиваться, созерцать, углубляться в поисках истины).

Учение Будды во многом следовало тем принципам и практике отхода от всего материального, стремления к слиянию духовного начала с Абсолютом в поисках освобождения (мокши), которые к середине I тысячелетия до н.э. были уже основательно разработаны и широко известны в Индии. Однако в буддизме было и нечто новое. Так, исстрадавшимся людям не могло не импонировать учение о том, что наша жизнь – страдание (аналогичный тезис, как известно, в немалой степени обеспечил успех и раннему христианству) и что все страдания проистекают от страстей и желаний. Умерить свои страсти, быть добрым и благожелательным, и это перед каждым (а не только перед посвященными брахманами, как в брахманизме) вот что открывает путь к истине, а при условии длительных дальнейших усилий в этом направлении – к конечной цели буддизма, к нирване. Неудивительно, что проповедь Будды имела успех.

Учение нового пророка стало быстро распространяться. Как красочно повествует легенда, путь Будды был триумфальным шествием: все новые группы аскетов во главе со своими учителями отказывались от самоистязаний и шли в число последователей Будды. Раскаявшиеся богатые блудницы падали к его ногам, даря ему свои роскошные дворцы. Бледные юноши с горящими глазами приходили к нему со всех концов страны, прося стать их наставником. Даже многие известные брахманы отказывались от своего учения и становились в число проповедников буддизма. Словом, число последователей буддизма нарастало, как снежный ком, и в короткий срок, согласно легенде, это учение стало

наиболее влиятельным и популярным в древней Индии.

Когда ты станешь учеником Учителя, ты всегда можешь проверить истинность своей мысли, сравнивая её с Его мыслью. Ибо ученик составляет одно с учителем, и ему стоит лишь слить свою мысль с мыслью Учителя, чтобы сразу увидеть, гармонирует ли она с нею.

Жан-Иоанн Гавер

Легендарные предания обычно не жалеют красок, но в них, как правило, отражена и реальная действительность. Если исторических данных об успехах буддизма в VI—V вв. до н.э. практически нет, то широкое распространение этого учения в IV—III вв. до н.э. фиксируется в различных памятниках прошлого. Источники свидетельствуют, в частности, что в середине I тысячелетия до н.э. в древней Индии существовало много отшельников-шраманов, выступавших в качестве пророков и проповедников и относившихся чаще всего к представителям неортодоксальных течений, которые отвергали авторитет вед и брахманов. Учения одних из таких шраманов могли вести к крайностям аскезы и породить джайнизм, учения других могли быть более умеренными, приобретать выраженный этический акцент и оказаться со временем истоком той доктрины, которая получила наименование буддизма. Ранние буддисты были лишь одной из многих соперничавших в те века сект неортодоксального направления, однако, с течением времени их влияние возрастало.

Первые общины буддистов. Данные источников свидетельствуют о том, что буддизм был поддержан кшатриями и вайшья, прежде всего городским населением, правителями, воинами, которые видели в буддийской проповеди возможность избавиться от засилья и верховенства брахманов. Буддийские идеи равенства людей (особенно монахов – вне зависимости от варн и каст), добродетельного правления монарха, терпимость, культ этики – все это способствовало успеху нового учения и поддержке его правителями, особенно могущественнейшим древнеиндийским императором Ашокой (III в. до н.э.). С его помощью буддизм не только широко распространился в Индии, но стал практически официальной государственной идеологией и вышел за пределы Индии.

Этические и социальные идеи буддизма были привлекательны для общества в целом. Что же касается практики, ставившей своей целью достижение нирваны, то эти сферы воздействия буддизма были строго ограничены ушедшими от мира, т.е. монахами. Поэтому буддийскими общинами в строгом смысле этого слова были общины монахов, бхикшу.

Первыми последователями Будды были аскеты, которые небольшими группами (не менее 6 человек) собирались в каком-либо уединенном месте на период дождей и, переживая этот период, образовывали нечто вроде микрообщины. Вступавшие в общину обычно отказывались от всякой собственности (бхик-шу – буквально «нищий»). Они обривали голову, облачались в лохмотья, преимущественно желтого цвета, и имели при себе лишь самое необходимое – кружку для сбора подаяний, миску для воды, бритву, посох. Большую часть времени они проводили в странствиях, собирая милостыню. Есть они имели право лишь до полудня, причем только вегетарианскую пищу, а затем до зари следующего дня нельзя было брать в рот ни крошки.

В пещере, заброшенном строении бхикшу переживали период дождей, расходуя время на благочестивые размышления, беседы, практикуясь в искусстве сосредоточения и

самосозерцания, разрабатывая и совершенствуя правила поведения и теории своего учения. Близ мест их обитания умерших бхик-шу обычно и хоронили. Впоследствии в честь становившихся легендарными деятелей раннего буддизма на местах их захоронения буддистами-мирянами возводились могильные сооружения, памятники-ступы (куполообразные строения-склепы с наглухо замурованным входом). Вокруг этих ступ сооружались различные строения. Так возникали монастыри. Постепенно складывался устав монастырской жизни, росло количество монахов, послушников, служек, монастырских крестьян и рабов-слуг. Прежние свободно странствовавшие бхикшу превратились в почти постоянно проживавших в монастырях монахов, обязанных строго соблюдать требования устава, подчиняться общему собранию сангхи (общины монахов данного монастыря) и избранному настоятелю.

Монастыри и сангхи. Вскоре монастыри превратились в главную и, по существу, единственную форму организации буддистов, не знакомых с иерархически организованной церковной структурой и не имевших влиятельной жреческой касты. Именно монастыри стали центрами буддизма, очагами его распространения, своеобразными университетами и библиотеками. В монастырских стенах ученые буддийские монахи записывали на древнеиндийских языках пали и санскрите первые сутры, священные тексты, которые на рубеже нашей эры составили весьма внушительный по объему писанный буддийский канон – Трипи-таку. Здесь же вновь поступившие служки и послушники обучались грамоте и чтению, изучали священные тексты, получая по тому времени образование.

Ибо ты сам себе господин, ибо ты сам себе путь. Поэтому смири себя, как купец хорошую лошадь. Пусть бхикшу, исполненный счастья, верящий в учение Будды, достигнет спокойного места, прекращения санкхар.

Дхаммапада

Объединявшаяся в рамках того или иного монастыря буддийская монашеская община именовалась сангхой (иногда этот же термин использовался более широко – для обозначения буддистов большого района, а то и страны). Вначале в сангху принимались все желающие, затем были введены некоторые ограничения: не принимали преступников, рабов, несовершеннолетних без согласия родителей. В послушники часто шли подростки: сочувствовавшие буддизму миряне нередко посылали в монастырь сыновей. Вступавший в сангху должен был отказаться от всего, что связывало его с миром, – от семьи, от касты, от собственности – во всяком случае, на время пребывания его в монастыре. Он принимал на себя первые пять обетов (не убий, не укради, не лги, не прелюбодействуй, не пьянствуй), сбрасывал волосы и облачался в монашеские одежды. Членство в сангхе не было обязательным: в любой момент монах или послушник мог выйти из неё и возвратиться к мирской жизни. В таких странах как Цейлон (Шри-Ланка), Таиланд, Бирма, Камбоджа (Кампучия), где буддизм в его первоначальном варианте (буддизм Хинаяна) получил широкое распространение и долгие века был единственной религией, почти каждый мужчина на несколько месяцев, а то и на год-два поступал в монастырь, приобщаясь к признанным в его стране святыням и в то же время, получая хоть какое-то образование, изучая религиозные буддийские тексты.

Те же, кто решался посвятить религии всю жизнь, готовились к обряду посвящения, к ординации. Обряд этот представлял довольно сложную процедуру. Послушника

подвергали суровому экзамену, испытывали его дух и волю, порой вплоть до сжигания пальца перед алтарем Будды. После положительного решения молодого монаха принимали в число полноправных членов сангхи, что накладывало на него еще пять важных обетов-обязательств:

- не пой и не танцуй; не спи на удобных постелях; не ешь в неположенное время;
- не стяжай; не употребляй вещей, имеющих сильный запах или интенсивный цвет.

Кроме десяти основных обетов в сангхе существовало множество (до 250) более мелких запретов и ограничений, преследовавших цель обеспечить монахам праведную жизнь. Понятно, что точное соблюдение их было немалой психологической нагрузкой, вынести которую было нелегко. Нередко случались нарушения – монах «грешил». С целью очищения дважды в месяц, в новолуние и полнолуние, монахи собирались для взаимных исповедей. В зависимости от тяжести «греха» применялись и санкции, чаще всего выражавшиеся в форме добровольно взятого на себя покаяния.

С распространением монастырских общин в Индии появились и женские сангхи. Они были организованы по образу мужских, но все главные церемонии в них (прием, ординация, исповеди, проповеди) проводились специально назначавшимися для этого монахами из ближайшей мужской сангхи. Визиты монахов в женский монастырь были жестоко регламентированы: переступить порог кельи монахини строго воспрещалось. Немногочисленные и редкие женские монастыри располагались, в отличие от мужских, не в пустынях и отдаленных местах, а поблизости от поселений.

Правила жизни монахов регулировались текстами Винаяпитаки, важной частью Трипитаки. Кроме нее, в состав буддийского канона входили Сутрапитака, излагавшая суть доктрины, и Абидхармапитака (религиозно-философские тексты). Все эти тексты высоко ценились буддистами, заботливо сохранялись и переписывались монахами, хранились в библиотеках-архивах при наиболее крупных и известных монастырях. В Индии в первые века нашей эры одним из наиболее известных таких центров был монастырь Наланда, куда со всех концов, в том числе и из Китая, стекались буддисты-пилигримы с целью набраться мудрости, получить образование, переписать и увезти с собой в свои страны священные тексты буддийского канона.

Основы философии буддизма. Философия буддизма глубока и оригинальна. Ей посвящены многие десятки, если не сотни специальных исследований. Интеллектуальный потенциал её высок даже на фоне достаточно серьезных поисков мыслителей упанишад.

Согласно буддизму, человек воспринимает мир как бы сквозь призму своих ощущений, но эти ощущения не субъективное представление индивида, а объективный факт, следствие волнения дхарм, частиц мироздания. Дхарма («закон») здесь нечто похожее на атомы-монады духовного начала Пуруши из упанишад. Жизнь есть проявление безначального волнения дхарм. Успокоить свои дхармы – это и значит взять жизнь в свои руки и тем добиться цели, достичь состояния Будды, погрузиться в нирвану. Но как этого добиться?

Нет великих и малых дел, если человек всем сердцем стремится к великому, ибо в этом случае все дела имеют великие вес и последствия.

К. Паустовский

Человек рождается, живет и умирает. Смерть – распад данного комплекса дхарм, рождение – восстановление этого комплекса, но уже в иной, новой форме. Это и есть

кругооборот жизни, цикл бесконечных перерождений. Как и в упанишадах, в буддизме он определяется кармой, которая трактуется здесь в подчеркнуто этическом аспекте. Сумма твоих добрых и злых поступков определяет, в какой форме ты возродишься в твоём следующем перерождении. Чем добродетельней твоя жизнь, чем больше благочестивых поступков ты совершил, тем сильнее ты улучшишь свою карму и тем больше ты успокоишь свои волнующиеся дхармы. Тем самым ты сделаешь немалый шаг на пути к цели, к нирване.

Естественно, что ближе всего к этой цели стоят отказавшиеся от всего мирского и отдавшие всю жизнь благочестивым размышлениям и поступкам монахи. Наиболее ревностные среди них причислялись к святым архатам, находившимся совсем близко от состояния Будды и нирваны. Много дальше от этой цели были буддисты-миряне, на долю которых приходилось лишь соблюдать этические нормы учения и помогать монахам, кормя их и заботясь о них. Конечно, эти благочестивые дела тоже засчитывались и безусловно улучшали карму, но этого все-таки для спасения и нирваны было недостаточно. Поэтому буддизм в своей первоначальной форме Хинаяны («Узкого пути к спасению») – это, по существу, учение монахов и в первую очередь для монахов, что заметно сковывало его возможности и главное – мешало его широкому распространению.

ЛЕКЦИЯ 15

Дзэн-буддизм. Исторические и современные мастера дзэн

ДЗЭН-БУДДИЗМ. ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МАСТЕРА ДЗЭН

Все буддийские школы используют медитативную технику как способ духовного развития личности, который практиковали более ранние религиозные течения и, в частности, индуизм. Китайцы называют медитацию термином чань, а японцы – дзэн.

Как мы увидим далее, дзэн-буддизм отличается от других учений тем, что отрицает возможность концептуального оформления информации, полученной в момент озарения. Кроме того, религия дзэн ломает традицию как умозрительного, так и прямого постижения реальности.

Традиция дзэн-философии рассматривается здесь по трем причинам:

1. Она изучает параметры логического мышления. Предостерегая от неправильного употребления понятий, дзэн учит их корректному применению.

Стержень дзэн – это канон внутреннего состояния, остающийся неизменным при всех переменах. Это верность вечному при открытости всем сдвигам времени.

3. Миркина, Г. Померанц

2. В отличие от ограниченного западного подхода к философскому понятию мудрость, дзэн рассматривает эту категорию в более широком смысле, в русле восточной философии.

3. Традиция оказала существенное влияние на многих мыслителей, пытавшихся развить

философию Востока с помощью западной методологии.

Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, – благо. Обузданная мысль приводит к счастью.

Дхаммапада

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

Улыбка Кашьяпы

Географически и исторически дзэн-буддизм возник на основе учения Сиддхартхи Гаутамы, но отсчет времени его существования начинается с эпизода, произошедшего во время одной из проповедей Будды. Вместо того чтобы дать словесные пояснения Дхармы, Учитель молча поворачивал цветок, зажатый в ладони. Один из присутствующих учеников, Кашьяпа, смотрел на цветок и улыбался. Его непринужденная и не требующая комментария улыбка стала поводом к традиции дзэн – непосредственному восприятию природы реальности.

У Будды был секрет, который Кашьяпа не сдержал, и то, что он не сдержал его, было истинным секретом Будды.

Юанью

Дзэн-буддисты полагают, что их традиция восходит к учению Гаутамы, но не связана с изучением письменного наследия Будды. Учение передавалось от учителя к ученику изустно; в самом деле, дзэн не нуждается в письменных указаниях, достаточно придерживаться основных принципов духовного ученичества.

БОДХИДХАРМА

Основателем традиции чань (дзэн) считается индийский монах Бодхидхарма, который появился в Китае в 520 г. н.э. Именно ему принадлежит высказывание, согласно которому дзэн – это «непосредственный переход к пробужденному сознанию, минуя традицию и священные тексты». Он стал первым в ряду учителей-патриархов чань. Есть сведения о том, что он обладал суровым характером и пристальным взглядом. О жизни первого патриарха дзэн сложено немало легенд. В одной из них рассказывается, как он сидел, медитируя, напротив стены до тех пор, пока его ноги полностью не онемели; в другой он вырезает себе веки, чтобы не заснуть. С полной уверенностью можно говорить лишь о том, что Бодхидхарма не был основателем принципиально нового учения, он скорее разработал новые методики медитации, практиковавшейся адептами школы махаяны.

И все же Бодхидхарму, как и его последователей, можно назвать сокрушителями прежних традиций, так как их толкование Дхармы носило несколько эксцентричный характер. Например, когда Бодхидхарму попросили объяснить сущность буддизма, он сказал: «Безбрежная пустота и ничего святого».

ХУЭЙ-НЭН (623—713 гг. н.э.)

Хуэй-нэн считается шестым патриархом дзэн. Этот мыслитель отрицал любые ритуалы как средство, ведущее к просветлению, а напряженным усилиям противопоставлял идею внезапного озарения, обретенного в результате интуитивного импульса. Такой подход сильно отличается от индийских традиций, которые предлагали долгий и упорный путь к просветлению.

Хуэй-нэн творчески переосмыслил основные принципы, заложившие основу традиций дзэн: ничто не существует вечно, отдельно или независимо. Исходя из этой посылки шестой патриарх заявил, что ни одна концептуальная интерпретация не может быть вполне корректной.

Его утверждение вполне логично, ибо любая концепция возникает при условии сопоставления (или противопоставления) одного объекта с другим (другому). С появлением понятий мир делится на отдельные сущности. Согласно Хуэй-нэну, такой подход противоречит фундаментальной теории шуньяты.

Хуэй-Нэн, рубящий бамбук ребёнком

Он верил, что приверженность людей к восприятию действительности с помощью стереотипных понятий препятствует духовному росту, так же как облака скрывают солнце или луну. Поэтому призывал отказаться от условных концепций в пользу естественного восприятия, свойственного человеческой природе, которую он считал природой Будды.

Что же можно постичь в таком состоянии и каким образом выразить постигнутое, если понятия иллюзорны? На этот вопрос Хуэй-нэн отвечал, что, в принципе, не существует ничего, способного служить объектом познания. Реален лишь свет, дарующий озарение; все остальное – пустота.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЗЭН

Существуют три ключевых аспекта учения, отличающих его от других философских школ буддизма. Как уже говорилось, основы традиции заложил Бод-хидхарма:

1. Традиция основана на изустной передаче знаний от учителя к ученику.
2. Она отвергает письменные источники знания.
3. Дзэн предлагает методику прямого личностного постижения. Эти три аспекта были дополнены учением Хуэй-нэна об иллюзорности понятий и декларацией сознания Будды. Перед тем как приступить к изучению двух направлений традиции дзэн, рассмотрим последние два аспекта.

Для дзэна духовность – это стрижка газона во время стрижки газона.

Л. Рейнхард

ИНТУИТИВНАЯ ПРАДЖНЯ

Изучая традицию дзэн, не стоит забывать о двух основополагающих буддийских принципах:

1. Страдание является результатом той или иной привязанности, будь то материальные вещи или идеи. Соответственно, привязанностью можно считать любую попытку системного или концептуального подходов к осмыслению действительности; кроме того, попытки такого рода чреваты утратой интуитивного восприятия, свойственного буддийской методологии.
2. Все сущее преходяще и есть не что иное, как пустота, не имеющая реального существования (теория шуньяты).

Как только человек начинает противопоставлять себя объектам окружающего мира и рассматривать действительность как совокупность отдельных сущностей, его восприятие становится условным и мнимым. В абсолютном смысле все объекты не более чем шуньята.

Праджняпарамиты были рассчитаны на реализацию динамического процесса перехода из состояния зафиксированного субъект-объектной оппозиции в такое психическое состояние, в котором подобные оппозиции не воспринимаются сознанием практикующего медитацию.

С. Ю. Лепехов

Просветление достигается при условии избавления от стереотипного мышления, путем прямого восприятия реальности. Как же это происходит? Само собой разумеется, природу реальности нельзя рассматривать сквозь призму концепций и логических построений, так как это неминуемо затянет человека в трясины концептуального мышления, основанного на сравнительном анализе и дифференциации объектов изучения.

Каким же образом удастся постичь то, что не поддается постижению? На этот вопрос дзэн не дает прямого ответа, но предлагает конкретные техники, подавляющие привычные стереотипы и дающие человеку надежду выйти на иной уровень сознания – сатори

(момент озарения).

Идея преднамеренного подавления логического мышления характерна скорее для мистической, чем для философской традиции. В религиозном мистицизме Запада нередко упоминаются экстатические состояния, когда сознание сливается со Вселенной.

Однако, проводя параллели между западным и восточным подходами, следует помнить, что дзэн, так же как и другие буддийские школы, не признает концепцию Бога. Следовательно, по сравнению с западными мистиками, декларирующими молитвенное единение со Всевышним, дзэн-буддисты обозначают это состояние как достижение сознания Будды.

Таким образом, дзэн имеет дело с интуитивной формой восприятия (интуитивной мудростью). Со времен «улыбки Кашьяпы» процесс постижения осуществляется без слов, спонтанно и невзирая на авторитеты и традиции.

В этом смысле дзэн имеет много общего с учением даосов. Впрочем, это не удивительно, так как обе традиции долгие годы сосуществовали бок о бок. С другой стороны, не следует думать, что учение дзэн развивалось в направлении, подсказанном даосизмом, так как по существу его источники восходят к ранне-буддийской традиции.

ЧИСТЫЙ РАЗУМ

В учение дзэн (равно как и в других буддийских школах) основным препятствием к достижению просветления считается проявление эгоистического сознания на ментальном и физическом уровнях, то есть обусловленность поступков и мышления. Как уже говорилось, это прямое следствие гипертрофированного самосознания. Такую форму мышления дзэн считает неестественной, то есть благоприобретенной и поверхностной. Формирование такого сознания осуществлялось под влиянием внешних установок, чувств и ложных внутренних побуждений. Этому типу мышления дзэн противопоставляет врожденное, которое считается сознанием Будды и присуще каждому человеку. Это качество не надо формировать; следует лишь осознать его.

Осознав искусственность собственного Эго, человек выходит на уровень сознания Будды, то есть возвращается к своему естественному состоянию, и способ восприятия реальности мгновенно трансформируется в интуитивное видение.

Сознание спит в мире минералов, дремлет в мире растений, просыпается в мире животных и полностью бодрствует в человеке.

Кирпал Сингх

Другими словами, сознание Будды естественно и интуитивно. Однако в большинстве случаев оно подавляется эгоцентричным концептуальным мышлением. Вместо того чтобы стать участником жизненного процесса, человек спешит концептуально осмыслить те или иные объекты или явления, пробуждает в себе чувство любви или ненависти, выясняет свое отношение к предмету изучения и дает ему оценку в соответствии с условной шкалой ценностей. Таким образом, ощущение истинной реальности теряется в хаосе мыслей и чувств.

Как же преодолеть узость мышления и выйти на уровень сознания Будды? Иными словами, как достичь состояния сознания, которое буддисты называют просветлением?

Способы достижения просветления непосредственно связаны с методами и техниками двух направлений дзэн – риндзай и сото. Адепты риндзай практикуют методику коанов, бросающую вызов традиционному мышлению и рассчитанную на внезапное интуитивное постижение (сатори). Представители школы сото-дзэн предпочитают достигать состояния просветления при помощи медитации, акцентируя внимание на самом процессе дзадзэн (медитация сидя).

Смысл методик заключается в соотношении эгоистического сознания со вселенским разумом (сознанием Будды). В некоторых аспектах техники напоминают традицию йогачары, декларирующую ментальность всего сущего. В просветленном состоянии сознание достигает такого уровня, когда человеческий разум сливается со вселенским разумом (и становится таковым).

Личность и Будда перестают рассматриваться как две отдельные сущности. Природа Будды всепроникающа, и поэтому, осознав собственную истинную природу, человек реализует природу Будды.

Доген утверждал, что истинная природа Будды – это сущность всей Вселенной. Иными словами, эгоистическое сознание не является истинным «Я»; в своем первоначальном виде истинное лицо человека уже существует до момента его появления на свет.

Истинное лицо является ключевым термином предлагаемой концепции. Коль скоро мы имеем дело с лицом, то очевидно, речь идет о личности, то есть проявлении отчетливого самосознания. Отправной точкой буддийской философии является следующее: как только человек начинает ощущать свое это как отдельную от окружающего мира сущность, он осознает свою незащищенность, сталкивается со страданием и становится зависимым от конкретных привязанностей.

Инициация является вторым рождением ученика, и с этого времени лишь его духовное рождение имеет для него значение.

С. Шанкаранараян

Под «истинным лицом» подразумевается первоначальная сущность, сформированная в процессе вселенских перемен; при этом данная сущность не выпадает из мира недифференцированной материи. В то же время истинное лицо свободно от эгоцентризма и представляет природу Будды в абсолютном смысле, не поддающемся вербальному выражению и концептуальному оформлению. Любая попытка логического постижения этой реальности заранее обречена на неудачу и возвращает человека на бренный уровень повседневной действительности.

РИНДЗАИ-ДЗЭН

Перед тем как проникнуть в Страну восходящего солнца, китайская традиция чань уже имела несколько различных школ, две из которых – линь-цзы и тянь-тун [7 - В японском произношении – риндзай и сото.] – предвосхитили появление японских учений, соответственно, Риндзай-дзэн и Сото-дзэн. Школа Линь-цзы была названа именем учителя, умершего в IX в. и известного благодаря своему провокационному высказыванию: «Если увидишь Будду, бредущего по дороге, убей его».

Такой парадоксальный подход типичен для школы ринд-зай, стремившейся поломать

привычный стереотип мышления. Ученик, шокированный экстравагантным высказыванием учителя, внезапно постигал истину. По традиции, дзэн-буддисты не пытались отождествлять Будду с личностью учителя, какой-либо идеей или священным писанием. Такая идентификация противоречила бы идее непосредственного восприятия реальности и сводила бы на нет все попытки расширения сознания. Следовательно, гипотетические образы будд подлежали уничтожению. Иными словами, человек должен был стать выше любого ментального образа.

Учитель дзэн, лежащий на тигре

ЭЙСАЙ **(1141—1215)**

Основатель школы Эйсай первоначально изучал буддизм направления тэндай и практиковал медитацию (чань) как часть китайской традиции. Однако именно эта техника была положена в основу самостоятельного учения риндзай. В 1184 г. в Японии был построен храм поклонников этой традиции, и вскоре она была взята на вооружение правящим классом самураев.

ХАКУИН **(1685—1769)**

Долгое время буддизм направления риндзай напоминал скорее культурную и эстетическую, чем религиозную традицию, и нуждался в реставрации. Своим возрождением учение обязано учителю Хакуину. Невзирая на внешнюю строгость и целеустремленность, этот человек отличался утонченной и артистичной натурой, занимался каллиграфией и живописью.

Его учение базируется на основных принципах дзэн: мирской опыт обманчив; реальность неделима в своей целостности; конечная истина не подлежит концептуальному постижению; разделение на личное и внешнее нереально и приводит к страданию.

Он утверждал, что коль скоро человек является неотъемлемой частью бытия, он способен к непосредственному восприятию реальности. Истинной природой человека является природа Будды; истинное лицо человека скрыто под маской хаотичных мыслей, стереотипных понятий и предвзятого взгляда на вещи.

Цель дзэн – подавление мысли. При этом имеется в виду не абсолютное подавление

разумного начала, но обретение нового уровня сознания, выходящего за рамки самосознания. Каждый человек – потенциальный Будда и, следовательно, изначально способен к восприятию истинной реальности. Поясняя эту сентенцию, Хакуин начертил следующие строки:

Все живущие буддам подобны.
Сущность воды и льда едина,
Не бывает льда без воды,
И нет человека, который не был бы буддой.

Первые строки «Песни дзадзэн» из книги «Дзадзэн васан»

Подобно другим буддистам, он практиковал медитацию, занятия которой стали образом жизни. Хакуин считал, что местом для занятий медитацией должна служить вся Вселенная. Под просветлением он подразумевал состояние абсолютной умиротворенности, абсолютной свободы от любых страхов и абсолютной радости.

Хакуин. Автопортрет

Однако Хакуин более известен как один из авторов методики коанов, с помощью которой пресекают привычку ума использовать интеллектуальный способ познания. Эта техника, являющаяся отличительной чертой направления риндзай, предназначена для достижения моментов интуитивного видения (сатори).

КОАНЫ

Коаном называется записанный вопрос или высказывание учителей дзэн. С помощью этой методики демонстрируется неспособность восприятия истинной сути вещей посредством концептуального осмысления. Как только разум абстрагируется от понятий, заключенных в коане, инициируется интуитивное видение.

Хакуин не только систематизировал уже существующие коаны, но и создал свои собственные. Наибольшую известность получил коан, суть которого можно выразить одним вопросом: «Какой звук производит одна ладонь?»

Коан – это рассказ дзэн, ситуация дзэн или вопрос дзэн.
Чжан Чжень-Цзы

Пытаясь найти ответ на этот вопрос с позиции формальной логики, человек заходит в тупик. В этот момент перед ним может «разверзнуться пропасть», и он почувствует себя свободным как от телесных, так и от интеллектуальных оков. Именно в такие моменты человек проникает в глубины собственного сознания.

Чем больше вы думаете о том, каким образом одна ладонь может произвести звук без участия другой, тем больше убеждаетесь в полной бессмысленности самого вопроса. Иными словами, вы сталкиваетесь с неразрешимой дилеммой [8 - Подразумевается возможность «услышать» «беззвучный звук»].

Порой коаны производят обескураживающий эффект. В своей книге Хакуин приводит еще один коан, приписываемый Дзёсю [9 - По-китайски Чжаочжоу.] (778—897 гг. н.э.): «Монах спросил китайского мастера дзэн Дзёсю: – Обладает ли собака природой Будды?

Дзёсю ответил: – У».

У или му в данном случае означало не обычное нет [10 - Нет – по-китайски у, а по-японски му.]. Дзёсю имел в виду вовсе не то, что собака не обладает природой Будды. Скорее всего, он «пролаял» нечто, означавшее бессмысленность вопроса. Вполне вероятно, собака ответила бы на этот вопрос приблизительно так же.

Ответ буквально потряс монаха [11 - Другие авторы полагают, что монаха потрясло именно это «нет», поскольку любое существо обладает природой Будды, и вдруг учитель, который не может ошибаться, говорит «нет»]. Создалось впечатление, что он превратился в ледяную глыбу и не может пошевелить и пальцем. В тот момент монах потерял ощущение реальности, и лишь звук му раздавался в его голове. Из этого состояния монаха вывел удар храмового колокола, который стал своего рода сигналом к внезапному достижению сатори.

В определенном смысле коан является лишь инструментом достижения интуитивного видения, и как только цель достигнута, необходимость в нем пропадает.

Порой ученики не понимают смысла методики и пытаются найти логически обоснованный ответ; в этом случае коан не приносит желаемого результата. По этой причине коаны изучаются под руководством опытного мастера дзэн.

Помимо коанов частью дзэн-буддийской практики являются диалоги между учителем и учеником, так называемые мондо. Так же как коаны, мондо не считаются каноническим источником и записываются с единственной целью – обеспечить неопита учебным пособием, своего рода материалом для практического применения. Однако и тут лучшие результаты достигаются под руководством опытного наставника, роши (мастера дзэн).

В состоянии интуитивной реализации «просветления» человек становится проявлением истинной природы самого себя. Весь мир и взаимоотношения между людьми растворяются в сознании человека, едином с Абсолютом.

Муата Эшби

САТОРИ

Термин уже встречался в тексте несколько раз; этим словом адепты школы риндзай обозначают момент просветления. Состояние сатори не является постоянным, оно подобно вспышке озаренного сознания, моменты которого могут повторяться снова и снова. Сатори невозможно точно выразить словами, разговор можно вести лишь о косвенных признаках – чувстве единения, покоя, потере ощущения времени и пространства, внезапном постижении истины.

Если вы способны описать сатори, ваше описание будет соответствовать чему угодно, но не сатори.

С определенностью можно говорить лишь о внезапной и кратковременной вспышке озаренного сознания, возникающего в результате выполнения техник дзэн. Именно в этом состоит отличие состояния сатори от полного и окончательного просветления, упоминаемого в классических буддийских текстах.

ДАЙСЭЦУ ТЭЙТАРО СУДЗУКИ (1870—1966)

Судзуки получил известность в 1927 г., когда увидела свет его книга «Эссе на тему дзэн-буддизма». Он придерживал учения Хакуина во всем, что касалось неприятия концептуальной интерпретации времени, пространства и личности, и утверждал, что истинная реальность лежит вне рамок каких-либо стереотипных понятий. По его мнению, реальность по своей сути недуалистична.

Постижением реальности является сатори; в свою очередь сатори невыразимо и может быть достигнуто лишь имперически. В своей книге Судзуки приводит восемь качеств, характеризующих это состояние:

- Иррациональность – состояние, не достижимое и не описуемое никакими рациональными способами и средствами.
- Абстрактность – это не просто пустота, но пустота, обладающая конкретным содержанием (наполнением), хотя и не подвластная вербальному выражению.
- Абсолютность – человек, испытавший это состояние, воспринимает его как категорию, абсолютность которой невозможно опровергнуть путем логических построений.
- Жизнеутверждающая направленность – несмотря на свою концептуальную несостоятельность, сатори несет положительную нагрузку и формирует позитивный взгляд на жизнь.
- Чувство «запредельности» – человек выходит за уровень эгоистического сознания; любые дальнейшие попытки концептуального осмысления понятий запредельность, Абсолют, Бог ни к чему не приводят в силу своей изначальной некорректности.
- Объективность – это состояние не поддается пристрастной оценке; то, что происходит, можно обозначить как беспристрастное благо.
- Чувство восторга – ощущение свободы от условностей и радость прямого познания реальности.
- Внезапность – это случается вдруг, с потерей ощущения времени.

Отметим, что Судзуки не ставит перед собой невыполнимой задачи. Он не пытается объяснить то, что не поддается никакому описанию, и указывает лишь на косвенные

признаки сатори. Это состояние можно пережить, но не выразить словами.

В работах западных мистиков можно найти немало параллелей буддийскому эзотеризму [12 - Более того, эзотерический буддизм стал основой многих оккультных учений Запада.]. В 1957 г. Судзуки опубликовал книгу «Мистицизм в христианстве и буддизме», которую посвятил сравнительному анализу восточной и западной традиций.

Убеждение автора в недуалистичной природе реальности и условности понятий времени, пространства и личности перекликается с учением об антиномичности разума, служившим у Канта основанием для дуализма. С одной стороны, реальность определялась как «вещь в себе» (ноумен), а с другой – как практический опыт (феномен). Судзуки говорил о подобной двойственности (противоречивости) как о следствии затемненности разума условными понятиями.

СОТО-ДЗЭН

В отличие от школы Риндзаи, практиковавшей методику коанов с целью обретения внезапного озарения (сатори), буддисты секты сото предпочитали достигать просветления в процессе медитативной техники дзадзэн. Одним из основателей этой традиции является Доген.

ДОГЕН (1200—1253)

Буддийская традиция тэндай, популярная в Японии во времена, когда Эйсай и Доген основали школы дзэн, учила тому, что все люди изначально являются просветленными сущностями, но их истинная природа – природа Будды – искажена предрассудками и условностями.

В связи с таким заявлением возникал ряд принципиальных и вполне закономерных вопро

В мирских писаниях говорится: «Учись – станешь получать жалованье». Однако Будда говорил: «В практиках заключена просветлённость». Я никогда не слышал о тех, кто получал бы жалованье без образования, или обрёл бы просветление без практик.
Доген

сов. Так, если человек просветлен от рождения, какой смысл в религиозном и аскетическом служении? Разве не является просветленное состояние естественным состоянием человека?

Другими словами, налицо явное противоречие: в своем религиозном рвении человек пытается достичь того, чем он уже обладает.

Путешествуя по Китаю, Доген изучил традицию тянь-тун и, вернувшись на родину, преобразовал ее в школу Сото-дзэн. Он искренне верил в то, что лучшим способом буддийского служения и, в частности, практической реализации природы Будды является методика медитации сидя (дзадзэн). Медитация была объявлена самодостаточной, так что человек вполне мог обойтись без религиозной или аскетической практики.

Придя к такому заключению, он рассматривал дзэн не как нечто принципиально новое, а лишь как практическое воплощение буддийской теории. При этом человек должен был заниматься медитацией ежедневно, то есть последовательно постигать природу Будды.

По мнению Догена, реализация сверхсознания осуществлялась не как результат медитации, но в процессе выполнения этой техники. Доген утверждал тождественность реализации сознания Будды и средства его достижения – медитации дзадзэн.

Иными словами, сидя в медитативном сосредоточении, человек не рассчитывает на конечный результат; целью медитации не является развитие соответствующих способностей для последующего обретения просветления.

Когда танцуете, будьте танцем, не будьте танцором. И наступит момент, когда вы – только движение, когда нет двойственности. Недвойственное сознание есть медитация.
Бхагван Шри Раджниш

Следует помнить о том, что Доген не считал возможным овеществлять сознание Будды или представлять его как некую духовную цель. Напротив, он был уверен, что природа Будды должна проявляться сразу же после устранения помрачающих рассудок условностей.

У ждущей утреннего солнца
Росы в травинках
Почти нет времени,
Так не спеши же подниматься,
Осенний ветер в поле!
Доген

Доген обозначил характер проявления природы Будды как мудзё (непостоянство). Осознав одно, вы осознаете другое.

Переходя из одного состояния в другое (из мира сансары в состояние нирваны и наоборот), человек осуществлял предназначенное. Человек, побывавший в нирване, непременно возвращался в изменчивый мир сансары. Только таким образом просветленный достигал истинного понимания сути вещей.

ДОГЕН И ЕГО ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ

В своей главной работе «Сёбо гэндзо удзи» [13 - Работа Догена, которая в русском переводе называется «Сокровище истинных глаз – дхарм», насчитывает 95 томов. Это первый на японском языке всеобъемлющий труд по буддийской философии.] Доген утверждал тождественность времени и бытия. Иными словами, все проявления феноменального мира – например, горы и моря – проявляются во времени, вне которого их существование невозможно. Все сущее непостоянно; все вещи имеют природу Будды и, следовательно, даже сама природа Будды непостоянна. Время не может быть эфемерной, неуловимой категорией.

...Та необъяснимость, что мы живём именно сегодня и всё же располагали бесконечным временем для возникновения, что мы обладаем только отрезком сегодняшнего дня и

должны в его пределах показать, почему и для чего мы возникли как раз теперь.

Ф. Ницше

Если это так, должны существовать временные интервалы. Иными словами, моменты времени являются средством, при помощи которого осуществляется очередность познания различных объектов. Но фактически реальность нельзя дифференцировать во времени.

Переход из одного состояния в другое неразрывен во времени; то, что называется временем, непрерывно.

Время – это непрерывное перетекание одного состояния в другое.

Следовательно, время – это слово, которым мы обозначаем реку жизни (поток бытия).

Говоря об истинной реальности – природе Будды, Доген всегда подразумевал ее проявления в настоящем времени. Иными словами, реально только настоящее.

Таким образом, вместо того чтобы рассматривать две отдельные категории – бытие и время, – Доген декларирует некую единую сущность – единое и текучее время-бытие. По его утверждению, вечно только изменчивое настоящее.

Суть вещей проявляется исключительно в этом мире и в настоящий момент времени. Каждое мгновение жизни отражает вечность и подтверждает непрерывность временного континуума.

К сожалению, Доген жил за 700 лет до появления теории относительности. Будь Доген современником Эйнштейна, он бы воспринимал относительность пространства и времени как всеобщую закономерность, а не рассуждал бы о «временных интервалах».

Учение Догена содержит зачатки диалектического подхода к процессу перемен в той части, где просматривается противопоставление традиционных вечных категорий реальности течения времени. Налицо очевидная схожесть с идеями Гераклита (жизнь природы – непрерывный процесс движения), Бергсона (длительность, отличающаяся от времени, – первопричина всего сущего) и Уайтхеда (понимание природы как процесса). Уместно вспомнить и теологические построения Тейяра де Шардена (эволюционный процесс совершенствования мира).

Доген заложил основы радикальной космологической теории. Если все сущее во Вселенной переменчиво, то время может рассматриваться исключительно как понятие, обозначающее этот процесс, в рамки которого вписываются как единство всего сущего, так и

Не стало больше истинных людей

В сем брэнном мире

Беспредельны лишь отсветы в великих небесах

Доген

конечная реальность. Иначе говоря, с теологической точки зрения идея Бога не противоречит постижению процесса перемен. Логическим выводом, к которому приходит Доген, оказывается первоначальная буддийская предпосылка, согласно которой непостоянство рассматривается как единство времени и пространства в их извечном взаимопроникновении.

Попробуем сопоставить философский подход сото-дзэн с тем, как рассматривал сатори с точки зрения риндзай Судзуки. Последний полагал, что момент сатори является

вневременной категорией, тогда как Доген не считал возможным постижение реальности вне времени. На первый взгляд, эти утверждения противоречивы, но это не так. Момент интуитивного видения единичен, и эта уникальность возносит человека над временем и пространством. С другой стороны, суть озарения состоит именно в осознании переходящей природы реальности.

ДЗАДЗЭН

Во время этой медитации человек сидит лицом к голой стене. Техника дзадзэн чередуется с сеансами медитации во время ходьбы (кинхин). Сознание медитирующего должно быть абсолютно ясным и безмятежным. Эта задача не так проста, как может показаться на первый взгляд, ибо нетренированный ум постоянно генерирует разные мысли. В процессе дза-дзэн все мысли отбрасываются и внимание сосредоточивается на дыхании. Подобная техника способствует обретению бездумного состояния умиротворенности, войдя в которое, человек способен к непосредственному постижению реальности.

Как «созерцание», или «медитация», эта практика (дзадзэн) существовала в Индии задолго до буддизма. Вполне возможно, что Сакьямуни обрёл самоосуществление в этой позе. В этом положении сидел Бодхидхарма, когда к нему пришёл Хой-кэ.

Ричард де Мартино

Методику дзадзэн сравнивают с очищением загрязненного водоема. Водная гладь способна четко отражать предметы только тогда, когда волнение успокоилось, а вода кристально чиста. Дзадзэн никак не определяет отраженный образ, а лишь очищает и успокаивает воду. При этом очищение воды и отражение образа происходят одновременно, то есть просветление осуществляется как процесс.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ МЕДИТАЦИИ

В отличие от школы риндзай, считающей сатори своего рода внезапным озарением в результате мгновенного выхода на иной уровень сознания, адепты сото-дзэн особо подчеркивают, что любой медитирующий по определению является Буддой. Иными словами, медитируя, человек осознает свою истинную природу – природу Будды.

Таким образом, утверждается, что просветление не обретается в результате длительной медитативной практики, но является опытом, переживаемым во время медитации. Человек постигает природу Будды постольку, поскольку он занимается медитацией.

Следует помнить, что традиция дзэн предостерегает против целенаправленной мотивации поступков. В самом деле, поставив перед собой цель, человек укрепляет позиции эгоистического сознания. Просветление достигается как бы случайно. Для этого требуется лишь очистить свой разум.

ПРИРОДА БУДДЫ

Все вышесказанное так или иначе связано с буддийской доктрина природы Будды.

ИНТРОСПЕКЦИЯ

(внутреннее сосредоточение/видение)

Первое, о чем следует помнить, – это о том, что Будда или природа Будды неотъемлемы от личности человека. Вспомним, что, «увидевший Будду, бредущего по дороге, должен убить его!». Природа Будды выявляется либо как состояние сатори, спровоцированное коанами, либо в процессе медитативной техники дзадзэн как результат устранения эгоистического сознания. Личность и ее истинная природа познаются с помощью интроспекции (бессознательного внутреннего постижения, а не самоана

Монах, сжигающий деревянного Будду, чтобы обогреть

себя

лиза, что противоречило бы учению дзэн), исключаяющей любую форму внешнего восприятия. Так же как медитация лишь «очищает воду от загрязнения», интроспекция не подразумевает нового содержания, а выявляет уже имеющееся качество.

СПОНТАННОСТЬ

Природа Будды выявляется самопроизвольно. Именно в этом состоит различие между самосознанием и природой Будды. Это свойство опережает любую эгоистическую мысль и, свободное от уз самосознания, отражает буддийский взгляд на жизнь, согласно которому все сущее взаимосвязано и возникает под влиянием конкретных условий.

Спонтанные проявления придают созидательной активности ощущение легкости и беззаботности. В дальнейшем мы убедимся в том, сколь значительное влияние этот принцип оказал на практику и эстетику дзэн.

Совершенно необходимо искать подлинного и точного проникновения и понимания. Тогда вы сможете свободно путешествовать повсюду, и вас не спутают с обычными гипнотизёрами и шарлотанами.

Линь-изи

ПРАКТИКА ДЗЭН

Анархия и дисциплина

Нравственные нормы в дзэн определяются как категории сознания. Дурные поступки рассматриваются как результат эгоистической мотивации. Просветленный ум как абсолютная категория не может быть эгоистичным.

Подобное качество иногда называют нерожденным, то есть свойством чистого разума, стоящего над процессом перемен. Человек, обладающий нерожденным сознанием, абсолютно естественен в своих поступках.

Другими словами, чем бы вы ни занимались, рано или поздно вам приходится делать паузу и обдумывать сделанное. Появление первой мысли означает возврат к состоянию самосознания и утрату спонтанности поступка. Стрелок из лука, желая поразить мишень, не задумывается о своем «Я», направляющем стрелу, – она сама находит цель. Разум стоит выше эго, стрелы и цели.

С одной стороны, адепты традиции дзэн подчинены строгой дисциплине во всем, что касается настойчивых попыток разрушить стереотипы условного мышления (риндзай) или долгих часов неподвижного сидения в медитативной позе (сото). С другой стороны, достигнув уровня просветленного сознания, человек начинает вести себя непредсказуемо, спонтанно. (Пожалуй, в данном случае уместно говорить не о поведении, а о некоем совершаемом действии). Как уже было сказано, такие действия могут быть непредсказуемыми и необычными. Любая условность воспринимается традицией как враг номер один, так как, по определению, мешает спонтанному самовыражению. Моральные принципы также не подчинены строгой регламентации, но осуществляются по наитию, то есть так, как подскажет интуиция. В определенном смысле такой подход является анархическим. Однако речь не идет об эгоистической направленности, а скорее о бескорыстной непредсказуемости, возведенной в ранг духовной дисциплины, с помощью которой человек освобождается от оков эгоцентризма.

Монахи в Дза-дзэне

С точки зрения морали такая позиция напоминает схоластический подход Блаженного Августина, согласно которому, возлюбив, можно поступать по собственному разумению. Несомненно, христианский богослов призывал возлюбить Бога (так как «без веры нет знания, нет истины»). В данном случае принцип любви сам по себе подразумевал нравственную безупречность последующих поступков. Дзэн-буддисты исходили из аналогичной предпосылки, но вместо Бога предлагали нерожденный разум или сознание Будды. Впрочем, адепты учения не проявляли внешнего несогласия с общественными нормами морали.

Дзэн-буддисты без обиняков бросают вызов условным понятиям. Ниже приводятся строки из «Песни чистого разума» (1653), начертанные Банкей Ётаку:

Считаешь ты добром лишь то,
Что ненавидит зло.
Но зло есть то,
Что ненависть приносит.
Добром ты называешь
Добрые поступки
И сам не ведаешь того,
Что разум твой исполнен зла! [14 - Сравним со словами Мефистофеля из «Фауста»: «Я
– часть той силы...»]

Санскритская каллиграфия Хакуина

Стихи парадоксальны в том смысле, что разрушают общепринятые стереотипы мышления.

Может сложиться неверное представление о том, что дзэн-буддизм, акцентируя внимание на внутреннем мире человека, игнорирует мир внешний. В действительности конечной целью учения является переосмысление именно внешних проявлений бытия и формирование нового, свободного от эгоистических побуждений взгляда на вещи. В подтверждение сказанному приведу два примера.

В XII в. китайский мастер чань-буддизма Какуан [15 - Юань Шиюань (кит.).] создал цикл из десяти картин, изображавших быка (сюжет известен как «Поиски быка»).

На картинах изображается последовательное развитие отношений между пастухом и быком. Этот сюжет символически отображает последовательность обретения человеком природы Будды. Так, пастух выслеживает быка, преследует его, арканит и уводит за собой. Цикл завершает картина, на которой восстановлено природное равновесие, то есть пастух забывает о быке, о собственном «Я» и символически сливается со всеобъемлющей

гармонией жизни. Иными словами, человек познает, как прекрасен этот мир. [16 - На последней картине нет ни быка, ни пастуха. Таково совершенство!]

Другой пример – традиционная вечерняя молитва, которую читают после выполнения техники дзадзэн:

Живые существа бессчётны,
Клянусь оберегать их.
Желания неисчерпаемы,
Клянусь подавить их.
Дхармы безграничны,
Клянусь постичь их.
Сознание Будды всеобъемлюще,
Клянусь достичь его.

Молитва свидетельствует о стремлении к познанию истинной реальности и компетентному взаимодействию с ней (постижение дхарм), равно как и об альтруистических намерениях молящегося (бережное отношение ко всему живому).

1. Поиски быка

2. Приручение быка

3. Возвращение домой

4. Бык забыт «Я» осталось

5. Бык и «Я» забыты

6. Возвращение к истокам с полученным результатом

Другими словами,

практика дзэн направлена на разрушение стереотипов мышления и подавление самосознания.

Конечной целью дзэн-буддизма является достижение чистого сознания, непосредственности и альтруистического отношения к миру. Отличительная черта дзэн, да и других буддийских школ состоит в том, что они не просто декларируют добродетели, но и призывают к их практическому воплощению.

Человек, осознающий эти качества, но не применяющий их в повседневной жизни, льет воду на колесо эгоцентризма и уподобляется тому «славному парню», который хорош сам по себе, но не приносит пользы окружающим. Дзэн-буддизм предлагает конкретные методики, с помощью которых человек воспринимает добродетель как естественное качество.

ЭСТЕТИКА ДЗЭН

Согласно теории хуаянь (взаимопроникновения), каждая песчинка в мироздании содержит информацию о всей Вселенной. Все сущее едино, а любая дифференциация иллюзорна. Следовательно, сущность всего буддийского учения может быть выражена одним действием. Любое естественное и спонтанное проявление отражает природу Будды.

Другими словами, большую часть времени самосознание наделяет мир теми или иными характеристиками, которые не имеют ничего общего с истинной природой вещей, и действия человека становятся формальными. Устранив эгоистическое сознание, человек начинает действовать спонтанно, то есть его поступки согласуются с природой Будды.

Сознание и объекты суть всегда одно и то же; различаются же только взгляды.

Юн-мин

Искусство как один из способов естественного самовыражения становится средством духовного постижения. Природа Будды может быть выражена в одном-единственном цветке в дзэнском саду, представляющем собой естественное сочетание камней и песка, или в изысканной церемонии чаепития. Эстетика дзэн заметна во всем – в искусстве каллиграфии и икебаны, в музыке, поэзии, живописи.

Эстетика дзэн очень прямолинейна и бескомпромиссна. Любое произведение искусства непременно должно отражать два качества – естественность и непосредственность. Именно эти свойства выражают сущность чистого разума и находятся в согласии с идеей всеобщего взаимопроникновения.

И снова возникают ассоциации с даосизмом. Любое рукотворное произведение дзэн может восприниматься в соответствии с даосской доктриной ву-вей (невмешательства), так как не является результатом преднамеренного искажения природы исходного материала.

ВОСТОК ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЗАПАДОМ

Изучая западную философию, современные буддийские мыслители обнаружили как общие черты восточного и западного подходов, так и их принципиальное различие. Так, Судзуки подверг критике фундаментальные основы западного философского подхода – его дуалистичность, приверженность анализу и концептуальному оформлению понятий. Такому подходу японский мыслитель противопоставляет позицию дзэн-буддизма, основанную на интуиции, философии целостности и неприятии концептуального осмысления действительности. Он указал на то, что традиция дзэн не приемлет двойственности и непримиримости западных понятий, например, противостояния «Бог – человек» или «вера – логическое доказательство».

В своей работе «Доказательство и интуиция в буддийской философии» он выявляет принципиальное различие между терминами виджняна и праджня.

Слово виджняна можно привести как доказательство, которое, по определению, требует логического обоснования. Соответственно, западная философия имеет дело именно с виджняной.

Праджня обозначает мудрость, то есть не подлежит аналитической интерпретации, являясь по своей сути связующим элементом, объединяющим разрозненные понятия в

единое целое.

Восток стоит скромно и смиренно с открытыми ушами и глазами, а Запад, слепой и глухой, застрявший в тупике материализма, угрожающе размахивает своей научной дубиной и почти что уже довёл мир до гибели.

К. Скрябина Редиин

Таким образом, дискуссия между Западом и Востоком сводится к диалогу между виджняной и праджняй. С точки зрения западных философов, восточная праджня (мудрость) излишне обременена религиозными, культурными, моральными и другими понятиями. В свою очередь, восточные мыслители считают западную виджняну слишком прагматичной и не способной выйти за рамки рационального мышления.

НИШИДА КИТАРО (1870—1945)

К середине XIX столетия Япония вышла из длительного периода культурной изоляции, и японские философы получили возможность познакомиться с работами западных мыслителей.

Процесс влияния западных идей на национальную культуру можно проследить по работам профессора философии Нишиды, преподававшего в университете Киото с 1913 по 1928 гг.

Нишида брал за основу западные концепции и поочередно пытался примирить их со своим образом мышления. Он пытался определить, до какой степени доктрина дзэн может быть выражена языком западных философов. Иными словами, буддист хотел обрядить восточное учение в европейские одежды.

Следует помнить, какую непосильную ношу взвалил Нишида на свои плечи. Учение дзэн, подобно западному мистицизму, никогда не оперировало концептуальными формулировками. Напротив, оно разрушало привычные представления. Таким образом, задача формулировки концепций для их же разрушения представлялась весьма проблематичной.

Частично Нишида принял за основу диалектический подход Гегеля, согласно которому всякий процесс развития проходит три ступени: тезис, антитезис и синтез. Каждая следующая ступень отрицает предыдущую, превращаясь в ее противоположность, а синтез не только отвергает антитезис, но и соединяет в себе по-новому некоторые черты двух предыдущих ступеней развития. Синтез, в свою очередь, является началом новой триады. Упрощая, можно сказать, что Нишида использовал подход Гегеля к Вселенной как к незатухающему процессу примирения противоположностей.

На следующем этапе Нишида попытался осмыслить перемены и противоречия повседневного опыта в свете дзэнской доктрины всеобщего единства. В работе «В поисках Добра» (1911) он утверждает, что реальность есть не что иное, как чистый опыт, предшествующий субъектно-объектной дифференциации, восприятию двойственной материи и сознания и даже ощущению времени. Однако фактически реальность познается несколько иначе, и таким опытом становится сатори, или просветление. В действительности мы воспринимаем Вселенную во времени как процесс перемен.

Таким образом, процесс саморазрешающегося противостояния не умаляет закономерного единства всего сущего.

Идея «чистого опыта» перекликается с позициями Анри Бергсона и Уильяма Джеймса, которые рассматривали любой опыт – будь то религиозно-мистический или жизненный (в том числе опыт эволюционного развития) – как отправную точку развития философских концепций.

В той же работе («В поисках Добра») Нишида дает свое толкование концепции Бога. По его мнению, Бог не стоит над реальностью, но является ее Первопричиной, то есть тем, что устраняет различия между субъектом и объектом, духом и материей. Наше «истинное Я» является конечной вселенской реальностью, а его познание означает союз с Божьим промыслом.

Таким образом, добро, поиском которого он занимался, лежит в области реализации истинной природы человека.

Здесь мы имеем дело со смелой попыткой примирения интуитивного опыта дзэн с концептуальным подходом западной философии. Как в упомянутой, так и в последующих работах Нишида пытался найти универсальный онтологический принцип.

На следующем этапе своего исследования Нишида рассматривал две другие концепции. К 1917 г. он пересмотрел свое отношение к идее чистого опыта как к основе для проявления абсолютной свободы воли и перешел к исследованию вопросов небытия. Начиная с 1927 г., надеясь найти некую общую основу универсальной философской мысли, он занимается переосмыслением логических построений Аристотеля. Аристотель пришел к двум логическим выводам:

- каждая форма бытия представляет лишь саму себя;
- бытие и небытие не могут проявляться одновременно и как единое целое.

Ничто не демонстрирует столь наверняка могущество Творца, как неверность и непокорность его творения. Чем более живым Он делает его, тем более делает Он его свободным.

Поль Валери

Однако, как мы уже убедились, дзэн не допускает возможности и не признает логического анализа и в качестве средства расширения сознания предпочитает парадоксальные построения. Поэтому не удивляет настоятельное утверждение Нишиды, что реальность едина во времени и во всех ее проявлениях.

Человек. Каллиграфия Дзиуна

Нишида сделал попытку заменить логику Аристотеля тем, что он называл «логикой места». Однако то, что представляет конечную истину, не имеет «места» в пространстве, так как, по определению, представляет «небытие». Если конечная реальность

представляет собой небытие, то как идентифицировать его «место» в пространстве? В работе «Логика места небытия и религиозное познание действительности» (1945) японский философ утверждает, что религиозный подход состоит в познании истинного «Я» и его отношения к действительности. По его мнению, религиозное сознание универсально, а постижение природы Эго и есть одна из задач, стоящих перед таким сознанием. Нишида приходит к выводу, что Бог и истинное «Я» идентичны. Таким образом, он еще раз подтверждает истинность буддийского учения, согласно которому природа Будды присутствует в каждом человеке.

Итак, в качестве ключевой посылки Нишида выбирает идею абсолютного небытия, которое рассматривает как истинную реальность. При этом небытие не является относительной категорией, но – конечной реальностью, отрицающей абсолютность существования отдельных индивидов. Такой подход отражает основную идею буддизма об иллюзорности индивидуальных проявлений (идея анатты в раннем буддизме и учении тхеравады), согласно которой все объекты материального мира не имеют самостоятельного мира, ибо все сущее взаимосвязано. Небытие (или шуньята в традиции махаяны) является ключевым понятием буддийской онтологии, и поэтому, интерпретируя западные концепции, Нишида уделял особое внимание месту небытия. Другими словами, идентифицируя Бога (или конечную реальность) как абсолютное существо, человек начинает давать ему характеристики, и, таким образом, эта категория перестает быть абсолютной. Иными словами, любая объективная оценка переводит понятие в ранг условного. Это противоречие можно устранить, обозначив реальность как абсолютное небытие. Понятие не подразумевает отрицание, а, напротив, отражает реальность как таковую, объективно и концептуально. Абсолютное существование становится возможным лишь в рамках абсолютного небытия. В данном случае мы имеем дело с тем, что Нишида обозначил как идентичность абсолютного противоречия. Очень по-дзэнски!

Второй ученик Будды, создающий дворец из кувшина. Дворец символизирует Нирвану

В изложении Нишиды концепция Бога как неизменной и высшей сущности близка позициям пантеизма (мир пребывает в Боге). Иногда его идеи напоминают пантеистическое учение, отождествляющее Бога с природой, но концепция абсолютного небытия делает такие ассоциации неубедительными. Подчеркивая некоторую натянутость западных теорий о Боге, он прибегает к аргументации учения махаяны: то, что принято считать за реальность, существует выше ее проявлений.

Уместны аналогии с учением Хайдеггера о смысле бытия (чтобы постичь этот смысл, человек должен отрешиться от всех практически-целевых установок и осознать свою смертность, брэнность. Лишь чувствуя себя постоянно перед лицом смерти, он в состоянии увидеть значимость и наполненность жизни) и теологией Пауля Тиллиха, выдвинувшего концепцию самосущности Бога. В этой же связи можно упомянуть «Смерть Бога» Ван Бурена и ряд других богословских идей. Все западные теоретические построения преследовали единственную цель – уйти от объективной оценки и ограниченного толкования концепции Бога. Фактически Нишида проводит в жизнь ту же идею посредством концептуальной трактовки буддийской доктрины шуньяты.

Раздел, посвященный изысканиям Нишиды, не претендует на полноту освещения взаимодействия западного и восточного философских учений; эта область исследования слишком обширна. Очевидно лишь одно – буддийская концепция шуньяты вполне применима ко многим западным теориям, например, ее можно взять за основу при идентификации неуловимого «Я». (Согласно дзэн, «Я» одновременно исчезает и действует).

Большинство трудов Нишиды посвящено мистическим и личностным аспектам

реальности. К сожалению, он не уделил должного внимания политическим и социальным вопросам, а именно их интерпретации посвящена значительная часть западных философских работ. Это упущение исправил последователь Нишиды, его коллега по университету в Киото Танабэ Маджима (1885-1962). По его мнению, личность не могла взаимодействовать с Абсолютом иначе, чем посредством социальных или политических структур. Его ранние работы были посвящены идее национального государства, но позднее, отдавая дань традициям прошлого, ученый заинтересовался теорией отказа от личного «Я», подразумевающей обретение внешней силы за счет отождествления с Абсолютом, каковым он считал будду Амиду.

Точно так же, как существование Господа скрыто внутри существ, так и отец обретает себя в сыновьях, учитель в учениках. Мы можем сказать, что Бог находит себя в человеке.
Шри Капали Шастриар

Этические принципы философской школы Киото подразумевали полный отказ от личного «Я». Эта норма могла осуществляться на двух уровнях: либо за счет растворения личности в социальной группе людей, либо путем непосредственного постижения собственного ничтожества (идея небытия). В этой связи уместно вспомнить о даосской доктрине ву-вей (невмешательство), призывавшей воздержаться от действий, противоречащих естественным законам. Моралисты школы Киото были поборниками социально значимых принципов поведения и критиковали немецкого экзистенциалиста Хайдеггера за его индивидуализм. Вероятно, нельзя недооценивать их вклад в развитие восточной философии, которую принято считать крайне индивидуалистической.

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ДЗЭН ФИЛОСОФИЕЙ?

Учение дзэн, направленное на прямое постижение реальности и не допускающее умозрительных теорий концептуального толка, свело до минимума свою теоретическую основу. Многие техники, практикуемые адептами этой школы, специально предназначены для подавления рационального мышления.

И все же дзэн следует рассматривать в рамках восточной философской традиции. В пользу такого утверждения говорит, с одной стороны, четкая регламентация предмета изучения, а с другой, – очевидные попытки некоторых дзэнских мыслителей интерпретировать традиционные духовные истины, прибегая к языку западной философии.

ЛЕКЦИЯ 16

Яркие представители Бусидо. Школа Кэмпо-дзэн Метта

ЯРКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ БУСИДО

КАМО ДЗИГИРО ДЗЮДО

Современное дзюдо обычно представляют как спорт, боевое искусство, духовную дисциплину, систему физического воспитания и вид активного отдыха. В определенной мере все это, да и не только, дзюдо. Для тех, кто всего себя отдал дзюдо, оно является образом жизни. Но полностью оценить истинную природу дзюдо еще предстоит шестимиллионной армии его сторонников, поскольку личные интересы сузили само понимание задач дзюдо, когда многим важным чертам дзюдо не уделялось внимания в угоду некоторым его особенностям.

Чтобы увидеть дзюдо в истинном свете, необходимо изучить исходную форму, Кодокан дзюдо, поскольку она связует японское средневековье, иначе классическое дзюдо, и спортивно-состязательную разновидность дзюдо, столь популярную в мире сегодня.

Нет границ на пути мягкости,
И для сердца не будет врагов.
Мифунэ Кюдзо

Кано Дзигиро (1860– 1938) явился основателем Кодокан дзюдо. Нашедшие выражение в самой личности Кано рациональный склад ума педагога и собственная философия идеалиста существенно повлияли на природу исходной формы Кодокан дзюдо. Кано-педагог искренне верил, что процветание всякой нации зависит от ее энергетического заряда, который в свою очередь определяется моральными качествами ума ее граждан и крепостью их тела. В детстве Кано был болезненным ребенком. Из-за физической слабости он часто становился жертвой уличных задира, которые его нещадно избивали. Поэтому он стал искать возможности поправить свое столь жалкое здоровье. Он взялся за собственное физическое воспитание, занимаясь бейсболом, греблей, гимнастикой и туризмом. Через два года Кано с удовлетворением отметил, что он стал вполне здоровым, и теперь у него довольно крепкое тело, однако решающий перелом в его жизни наступил тогда, когда он решил изучать дзюдзюцу (искусство мягкости).

Кано Дзигиро

В 1877 году Кано поступил в Тэндзин Синъё Рю, руководимую Фукудой Ха-тиносукэ, бывшим воспитанником Исо Матозэмона, основателя данной школы. Тэндзин Синъё Рю в эпоху Мэйдзи была лишена какой бы то ни было боевой направленности, но сохранила за собой репутацию эффективной системы самообороны. Фукуда был требователен в обучении своих немногочисленных учеников, и, как вскоре выяснилось, никто из них не был столь прилежен в занятиях, как Кано. С каждым занятием рос его интерес к дзюдзюцу, несмотря на возрастающую сложность физических нагрузок. Коньком данной школы считались атэ-вадза, иначе «удары», и катамэ-вадза, иначе «захваты». Изодранная в ключья уваги (тренировочная куртка) Кано, хранимая ныне семьей Кано как одна из реликвий, говорит о том рвении, с каким он отдавался учебе. Его преследовали травмы. За стенами додзё товарищи выговаривали ему за самолечение полученных во время занятий дзюдзюцу ран. Они жаловались, что «кановские мази», смеси, которыми он покрывал свои ссадины и царапины, столь дурно пахли, что по их запаху узнавали о присутствии Кано, еще не видя его самого.

Кано Дзигиро

Со смертью Фукуды руководить занятиями Кано стал Исо Масатомо, сын основателя Тэндзин Синъё Рю. Но смерть последнего вынудила Кано продолжить изучение классических будзюцу в другом месте. В 1881 году Кано примкнул к Кито Рю, где содействие в обучении ему оказал наставник Иикубо Цунэтоси. Этой школе также была чужда воинская жилка. Система обучения Иикубо, именуемая ран (подразумевающая «свободу действий»), существенно отличалась от дзюдзюцу и других рю. Иикубо придерживался умеренных физических занятий, уделяя больше внимания абстрактной символике в связи с физической техникой. Упор в Кито Рю делался на нагэ-вадза, иначе «броски».

Итоговым, кумулятивным действием занятий в стилях Тэндзин Синъё Рю явилось не только дальнейшее укрепление физического состояния Кано, но и становящаяся все более ненасытной жажда занятий дзюдзю-цу. Он стал рассматривать другие рю классического буд-зюцу с научной точки зрения, особенно методы безоружной борьбы, бывшие предметами обучения военно-прикладного характера в школах Сэкигути Рю и Сэйго Рю. В то время Япония оказалась под влиянием тех умонастроений, когда большинство городских жителей было настроено против традиционных институтов, обычаев и верований. Кано сожалел о том, что классическое дзюдзюцу по этой причине оказалось в не милости. А с упадком самого дзюдзюцу падал и престиж многих признанных его знатоков. Многие опытные представители дзюдзюцу в силу своего незавидного социального, а также и экономического положения, вызванного отсутствием учеников,

вынуждены были давать представления или же вызывать на поединок всех желающих из числа зрителей, заплативших за представление. Кано же рассматривал дзюдзюцу как предмет национальной культуры, как культурное достояние, достойное уважения со стороны народа. Поэтому он твердо решил вернуть дзюдзюцу подобающее ему место.

Выполнение поставленной перед собой задачи Кано начал с переделки самого дзюдзюцу на особый лад, так, чтобы оно казалось и привлекательным, и полезным для общества эпохи Мэйдзи. В 1882 году Кано выступает уже со своей синтезированной системой и, находясь в очень стесненных обстоятельствах, обосновывается в Эйсё-дзи, храме, расположенном в токийском районе Ситая. Свою новую систему он называет Кодокан и начинает ее преподавать девяти ученикам в додзё, вмещавшем лишь двенадцать татами (мат из рисовой соломы, служащий для настилки полов, размером примерно 0,9 на 1,8 м).

Кодокан Дзюдо является чрезвычайно неоднородной системой. Кано произвольно заимствовал идеи из авторитетных классических японских источников. Выбирая название Кодокан, он, к примеру, был хорошо наслышан о существующем Кодокане в г. Мито (столице одноименного удела), префектура Ибараги. Кодокан удела Мито основал его даймё Токугава Нариаки (1800—1960) в XIX веке в качестве высшего учебного заведения; в его стенах такие ученые, как Айдза-ва Сэйсисай и Фудзита Токо, сформировали идеи национализма шовинистического толка, которые способствовали падению Токугавского сёгуната и питали националистическую идеологию лидеров Мэйдзи и последующих эпох. Кодокан у Кано и Кодокан удела Мито на слух звучат одинаково, хотя первые иероглифы этих слов различны. Однако их общий смысл выражает свойственный им обоим дух культурного начинания. Кодокан у Кано означает: «ко» – преподавание, изучение, практика, «до» – путь, учение и «кан» – зал или место, т.е. «место изучения пути».

Общая концепция и задача классического будо как духовной дисциплины, используемой в качестве орудия самосовершенствования, привлекали Кано. Он явно стремился сделать собственное Кодокан дзюдо орудием для митио осамэру, иначе «овладения путем». Кано специально выбрал слово «дзюдо», предпочитая его «дзюдзюцу», с тем чтобы подчеркнуть значимость философской составляющей «до» как «пути к человечности». Но этот выбор больше диктовал сугубо практические соображения. Кано писал: «Многие рю по дзюдзю-цу чаще поощряли прибегать к такой опасной практике, как броски, к нечестным приемам либо к выворачиванию конечностей. Это приводило многих людей, ставших свидетелями подобного рода жестокостей, к мнению, что дзюдзюцу является опасным и вредным для организма занятием. К тому же имелись рю по дзюд-зюцу с плохо поставленной дисциплиной, чьи воспитанники вели себя вызывающе, прилюдно опрокидывая со всей мощи на землю невинных людей или же затевая драки. Все это привело к тому, что слово «дзюд-зюцу» стало вызывать неприятные ассоциации у некоторых представителей высших слоев общества. И поэтому мне хотелось показать, что предлагаемое учение, в полную противоположность учениям дзюдзюцу, как они сложились в умах представителей этих слоев, не таит в себе никакой угрозы и не предназначается для ведения агрессивных действий... Если преподнести (мою систему) под именем дзюдзюцу, то она оказалась бы неприемлемой для высших слоев общества».

В словах Кано, помимо явно выраженного презрения к репутации дзюдзюцу эпохи Мэйдзи, ощущается его озабоченность социально-сословными различиями. То, что он был выходцем из состоятельного и влиятельного торгового семейства, вкупе с высокой образованностью сделало его исключительно восприимчивым к социальным различиям в смысле сословных нравственных норм. Именно такая восприимчивость и побудила его

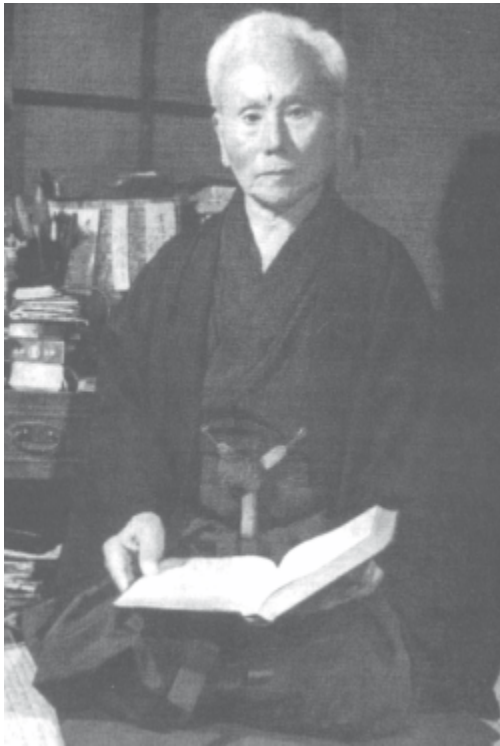
преподавать Кодокан дзюдо лишь людям самых высоких моральных качеств; Кано никогда не полагал, чтобы его системе обучались все без разбора.

Само использование со стороны Кано слова «дзюдо» несло с собой определение трудности. Еще два столетия назад Дзикасин Рю стала первой известной школой, где начали употреблять слово «дзюдо», но некоторые рю вскоре последовали этому примеру. Подобное обстоятельство и побудило Кано использовать пояснительное слово «Кодокан» с тем, чтобы его систему дзюдо можно было отличать от дзюдо классических стилей.

ФУНАКОШИ ГИТИН КАРАТЭ ДО

Император Хирокито, путешествуя по Окинаве в 1921 году, еще будучи наследным принцем, стал свидетелем представления по каратэ-дзюцу и был столь приятно удивлен, что включил данный эпизод в свой официальный отчет японскому правительству. Проявленная властями заинтересованность окинавскими видами боевых единоборств побудила Министерство образования пригласить специалиста из Окинавы в Японию. Для поездки в Японию выбор пал на Фунакоши (Томинакоши) Гитина (1869—1957) из Сюри [17 - Бывшая резиденция королей государства Рюкю, ныне пригород столицы префектуры Окинава Наха.], учителя японского языка начальной школы, поскольку он был самым образованным среди представителей окинавского единоборства тэ, хотя существовали на острове и более умелые коренные борцы. Фунакоши выступил в киотском Бутокудэн в 1917 году, где познакомил официальные японские власти и членов Бутокукай с оки-нава-тэ и каратэ-дзюцу. Но лишь во время своего второго визита в 1922 году он дал первые публичные показательные выступления по каратэ-дзюцу в Японии.

Чтобы как можно больше заинтересовать японскую публику каратэ-дзюцу, Фунакоши сознательно устраивал свои выступления перед образованными слоями общества. Как словом, так и делом он впечатляюще представил физические и духовные качества каратэ-дзюцу аудитории, преимущественно состоящей из артистов и адвокатов, поскольку полагал, что люди, сама профессия которых наделяет их живым умом, обычно обладают неповоротливым телом. Он упирал на то, что занятия каратэ-дзюцу укрепляют даже самое слабое тело и что человек невзрачного сложения, вроде него, может стать довольно крепким благодаря таким занятиям. Фунакоши приглашал из публики добровольцев испытать его прочность на удары и проверить его устойчивость; никому не удавалось сдвинуть его с места или опрокинуть на землю. Столь достойное поведение произвело существенное впечатление на всех тех, кто видел его выступления, и спустя короткий промежуток времени его учение нашло немалое число сторонников. Фунакоши также давал выступления по каратэ-дзюцу у Кано Дзигиро в его Кодокане и в университетах, где стремительные представления его мастерства глубоко запали в душу и преподавателей, и студентов.

Фунакоши Гитин

Метод ознакомления Японии с кратэ-дзюцу, выбранный Фунакоши, лишь в малой части дал представление японской публике об окинавском искусстве, в той части, которая виделась Фунакоши наиболее подходящей для его целей и более всего сулящей поддержку со стороны образованной аудитории. Его популярность как наставника быстро росла, а с ней росло желание общественности узнать как можно больше об этом эффективном способе ведения рукопашного боя. В 1924 году токийский университет Кэйо Гидзюку позаимствовал каратэ-дзюцу для целей физического воспитания; токийские Императорский, Сёка (Китоцубаси), Васэда, Гакусюин, Такусеку, Тюо, Мэйдзи, Нихон и Хосэй университеты вскоре последовали этому примеру. Огромная популярность каратэ-дзюцу среди студенчества дала этому виду единоборства больше сторонников в самой Японии, чем на Окинаве.

Во время своего пребывания в Японии Фунакоши воспитал целую плеяду учеников, каждый из которых сыграл важную роль в развитии современного японского вида каратэ-до, выражающего индивидуальные стили каждого из них. Наиболее выдающимися его учениками в Японии были Тагаки Масатомо, Накаяма Масатоши, Ито Кэнъити, Оцука Хидэнори и Киниси Ясухиро.

Бурный расцвет японского каратэ-до, однако, нельзя связывать с идеями одного человека или влиянием единственной секции. Многие опытные борцы оказали воздействие на формирование японского каратэ-до и способствовали его росту. С традиционной же точки зрения «крестным отцом» японского каратэ-до следовало бы считать Фунакоши, учитывая то, в какой мере он был ответственен за введение различных важных новшеств в окинавское каратэ-дзюцу, что сделало его более привлекательным для японцев. В 1933 году Фунакоши изменил смысл слова «кара», которое вначале записывалось иероглифом, означающим «Китай» [18 - Точнее, Китай Танской династии (618-906 гг. н.э.)], взяв другой иероглиф, читаемый также «кара». Фунакоши тем самым изменил смысл слова, которое стало означать «незанятый», или «пустой». Поэтому у Фунакоши каратэ-дзюцу стало переводиться как «искусство пустой руки». Двумя годами позже Фунакоши предпочел вместо «дзюцу» слово «до». Так что каратэ-до родилось в

Японии и буквально означает «путь пустой руки». Изменения Фунакоши возмутили многих борцов на Окинаве, которые посчитали их надругательством над традицией. Но к 1938 году почти все они уже привыкли к тому, что их системы называли то каратэ-дзюцу, то каратэ-до.

Чтобы способствовать распространению своих идей, Фунакоши в 1936 году открыл в Токио центральный додзё и после долгих колебаний дал ему имя Сётокан. Иероглифы, читаемые как «сёто», представляя прозвище Фунакоши как каллиграфа, «кан» означает зал. Фунакоши никогда не представлял свой стиль каратэ-до как Сётокан-Рю; он был категорически против использования феодального термина «рю» в отношении своего детища каратэ-до. Поэтому, когда современные представители каратэ-до прибегают к названию «Сётокан-рю», пытаюсь тем самым показать свою приверженность идеям Фунакоши, это не правомерно. Ёситака, сын Фунакоши, все же создал Сётокай (общество Сёто), и эта организация послужила основой для создания в 1957 году Ниппон Каратэ Кёкай (Японского союза каратэ).

Присутствие в Японии окинавских мастеров каратэ-дзюцу привело к довольно широкому распространению их своеобразных идей, что, однако, вызвало, в свою очередь, еще более широкое толкование этих самых идей со стороны мастеров и учеников. Возникло острое соперничество между мастерами, пытавшимися превзойти друг друга; само соперничество подогревалось, к тому же, верными учениками, стремящимися доказать превосходство своего наставника или школы. Такая профессиональная ревность и взаимные трения вели ко все более широкому распространению как технического арсенала, так и методов обучения каратэ-до.

Со вступлением Японии в войну с Китаем в 1937 году, а затем и вовлечением во Вторую мировую войну каратэ-дзюцу и каратэ-до были официально признаны, принято решение обучать солдат и матросов этим дисциплинам. Массовое участие молодых способных японцев в занятиях этими дисциплинами привело к быстрому развитию новых, опирающихся на каратэ, техник ведения рукопашного боя. После поражения Японии и в период запрета на большинство воинских искусств и принципов эти каратэподобные системы процветали, так как союзное командование полагало, что такие системы – всего лишь методы физической подготовки на манер «китайского бокса». Технический прогресс каратэ-дзюцу и каратэ-до в пятидесятые и шестидесятые годы был ознаменован стандартизацией самой техники, тактики и методов обучения каждой секции, что, в свою очередь, выявило существенные различия между ними и побудило многих специалистов заняться разработкой японского национального стандарта для каратэ-до. В конце концов вовлечение огромного числа студентов высших школ и университетов в соревнования по каратэ-до привлекло внимание к спортивной стороне каратэ-до, и данная дисциплина приобрела статус национального вида спорта.

ТАКЭДА СОКАКУ ДАИТО РЮ ДЗЮДЗЮЦУ

Ликвидация уделов в 1871 году и запрет на ношение мечей в 1876 году способствовали падению популярности классического мечебойства. Но беспокойные социальные условия ранней эпохи Мэйдзи сделали изучение самообороны без оружия популярным и необходимым. В этот период Сайго Таномо Такимаса был священнослужителем в

синтоисском храме Никко Тосё-гу, и как раз здесь он повстречал Такэду Сокаку Минамото Масаёси (1858—1943), оказавшегося довольно искусным мечником.

Такэда Сошкү

Сокаку начал изучать хэй-хо (кэндзюцу) школы Оно-ха Итто Рю в 1870 году под руководством Сибуя Тома, бывшего врача из удела Айдзу. Он также получил представление об искусстве мечебойства школы Кёсин Мэйти Рю, выступая против Момоно-и Сюдзо в 1874 году. Но лишь после того как он присоединился в 1875 году к школе Дзикасин-кагэ Рю и стал заниматься под началом Сикакибара Кэнкити, его умение владения мечом стало отточенным, и он получил прозвище Айдзу-но Котэнгу, «малыш тэнгу (сказочный леший с длинным носом, обладающий невероятной силой) из Айдзу». Сокаку оказался в храме Тосёгу в связи со смертью своего старшего брата, который обучался в здешних местах. Сокаку так приглянулся Сайго Таномо Тикамаса, что тот взял его к себе на услужение в качестве телохранителя; но мотивы, побудившие престарелого Сайго взять к себе Сокаку, возможно, определялись его надеждой на то, что Сокаку сможет научиться осикиути. Как бы то ни было, такой поворот событий позволил Сокаку все свои силы направить на изучение воинских искусств. Он получил в 1877 году преподавательскую лицензию на окудэн, иначе тайные учения, как хэйхо из Оно-ха Итто Рю, так и содзюцу из Ходзоин Рю. Путешествуя по Японии и испытывая свое мастерство в схватках со многими мечниками из различных рю, он тем самым укреплял свою славу сильного мечника.

Борцовский характер Сокаку прошел серьезную проверку, когда ему было от роду двадцать три года. Едва достигая полутора метров, облик Сокаку должен был представлять странное зрелище, когда он устало тащился по токийским улицам со своим тренировочным скарбом, подвешенным к столь дорогому его сердцу зачехленному мечу Бидзэн, который он носил на плече. Общий спад интереса к мечебойству и ярко выраженное стремление средних японцев эпохи Мэйдзи поклоняться всему западному подтолкнули нескольких молодых строителей поддеть проходящего мимо Сокаку: «Эй, а

не стало ли нынче старомодным занятие мечебойством?». На что Сокаку резко огрызнулся: «Лучше заткнитесь», и это разозлило рабочих, которые тотчас же набросились на невзрачного Сокаку. Когда один из рабочих схватил Сокаку за отвороты его кимоно, тот, инстинктивно реагируя, сбросил свой скарб на землю и, пользуясь зачехленным мечом, отбросил соперника назад. В завязавшейся схватке меч выскользнул из ножен и серьезно порезал грудь рабочего. Остальные при виде крови отступили, но скоро гнев пересилил страх. На их крики о помощи прибежали другие рабочие. Более двадцати человек, вооруженных ножами, тростями со складными лезвиями и рабочим инструментом, надели на Сокаку, и у того не оставалось выхода, как пустить в дело меч, спасая собственную жизнь. Он рубил всех, кто к нему приближался. Бригадир, видя, как умело Сокаку обращается с мечом, послал за подкреплением, и скоро почти триста рабочих окружали отчаянно сопротивлявшегося Сокаку.

Путь к отступлению был отрезан, а он сам оказался в центре негодующей толпы, откуда летели камни, черепица, резаки и все, что попадалось под руку. Сокаку сохранял спокойствие, увертываясь от ударов и делая перебежки, пока силы не оставили его и, изможденный, он упал на землю. Рабочие разом набросились на него. Один из них зацепил тело упавшего Сокаку с помощью тоби-гути, багра. Сокаку ожидала неминуемая смерть. Но в этот момент появились конные полицейские и спасли жизнь Сокаку. Разогнав толпу рабочих, полиция обнаружила двенадцать убитых и еще больше раненых; Сокаку же лежал без сознания, истекающий кровью, но так и не выпустивший из рук свой драгоценный меч. Последовавший суд оправдал Сокаку, сняв с него все обвинения со стороны рабочих. Сайго Таноно Тикамаса наставлял

Сокаку: «Жизненный уклад уже не тот, что был в период Эдо, время мечей прошло. Стычка произошла из-за того, что ты был при оружии. Отложи меч в сторону и займись дзюдзюцу». Но прошло немало времени, прежде чем Сокаку внял данному совету.

В 1877 году Сайго Таноно Тикамаса оказал поддержку Сиде Сиро (род. 1868) и взял его в Айдзу обучать искусству осикиути. После трех лет усердных занятий Сиде отправился в Токио для продолжения учебы. Занимаясь в Сэйдзё Гакко, учебной школе для военных, Сиде в 1881 году записался в Инодэ Додзё школы Тэндзин Синъё Рю. В то время Кано как раз стремился поднять престиж своего Кодокан дзюдо. Мастерство, которое показывал Сиде в рукопашных схватках, убедило Кано, что неплохо было бы предложить ему место помощника в Кодокане, на что Сиде дал согласие. Женившись в 1884 г. на дочери Сайго Таноно Тикамасы, Сиде стал приёмным сыном этой семьи и переименовал свое имя на Сайго Сиро. В период, когда Кодокан делал свои первые шаги, Сайго служил для всех вдохновляющим примером. В романах и фильмах его обессмертили под именем Сугата Сансиро. В 1886 году, когда Кодокан смело принял вызов, брошенный ему школой дзюдзюцу, которая думала перечеркнуть надежды выскочки Кано, Сайго Сиро показывал всё свое умение. Используя технику яма араси (бури в горах), основанную на принципах и технике искусства осикиути, Сайго наголову разбил всех, бросивших вызов, и способствовал славе Кано и его Кодокан дзюдо.

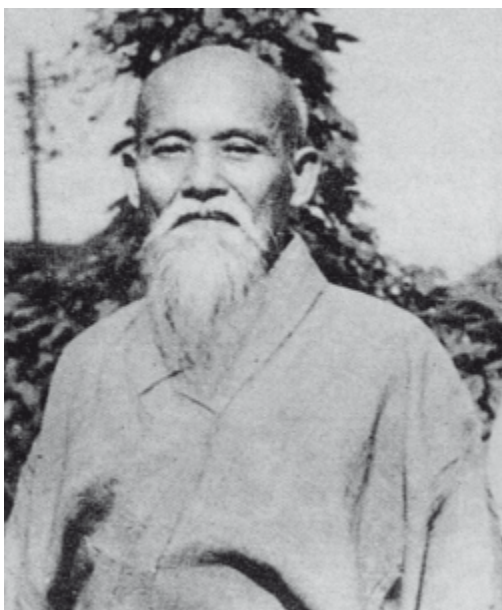
Кано назначил Сайго Сиро главой Кодокан на время своей поездки в Европу в 1888 году. Такая ответственность еще сильнее заставила его испытывать угрызения совести за свои столь противоречивые привязанности, ибо он был многим обязан и своему первому благодетелю и учителю, Сайго Таноно Тикамаса, и Кано, оказавшему ему столь высокое доверие. Пытаясь разрубить этот узел, в 1891 году Сайго Сиро покидает Токио,

отправляется в Нагасаки и строит свою жизнь таким образом, чтобы не стеснять себя обязанностью быть преданным ни тому, ни другому. Он бросает занятия осикиути и дзюдо. К 1899 году он уже вице-президент Хинода Ньюспэйпэр Компани на Кюсю, и последующие двадцать лет, вплоть до своей смерти, целиком посвятил себя изучению кюдзюцу (искусству стрельбы из лука), достигнув уровня ханси (образцового мастера).

Поспешный отъезд Сайго Сиро вынудил старшего Сайго искать иного достойного ученика, которому он мог бы доверить все свои знания в области осики-ути. Будучи священнослужителем в храме Рэйдзан, старший Сайго остановил свой выбор на Сокаку, посчитав его достойным такой чести, и начал в 1898 году обучать Сокаку некогда единственному в своем роде искусству рыцарей клана Айдзу. Его неумное желание изучать боевые искусства, помноженное на мастерство мечника классического кэндзюцу, позволило Сокаку быстро овладеть искусством осикиути. В тот же год, когда он приступил к занятиям под началом Сайго, Сокаку было разрешено обучать людей, отобранных из бывшего самурайского сословия удела Айдзу. Незадолго до своей смерти старший Сайго благословил Сокаку на дальнейшее распространение идей и техники осикиути среди более широкой аудитории. Следуя воле мастера, Сокаку начал постепенный пересмотр исходных идей осикиути. По официальной просьбе он отправился в 1908 году на Хоккайдо, чтобы обучать полицейские отряды приемам рукопашного боя. Сокаку рассматривал видоизмененную форму осикиути как дзюдзюцу. Чтобы придать солидности своему детищу, он добавил к нему название Дайто Рю (не следует путать с Дайто Рю клана Айдзу). Дайто Рю дзюдзюцу, руководимое Сокаку, оставалось консервативной, но действенной системой самообороны. Одним из его многообещающих учеников был Уэсиба Морихэй.

УЭСИБА МОРИХЭИ АЙКИДО

Уэсиба (1883—1969) был старшим сыном земледельца из префектуры Вакаяма. Юношей в 1898 году он отправился в Токио поступать в Тэндзин Синьё Рю, руководимую Годзавой Току-сабуро. Утверждают, что интерес Уэсибы к другим классическим будзюцу привел его в 1902 году к изучению Ягю Синкагэ Рю дзюдзюцу под началом Накаэ Масакацу. Во время русско-японской войны он был призван в императорскую армию, что дало ему возможность путешествовать и непосредственно познакомиться с различными видами борьбы и самообороны. В период своей службы Уэсиба продолжал заниматься дзюдзюцу, и ему была дана высшая форма преподавательской лицензии, Мэнкё-кайдэн, школы Тэндзин Синьё Рю в 1908 году. Покинув армию, Уэсиба отправился на Хоккайдо, намереваясь заняться сельским хозяйством, и именно там в 1915 году он сам поступает в Дайто Рю, чтобы изучать дзюдзюцу под началом Сокаку.

Морихэй Уэсиба

Уэсиба был способным учеником, и уже в 1917 году получил мэнкё, иначе преподавательскую лицензию, за совершенное владение тридцатью тремя техниками. Он также продолжал изучать [опыт] Ягю Синкагэ Рю и в 1922 году якобы удостоился мэнкё за мастерство в части дзюдзюцу этой школы; в том же году Сокаку разрешил ему самому преподавать методы Дайто Рю, известные тогда как айкидзюцу.

Но кипучая натура Уэсибы была неудовлетворена классическим будзюцу, которые ему довелось изучать. Его скорее привлекали более высокие идеалы (до), чем практическая жилка рукопашных искусств (дзюцу). А ранняя форма айкидзюцу делала ставку на практические стороны самообороны. Когда ему пришлось специально продемонстрировать свое умение адмиралу Ямамото Гомбэю в ставке последнего в 1925 году, высокопоставленное общество было приятно удивлено. В 1932 году Уэсиба открывает в Токийском квартале Синдзюку двери своего додзё и целиком отдается задаче расширения базиса айкидзюцу. Он стремился через занятия установить непосредственную связь с природой, совершенствовать себя и тем самым улучшать общество. Его влияние на учеников оказалось достаточно сильным, а его идеи стали популярны среди широкой части японского общества. Уэсиба также теоретически усвоил Синкагэ Рю (не путать с Ягю Синкагэ Рю) дзюдзюцу. В 1938 году Уэсиба выступает со своим собственным видом айкидзюдзюцу, который должен был соответствовать социальным условиям того времени. Он назвал этот вид айкидо.

Морихэй Уэсиба в 33 год

Вслед за этим произошел раскол внутри основного течения Дайто Рю айкидзюдзюцу. Линия Сокаку, традиционная или консервативная часть, стала сильно уступать по популярности новому прогрессивному направлению. Каждое из этих направлений основывало свою работу на разных принципах, и поскольку айкидо Уэсибы существенно отличается от традиционного направления айкидзюдзюцу Сокаку в задачах, технике, методах занятий, то Уэсиба и считается настоящим основателем айкидо.

ДОШИМ СО ШОРИМДЖИ КЭМПО

Шоринджи Кэмпо, как говорит Со Дошин, блестящий зачинатель этого вида воинского искусства в Японии – это «кэмпо», пересмотренное и систематизированное с новой точки зрения... усиленное увязанной с ним философией дзэн. Выражение «Шорин джи кэмпо» есть японское прочтение китайских иероглифов, которые на языке оригинала звучат как «шаолинься цюань-фа», что в переводе на русский означает «принцип кулачного (боя) шаолиньского монастыря», т.е. это название охватывает лишь часть всех идей, которые составляют традицию шаолиньских воинских искусств Китая.

Дошин Со

Со Дошин – это имя, которое взял себе Накано Митиоми (1911—1980), основатель наиболее известной школы Шоринджи Кэмпо в Японии. Накано родился в префектуре Окаяма и был старшим ребенком в семье таможенного чиновника. После смерти отца молодого Накано отправили жить к бабушке в Маньчжурию, служащему Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Это было время, когда японская военщина вынашивала планы территориальных захватов на Азиатском континенте. И отец и бабушка Накано были дружны с Тоямой Мицуру, создателем Общества Черного Дракона, и участвовали в его вылазках. После смерти бабушки молодого Накано отозвали в Японию, где он оказался под непосредственным началом у Тоямы и других лидеров Общества.

Прошедшего обучение как члена Общества Накано в 1928 году опять отправили в Маньчжурию для разведывательной деятельности. Чтобы замаскировать цель поездки, был пущен слух, что Накано стал послушником у даосского монаха, который сам был агентом тайных китайских обществ и активно участвовал в религиозных и политических акциях. Вероятно, что Накано своим первым знакомством с китайским цю-ань-фа обязан этому монаху, который, по мнению Накано, был связан с северной ветвью шаолиньской традиции (воинских искусств). Накано усердно принялся изучать цюань-фа.

Накано утверждает, что его первые занятия цю-ань-фа были поддержаны Обществом Белого Лотоса [19 - Кит. Банляньпэ.]. Это тайное общество вышло из буддийской школы Таньтай (Тэндай по-японски) [20 - Первым патриархом школы Танытай считают легендарного Нагарджуну, знаменитого основоположника мадхьямики (философской школы Махаяны) и ваджраяны (одного из главных направлений Махаяны, доел.: алмазная колесница), но фактически основателем школы является Чжи-ай (538—597), ее четвертый патриарх. Японскую школу Тэндай, со временем фактически ставшую государственно-военной церковью, в 804 году основал буддийский монах Сайте (767—822).] и создано, как полагают, в 1133 году; но его генеалогия по побочной линии восходит к IV веку [21 - В начале V века у горы Путань, что в верхнем течении реки Янцзы, китайский буддист Хуэй Юань (334—416) вместе с восемнадцатью монахами и мирянами основал Общество Белого Потоса для преподавания учения о чистой земле, своеобразном буддийском рае, будды Амитабхи. В VII-VIII веках на основе Общества образуется буддийская школа «чистой земли» (кит. Цзинту) благодаря деятельности монаха Маоцзиюаня. Позднее центральный культ Общества – почитание Амитабхи – дополняется верой в скорое

эсхатологическими мотивами. Этому способствовало и проникновение в идеологию Общества манихейских доктрин. В результате в XIII-XVI веках оно превращается в одну из народных сект, неоднократно запрещаемую династиями Юань (1279-1368), Мин (1368-1644) и Цин (1644-1911). Эсхатологические концепции Общества часто выступали в роли идеологии крестьянских восстаний и антиправительственных движений Китая периода позднего Средневековья.]. Общество Белого Лотоса проповедует смирение, подавление страстей, вегетарианство, воздержание от алкоголя; к тому же здесь запрещено покушаться на человеческую жизнь. Его влияние среди крестьянских общин Китая было огромным. Обязательным было обучение членов Общества ушу (будзюцу по-японски); в программу обучения входили как вооруженные, так и безоружные методы ведения боя. Члены Общества очень умело могли обращаться с цян, иначе пикой с граненым наконечником. Рост воинственных настроений среди членов общества объяснялся тем, что подобный дух необходим для отпора вторгшихся в пределы Китая варваров чжурдженей и защиты династии Юань (1270—1368) и за установление династии Мин, а также против маньчжурских поработителей в период династии Цин (1644—1911).

Общество Белого Лотоса действовало через сеть различных отделений, таких как Общество Красных Повязок, Общество Восьми Триграмм, Общество Желтых, так называемые шаньдунские «боксеры», и Общество Белых Роз. Видным отделением было Общество Цайли (абсолютного принципа), которое следовало буддистским идеям и даосской практике и было пронизано конфуцианской этикой. Другим значительным отделением Общества Белого Лотоса было Игуань Дао (путь вездесущего единства); это отделение активно действовало в период Второй мировой войны, когда Накано работал на Общество Черного Дракона. Члены этого отделения были воинственными «боксерами», полагавшими, что Дао, выступающее как Единство, является корнем всего сущего и тем принципом, который пронизывает все существование. Согласно философии Игуань Дао, Вселенная вырастает из ли, иначе принципа, который бесконечен и предшествует ци, иначе материальной силе; вселенная живет взаимодействием инь и ян, негативного и позитивного проявления космических сил. Игуань Дао активно действовало в японских областях Северного Китая и Маньчжурии, когда там находился Накано.

Первый свой опыт знакомства с цюань-фа Накано приобрел посредством пай (традиционные школы китайского ушу), главенствующей среди членов Общества Белого Лотоса. Накано утверждает, что полученные им знания носили сумбурный характер. Но поскольку китайское ушу отличалось своей хорошей организацией и систематической формой обучения, при которой занимающиеся образуют «внутреннюю группу», т.е. находятся в непосредственном общении с наставником, утверждение Накано фактически означает, что он сам неглубоко вдавался в изучение цю-ань-фа. Но, как заявляет сам Накано, будучи членом Общества Черного Дракона, он много разъезжал по всему Северному Китаю, что, без сомнения, представляло для него немало возможностей общаться со многими знатоками цюань-фа и тем самым набираться опыта в различных воинских премудростях. В Пекине Накано общался с неким Вэнь Лаоши, «двадцатым патриархом северного шаолиньского стиля цю-ань-фа ивамонкэн» (японское произношение), и был его учеником. Китайские источники подтверждают, что Вэнь Дайцун был бесспорным мастером северного шаолиньского стиля, называемого Ихэцюань, иначе «кулак, поднятый во имя справедливости и согласия». Вэнь учил на горе Сун Шань, самом высоком из пяти горных пиков в Хонане. Его последователи составили основной костяк среди «боксеров», поднявших восстание в 1898—1901 годах.

В Японии никогда не существовало легитимной секты китайской шаолиньской традиции воинских искусств. Тем не менее шаолиньское цюань-фа («кэм-по» по-японски) всегда восхищало японцев, и слово «кэмпо» использовалось ими достаточно широко еще с древних времен, обозначая всякую и все в совокупности формы тактики ведения безоружного свободного боя, на технике которых сказывается китайское влияние, как бы мало оно ни было. На основе понравившихся им методов ведения свободного боя японцы создали целую сеть различных видов кэмпо по всей стране, приспособивая новые стили и направления к собственному, а не китайскому вкусу.

Когда в 1945 году СССР захватил Маньчжурию, Накано с помощью различных тайных обществ удалось бежать. На следующий год он был репатрирован. Оккупированная союзными войсками Япония произвела на Накано гнетущее впечатление. Он со всей решимостью стал искать возможности вернуть японцам национальную гордость и моральный дух. Первым делом он поступил в Хакко Рю, которую основал в 1938 году Окуяма Ёсидзи (Ёсихару). Окуяма, ученик Мацуды Хосаку из Дайто Рю, обучал Накано дзюдзюцу, основанному на идеях стиля Такэда айкидзюдзюцу. Накано приобрел достаточный навык в этой современной форме дзюдзюцу, но вскоре он покидает Хакко Рю, чтобы создать свою собственную школу. Когда он уже носил имя Со До-шин (Дошин является китайским прочтением иероглифов, составляющих его собственное имя – Митиоми), Накано решил объединить свои знания о дзюдзюцу с теми знаниями о многих разновидностях цюань-фа, которые он получил в Китае и Маньчжурии. После тщательного пересмотра, расширения и систематизации имеющихся у него сведений об этих искусствах в 1947 году Накано выступил со своей новой системой, названной Ниппон Дэн Сэй То Шоринджи Кэмпо.

ШКОЛА КЭМПО-ДЗЭН

Мастера школы Кэмпо-дзэн Сергей Коваль и Юрий Холин – давние поклонники Востока, его культурного, философского, религиозного наследия. До определённого момента каждый из них шел посвоему к древним и вечно молодым знаниям йоги, тантры, буддизма, боевых искусств, ведущих, при правильном обращении с ними, к раскрытию в человеке его светлого, изначального состояния Просветления...

О! Мы живём очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как смеющиеся боги.

Дхаммапада

Ещё во времена учёбы в университете они осознали, что кроме чисто интеллектуального подхода к идеям, скажем, того же буддизма, необходима и физическая практика определённого рода, ведущая к необычному для европейца состоянию «думания телом». Мысль особого комплексного подхода к проблеме совершенствования личности бередила их души. Но дуализм материалистического воспитания – дух и материя, плохо и хорошо, черное и белое, наше и не наше, с постоянным выбором и противопоставлением одного другому – исключал возможность цельного, непродвзятого, недифференцированного восприятия действительности.

Как уберечься от однобокости развития? Как не дать превратить себя только в атлета или аскета тела, или мудрствующего духобора? Но как сделаться личностью, несущей в себе единство трех начал: тела, духа и ума? В этом авторам помогли философия, учение и боевая техника медитации восточных единоборств, а в частности – школы Шоринджикэмпо и йоги.

С 1979 года, сразу после окончания факультета иностранных языков университета, они ещё больше внимания уделяют как практике, так и теории кэмпо, занимаясь как самостоятельно, так и в секциях.

Мастера с В. Метхананда Тхеро, Индия, 2001 г.

Специфика времени 70-х – начала 80-х годов создала уникальное положение контрадикции и озлобленного неприятия всего светлого и чистого, идущего с Востока.

1982—1983 годы были отмечены повсеместным запрещением занятий любыми видами восточных единоборств; за пропаганду и занятия йогой и экстрасенсорной практикой можно было получить прекрасную возможность долго и безрезультатно лечиться в психиатрических больницах. И это тогда, когда в Европе и Америке люди поражаются сверхъестественным возможностям таких авторитетов, как Тхиренд-ра Брахмачари, Шри Раджниш, Свами Прабхупада, Ури Геллер, Элдон Берд и др.

Теперь можно лишь вспомнить с улыбкой те скрупулезные переписывания, перепечатывания и заучивания материала по индуизму, буддизму, йоге, боевым искусствам; те подвально-чердачные тренировки в небольших группах энтузиастов. Да, эти знания, доставшиеся столь тяжело, вошли в плоть и кровь навечно, и, что самое отрадное, при дальнейшем их развитии, они дают вполне реальные плоды. Авторы ни в коем случае не жалеют об этом уникальном, неповторимом десятилетии их жизни, сделавшем из них поистине атлетов духа, не только давшим им бесценное знание истин различных философских и религиозно-этических направлений, но и сдружившем их со многими чудесными людьми как в нашем отечестве, так и в Индии, Корее, Непале, Шри-Ланке, Японии.

И увидел я новое небо и землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

Иоанн. отк. 21:1

В частности, авторы очень благодарны индийским друзьям, сделавшим их пребывание в Индии, где они стажировались в йоге и кэмпо, интересным, плодотворным и более комфортабельным. Это Преподобный Ари-яванса Наяка Махатхеро, вице-председатель

Совета Буддистской общины мира, пандит Джоши Кармайю-ги, глава делейского центра Вишваятан Йогашрам, господин Кришна Чандра, вице-директор института правительства Индии, доктор Кумар Упадхьяя, Преподобный В.Метхананда Тхеро, президент буддийской организации «Маха Бодхи» в Индии. Это и мастера аутентичного Кэмпо сотрудники полицейской академии Нью Дели Ману Рама, и Суреш Диван а так же аспирант сельхозинститута, где с 1980 по 1990 годы авторы работали с иностранными студентами и аспирантами, Сизе Ким, мастер таэквондо, 5-й дан. Это и господин Тсунихеро Араи, Генеральный секретарь Всемирной организации Шоринджи-кэмпо, терпеливо ведущий с авторами переписку, помогая разобраться в целях и задачах деятельности этой организации. Это и многие другие друзья. Все эти люди в той или иной мере способствовали их дальнейшему укреплению в сложном пути совершенствования и реализации личности, заложив основную идею бесконечности этого пути.

Школа Кэмпо-дзэн – боевой стиль и система духовного и физического совершенствования – возникла в России в городе Краснодаре в 1989 году. Но этот год стал как бы официальной точкой отсчета. Реально же школа начала функционировать двумя годами раньше, в виде курсов по психофизической подготовке го-хо и йоги, так как в то время существовал строгий запрет на все виды восточных единоборств.

Основателями стиля школы и духовными наставниками являются мастера кэмпо и йоги Коваль С.Н. и Холин Ю.Е., обучавшиеся этим дисциплинам в Индии и ставшие одними из первых официальных представителей боевых искусств на Кубани при Краснодарском краевом физкультурно-спортивном клубе восточных единоборств, куда принимались, в том же 1989 году на правах руководителей школ не многие, а лишь квалифицированные не ниже 2-го дана специалисты.

В техническом плане стиль школы представляет собой довольно обширную систему аутентичного кэм-по и йоги, включающую в свой арсенал традиционные для всех видов кэмпо боевые приемы мягкой и жесткой техники, а также дзэн-философию и практику, оздоровительные техники и психологическую работу.

В основе обучения школы лежит и методика современного японского стиля Шоринджи-кэмпо, являющаяся обязательной как в техническом и физическом, так и в оздоровительном и духовном смысле. Рабочая терминология школы основывается на японском языке и санскрите.

Весь ход занятий в школе Кэмпо-дзэн направлен на то, чтобы через довольно сложную систему приемов боевой и психофизической практики с обязательным включением дза-дзэн (техники медитации) помочь человеку овладеть в той или иной мере искусством видеть природу собственного бытия; научить высвободить все скопленные в нем «виды энергии, которые, как правило, искалечены и искажены до такой степени, что не находят адекватного доступа к деятельности»; открыть в нем способности свободной игры «всех творческих и ведущих к благу побуждений, внутренне присущих нашему сердцу».

Следует отметить, что ученику школы Кэмпо-дзэн предлагается образовательная программа по шести основным направлениям:

1. Боевое искусство.
2. Духовная дисциплина.
3. Оздоровительная практика.
4. Специальная система физического воспитания.
5. Вид активного отдыха.
6. Спорт.

Но каждый занимающийся в школе берет от любого направления ровно столько, сколько способен или хочет взять, активизируясь то в одном, то в другом, в зависимости от насущных потребностей на Пути своего совершенствования.

Мастера же школы лишь умело корректируют процесс индивидуального становления, не навязывая ни практических, ни теоретических знаний, но предоставляя их в полном объеме перед учениками.

В школе Кэмпо-дзэн вообще существует традиционная для всех дзэнских школ система ненавязываемого обучения, при которой неофита не приглашают, не удерживают, не прогоняют и не провожают, предоставляя ему полную возможность самостоятельно разобраться в его внутреннем мире. Поэтому он вправе уходить из школы и возвращаться, когда ему вздумается. Кроме активной работы по развитию школы, организации занятий по боевой и оздоровительной практике, лекций, выездных семинаров Коваль С.Н. и Холин Ю.Е. плодотворно занимаются и теоретической деятельностью, результатом которой явились многочисленные статьи в газетах и журналах, практические пособия и книги, такие как: «Кэмпо», Краснодар, 1991 г.; «Йога для всех», Краснодар, 1990 г.; «Дух воина», Кострома, 1993 г.; «Философия поединка», Краснодар, 1996 г.; «Пробуждение», Краснодар, 2002 г.; «Проблески», Краснодар, 2002 г.; «Боевой дзэн», Ростов-на-Дону, 2004 г.; «Секреты Тантры», Ростов-на-Дону, 2004 г.; «Песочная свирель», Ростов-на-Дону, 2004 г.

Мастера с Арьявансо Няка Махадхеро

Коваль С.Н. и Холин Ю.Е. являются мастерами 5-го дана дзэнских боевых искусств, Мастерами 5 дана Дзе-син-до, Каратэ-до, Почетными докторами Собора Духовной Дхармы, докторами йогавиджняны. Летом 1999 года, во время очередного визита в Индию, ими основана совместная Индо-Российская организация по обмену учащимися в системе компьютерных школ и курсов самосовершенствования и боевых искусств.

Мастера с Кришна Чандра

МЕТТА

Исходя в своем мировоззрении и гуманизме из истоков буддизма, Кэмпо-дзэн уделяет огромное внимание идее МЕТТЫ – любви и доброты ко всем живым существам. Можно процитировать по этому поводу высказывание самого Будды, кстати, часто, и это совершенно правильно, цитируемое многими авторами. Он так говорил по поводу любви к ближнему:

Человек, который осознанно тренирует себя в неограниченной любви, скоро начинает чувствовать, как истончаются его оковы и исчезают тюремные застенки. И если он любит только одно существо чистой любовью, чуждой злу, то это уже приносит спасение. Но «тот, кто полон сострадания ко всем, тот получает неизмеримую пользу» (Итивуттака).

Счастье людей зависит от мира, покоя. Покой есть результат отсутствия конфликтов. Конфликты являются причинами всех наших несчастий. Они в свою очередь – результат различного рода напряженности. Напряженность существует в каждом из нас. Она происходит из раздоров на социальной, политической, расовой, религиозной и т.д. почве. Она возникает также и между народами и этническими группами. Вспомним, наконец, экономическую напряженность, рождающуюся из «иметь и не иметь».

Этот огромный ком напряженности является причиной страха, подозрений, ненависти, мстительности, что так скоро ведет человека к несчастью и страданиям. Таким образом, мы живем в мире и обществе, лишенных покоя, и в конце концов бремя несчастья и страдания становится настолько тяжелым для восприимчивого человека, что наполняет его отчаянием относительно судьбы всего человечества.

С кем бы мы ни дружили, можем ли мы стать задушевными друзьями, если мы друг друга не понимаем, если мы не знаем, что у каждого из нас на душе?

Мао Цзе-дун

Вся беда в основном заключается в том, что конфликты вращаются вокруг слепого эгоизма, ведущего ко всякого рода дискриминациям, и лишь добрая воля и понимание смогут разрешить проблемы, стоящие перед человечеством. С этой целью необходимо вырабатывать в себе благородные качества доброй воли, товарищества и братства или, выражаясь терминологически, – необходима практика МЕТТЫ. Следует понимать значение термина МЕТТА. Иногда метта переводится как посылание мыслей любви другим людям. Но следует разобраться, какой именно любви. В русском и во всех, или многих европейских языках нет слова, выражающего понятие любви вне чувственного контекста. Если это не чувственная любовь, то просто идет описание того, какая это любовь. На пали есть слово рага, означающее любовь чувственную, и слово МЕТТА (mettha).

Медитировать – не значит упражняться в бытии огурцом, который просто сидит и ничего не делает.

А. Берзин

Любовь чувственная подобна огню. Однажды возникнув, она разгорается и обжигает даже носителей её. Вот почему Будда по этому поводу сказал, что нет на свете огня, подобного вожделению (НАТ-ТХИ РАГО САМО АГГИ). С другой стороны, МЕТТА обладает успокаивающим эффектом подобно мягкому прикосновению нежной руки. Она создаёт спокойную приятную атмосферу.

Злое слово почитает больше жизни лишь злодей.
Шота Руставели

МЕТТА – это состояние сердца, способного дарить благодать, и это состояние есть наилучшее в мире. Как для просветленного человека медитация – это не упражнения, раз от раза выполняемые, наподобие гимнастики, но состояние сознания, находящегося в гармонии со своей таковостью и окружающим миром, так и для человека, практикующего МЕТТУ, его доброта и сердечность излучаются и влияют на мир всегда – ходит ли он, стоит, сидит или выполняет свои обычные обязанности.

Это состояние можно считать идеальным в отношении к людям. Будда учил нас, как практиковать МЕТТУ, или универсальную любовь. Начинать эту практику необходимо с себя, а возлюбив себя, став очагом любви, идти дальше, распространяя её на весь универсум. Необходимо запомнить одну важную истину: человек, который не думает о своём собственном благополучии, не способен создавать такое же благополучие для других. Милосердие начинается с нас самих. И только в подобном состоянии человек может произносить слова МЕТТЫ: АХАМ АВЕРО ХОМИ, АНЪЯПАДЖДЖО ХОМИ СУКХИ АТТАНАМ ПАРИ-ХАРАМИ (да избавлюсь я от дурной воли; да избавлюсь я от несчастий; да снизойдет на меня благодать).

Постепенно необходимо распространять эти мысли чистой любви на все живые существа: САБЕЕ САТТА АВЕРА ХОНТУ, ОБЪЯПАДЖДЖА ХОНТУ, СУК-ХИ АТТАНАМ ПАРИХАРАНТУ (да избавятся все живые существа от несчастий; да снизойдет на них благодать). В сердце произносящего эти слова, т.е. практикующего МЕТТУ, не остается места для ненависти, злобы и подобных чувств, основанных на разного рода различиях и дискриминации.

Человек с подобным состоянием души способен практиковать то, что мы называем ЧАТУ-САНГАХА-ВАТТХУ, или четверичную услугу, а именно: ДАНА – благотворительность; ПИЙЯ-ВАЧАНА – праведная речь; АТ-ТХА-ЧАРИЙЯ – труд во благо; САМАНАТТАТА – равенство.

ДАНА – это способность поделиться имеющимся у вас с другим. Это всегда добровольный акт, произведенный со знанием и открытым сердцем. Выполнение ДАНЫ достойным образом благословенно для того, кто её выполняет, и для того, на кого она обращена. ДАНА – это не только подача милостыни или материальных благ, но и интеллектуального и духовного. Будда восхвалял ДХАММАДАНУ как высшую ДАНУ словами: САБ-БА ДАНАМ ДХАММА ДАНАМ ДЖИНАТИ.

Воины уходят

ПИЙЯ-ВАЧАНА – праведная речь. Речь это величайшая сила, данная человеку. Используя её неверно, человек может нанести тем самым большой вред, но употребив правильно, – приносит много пользы. Чтобы быть эффективной, праведная речь должна и приятно звучать, проникая в сердце. Именно по этому поводу Будда сказал:

ЯХТА ПИ РУЧИРАМ ПУППХАМ ВАННА – ВАТАМ САГАНДХАКАМ.
ЭВАМ СУБХАСИТА ВАЧА САПХАЛА ХОТИСА-КУББАТО.

Ради труда пришли мы в мир, Не ради пустой болтовни пришли.
Низами

Как цветок великолепен своей красотой и ароматом, так впечатляюща праведная речь в устах её говорящих.

АТТХА-ЧАРИЙЯ – это труд во благо себе и другим; служба для себя и окружающих нас людей. Важно следовать своим повседневным обязанностям и встречать своё окружение без высокомерия, но с вниманием и дружелюбием. Как вообще первой заповедью для буддистски настроенного человека должно быть сердечное обращение с другими.

Величайшей иронией и парадоксом человеческой природы является то, что несчастному, замкнутому человеку (на бессознательном уровне, разумеется) для пребывания в таком состоянии приходится затрачивать усилия гораздо больше, чем если бы он был свободным, счастливым и целостным.

Константин Майков

САМАНАТТАТА – это одинаковое отношение ко всем, независимо от социального положения, богатства, интеллекта. САМАНАТТАТА – это также поведение, отличающееся без какого-либо намёка на склонности, предрассудки или разделения. Именно в этом духе Будда открыл двери своей сангхи для всех без исключения. В одной из своих проповедей Будда сказал: Уважение, сотрудничество, гармония, единство и желание жить в мире. Эти понятия сплачивают человеческую семью, как ось колеса держит в покое всю повозку во время пути, не давая ей возможности подскакивать на ходу. Таким образом, если МЕТТА, или универсальная любовь, практикуется именно в таком духе, даже самые сложные проблемы разрешаются просто, и возникают основания для создания счастливой человеческой семьи.

Мастера с Оливье Ван-Женом.

Генеральным секретарем Всемирной организации дзэн

Библиография

1. Абаев Н.В. Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1991.
2. Аллан Б. Уотте. Дзэн-буддизм. Что это такое? Москва, 1993.
3. Аллан Б. Уотте. Природа, мужчина и женщина. Киев, 1999.
4. Ашвагхоша. Жизнь Будды. Москва, 1990.
5. Блайе Р.Х. Золотой век дзэн. С. – Петербург, 1998.
6. Берзин Алекеандр. Общий обзор буддистских практик. С. – Петербург, 1993.
7. Ваеильев Л.С. История религий Востока. Москва, 1983.
8. Вон Кью-Кит. Энциклопедия дзэн. Москва, 1999.
9. Дон Ф. Дрэггер. Современное будзюцу и будо. Москва, 1998.
10. Дайеецу Тайтаро Судзуки. Мистицизм: христианский и буддийский. Киев, 1996.
11. Дайеецу Тайтаро Судзуки. Наука дзэн – ум дзэн. Киев, 1992.
12. Идрие Шах. Суфизм. Москва, 1994.
13. Икэгути Экан. Подвижник огня. Москва, 1996.
14. Кен Уилбер. Никаких границ. Москва, 1996.
15. Коваль С.Н., Холин Ю.Е. Дух воина. Кострома, 1995.
16. Коваль С.Н., Холин Ю.Е. Философия поединка. Краснодар, 1997.
17. Коваль С.Н., Холин Ю.Е. Йога для всех. Краснодар, 1990.
18. Коваль С.Н. Пробуждение. Краснодар, 2002.
19. Каганов Л.С. Медитация. Мистика или психотехника? Черкесск, 1990.
20. Книга самурая. С. – Петербург, 1998.
21. Скрыбина Редиин К.И. Я никогда не говорю-про-щай! Москва, 1997.
22. Люк Рейнхард. Трансформация. Минск – Москва, 1997.
23. Миркина З., Померанц Г. Великие религии мира. Москва, 1995.
24. Чарльз Тарт. Пробуждение. Москва, 1997.
25. Шунрю Судзуки. Сознание дзэн, сознание начинающего. Москва, 2000г.
26. Мудрость дзэн. С. – Петербург, 2001.
27. Лама Анагарика Говинда. Психология раннего буддизма. С. – Петербург, 1993.
28. Лукач Йожеф. Пути богов. Москва, 1984.
29. Мел Томпсон. Восточная философия. Москва, 2000.
30. Холин Ю.Е. Проблески. Краснодар, 2002.
31. Тарас А.Е. Боевые искусства. Минск, 1996.
32. Такуан Сохо. Письма мастера дзэн мастеру фехтования. С. – Петербург, 1997.
33. Тартанг Тулку. Релаксация Кум Нье. С. – Петербург, 1994.
34. Тхить Нья Хань. Обретение мира. С. – Петербург, 1993.
35. Чак Норри. Тайная сила внутри нас. Киев, 1997.
36. Э.Фром, Д. Судзуки, Р. де Мартино. Дзэн-буддизм и психоанализ. Москва, 1997.
37. Чжан Чжэнь – Цзы. Практика дзэн. Краснодар, 1993.
38. Ariyawansa Nayaka Mahathero. Relevance of Buddhism in Modern Age. New Delhi, 1989.
39. Doshin So Shorinji Kempo, Japan Publ;ation Inc., Tokyo, 1970.
40. Douglas L. Wong Shaolin Fighting, Unique Publications Inc., U.S.A., 1982
41. Inazo Nitobe Bushido. The Warriors Code. California,

- 1985.
42. Georg Jacob and Harry Peloquin. Living in Balance. Pyramid. London, 1998.
43. Hu C.N. Zen: a semantic approach. Victory Press. Monterey, CA. 1998.
44. Jyoti Sarup. Better Kung Fu. New Delhi, Bombay, 1989.
45. Laurence G. Boldt. Zen and the Art of Making a Living. Penguin, 1993.
46. Medhananda Thero. Daily Buddhist Worship. New Delhi, 1997.
47. Taisen Deshimaru. The Zen Way to the Martial Arts. E.P. Dutton. New-York, 1982.
48. Taisen Deshimaru. The Ring of the Way. Rider. London, 1987.
49. Toshihiko Izutsu. Zen Buddhism. Imperial Iranian Academy of Philosophy. Tehran, 1977.

Вклады

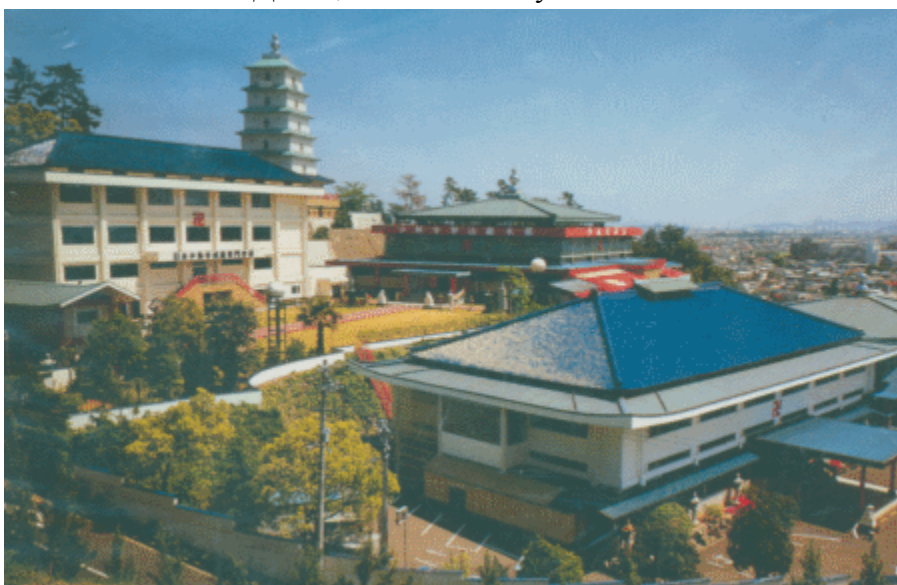

Лекция мастеров

КЭМПО-ДЗЭН

Школа КЭМПО-ДЗЭН, Тай-кай в лесу

Штаб-квартира Шоринджи-КЭМПО

Всемирный Эмбукай 1987 г. 11.22.

Ритуальная практика. Индия

Мастера с учителями Аутентичного КЭМПО. Индия

Бог-оградитель Конг-Рикиши. Нара

Хранилище книг составляет 28000 томов. Лхаса

Дайтоку. Бог смерти То-джи. Киото

Будда. Современная и традиционная иконография. Таиланд

Будда. Современная и

Будды и Архаты.

Тайланд

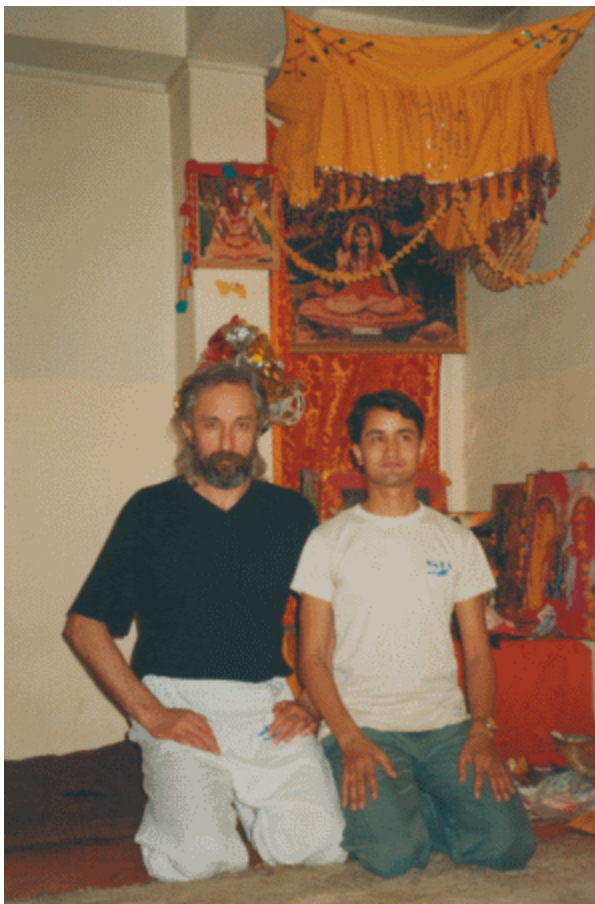
Замок Потала. Лхаса

Прыжок на фоне монастыря Шаолинь. Китай

Тундари. Го-джи

Коваль С. с мастером йоги Рахулом. Непал

Только после долгих лет ученичества Будда достиг просвещения

Смысл Нирваны нельзя объяснить, его можно только пережить

Монастырь Эйхей-джи

Ступа Бодх-Натх. Непал

Автор: Юрий Холин

Издательство: Феникс

ISBN: 5-222-05989-8

Год: 2005

Страниц: 416